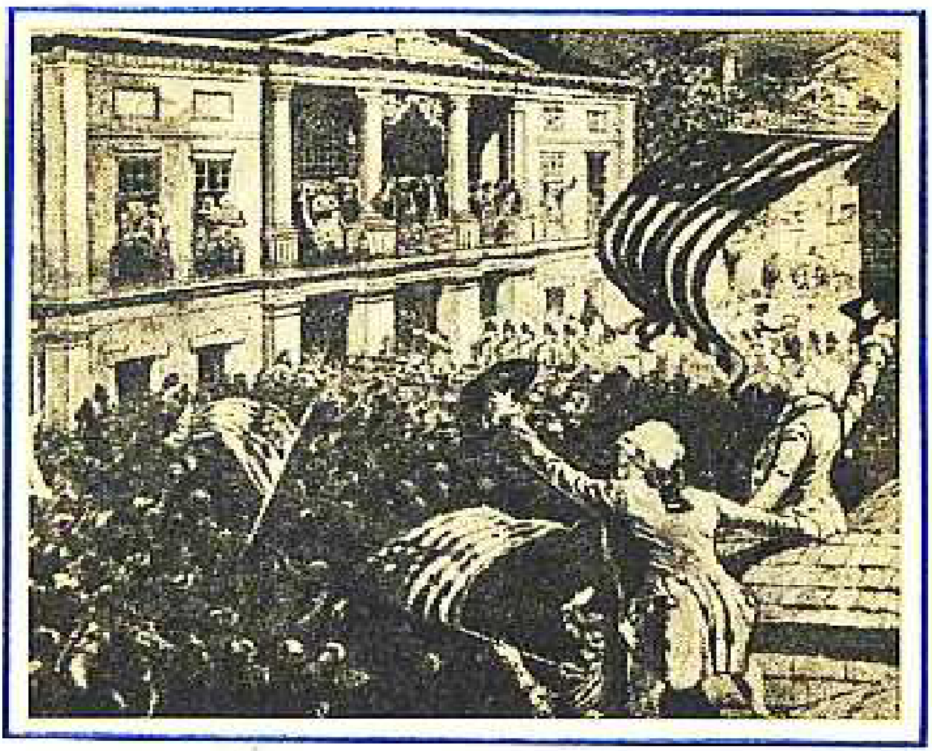
В.В.СОГРИН

ОСНОВАТЕЛИ США: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Политических деятелей, заложивших в США основы государства, партий, идейных традиций, американцы называют «отцами-основателями» страны. Во все времена в стране насаждался их культ, поколения историков и писателей состязались друг с другом в выявлении и восхвалении добродетелей «отцов-основателей».

Автор раскрывает несостоятельность как созданных буржуазными авторами мифов об «отцах-основателях» США, так и мифов о неразрывной связи современной политики Вашингтона с их идеалами и деяниями.

На страницах этой книги читатели познакомятся с пятью «отцами-основателями» США, в судьбах которых, на взгляд автора, наиболее полно и глубоко отразились судьбы эпохи и которые оказали огромное воздействие на формирование политических традиций США.

Центральными являются фигуры А. Гамильтона и Т. Джефферсона, именами которых были названы два пути развития капитализма США.

Мы не ставили своей целью создание исчерпывающих биографий «отцов-основателей» США — такая попытка при наличии многотомных современных биографий практически каждого из известных лидеров молодой североамериканской республики выглядела бы по меньшей мере наивно. Наша цель заключалась в другом: опираясь на новейшие многотомные публикации бумаг «отцов-основателей» и исследовательскую литературу определить место каждого из них в исторических событиях первых десятилетий существования США. Как в судьбах этих деятелей отразились драматические перипетии эпохи становления США и каким был их собственный вклад в американскую идейно-политическую традицию — вот вопросы, па которые пытался ответить автор. Насколько это удалось — судить читателю.

- Оглавление
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ Глава I. Джордж Вашингтон: «отец-основатель» N 1
  - ○ Глава II. Сэмюэл Адамс и судьбы американской революции
    - ■
    - ■ Бунтарь

        - «Отец войны за независимость»?
        - Новый облик Сэмюэла Адамса
    - Глава III. Александр Гамильтон: пророк капиталистического развития
        -
        - Адъютант Вашингтона
        - Ветераны и лоялисты
        - Министр финансов, желающий быть премьером
    - Глава IV. Томас Джефферсон: просветитель и политический деятель
        -
        - Между мечтой и реальностью
        - Путь к власти
        - Опыт президентства
    - Глава V. Джеймс Мэдисон: иллюзии «великого примирителя»
        -
        - «Моя страна — Виргиния»
        - Философ американской конституции
        - Разрыв с Гамильтоном и союз с Джефферсоном
        - Крушение иллюзий
    - Основатели США: 200 лет спустя
    - От автора
    - Указатель имен
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107

- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151

- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159

Оглавление

Владимир Викторович Соргин
Основатели США: исторические портреты

От автора

В 1983 г. США отмечают 200-летие завершения антиколониальной войны и признания независимости американского государства. Эта важная дата американского политического и исторического календаря служит катализатором апологетических истолкований национального опыта США. В огромном потоке апологетической литературы особое место принадлежит биографиям «отцов-основателей» США[1], «великих белых мужей» Америки.

Именами и идеалами создателей американской буржуазной республики в США клянутся видные политические лидеры, руководители монополий и мелкая политическая сошка, еще только мечтающая о приобщении к «сильным мира сего». «Отцы-основатели» взирают на американцев со стен Капитолия, законодательных собраний штатов, судов, офисов, их именами испещрены улицы американских городов, Америка переполнена монументами, статуями и мемориалами «отцов нации», а наиболее знаменитые и почитаемые из них взирают на сограждан с… долларовых купюр различных достоинств. Этот безудержный культ «отцов-основателей» призван утвердить миллионы американцев в той вере, что Америка твердо стоит на страже их заветов, что нынешняя политика Вашингтона опирается на прочные и благородные политические традиции…

На страницах этой книги читатели познакомятся с пятью «отцами-основателями» США, в судьбах которых, на взгляд автора, наиболее полно и глубоко отразились судьбы эпохи и которые оказали огромное воздействие на формирование политических традиций США. Центральными являются фигуры А. Гамильтона и Т. Джефферсона, именами которых были названы два пути развития капитализма США.

В начальной главе книги дан портрет Джорджа Вашингтона — первого президента США. Защита интересов плантаторского класса, отстаивавшего в борьбе с английской короной и парламентом право свободного распоряжения западными землями, привела его в ряды патриотического движения еще до войны за независимость. До начала военных действий роль его в патриотическом лагере была скромной. Он выдвигается на ведущие позиции в руководстве патриотов, став после образования континентальной армии ее главнокомандующим. В этой должности он умело сплачивает и ведет за собой массы солдат и офицеров, изобретательно использует стратегические приемы, ставившие в тупик английских генералов. После войны

за независимость генерал Вашингтон неодобрительно отнесся к планам возвышения военной власти над гражданской и утверждения в стране монархии. Он исходил при этом из того, что революция уничтожила в США социальную почву для аристократических установлений. Вместе с тем, принимая участие в определении послевоенного государственного устройства в США, он обнаружил себя сторонником создания публичной власти, способной надежно защищать интересы буржуазно-плантаторского блока.

Во второй главе книги дан портрет Сэмюэла Адамса. В историческом сознании широких масс американцев, как и в американской историографической традиции, он выступает в качестве «отца» войны за независимость. С этим титулом Адамса, ущемляющим и принижающим «права и заслуги» других «отцов-основателей», можно спорить, но нельзя не признать, что С. Адамс действительно олицетворял лучшие черты Американской революции. Ему принадлежала огромная роль в руководстве патриотическим движением в предреволюционное десятилетие. Адамс был организатором первых групп «сыновей свободы», умело руководил городскими собраниями в Бостоне, видел основную силу антианглийского движения в фермерах и мастеровых и первым среди вождей патриотов решительно оправдывал методы насилия в борьбе с англичанами. Вместе с тем политическая эволюция Адамса совершенно определенно обнаружила где кончалась революционность даже лучших представителей руководства патриотов. Цели революции были исчерпаны для него после победы над Англией. С 1783 г. Адамс отказывается от идей о праве народа на сопротивление властям, вопреки прежней деятельности объявляет незаконными самочинные действия масс. Путь Адамса символизирует политическую эволюцию всего буржуазно-плантаторского клана основателей США, которые после достижения победы над Англией видели свою главную цель в том, чтобы пресечь попытки масс углубить революцию.

Александр Гамильтон, политический портрет которого воссоздан в третьей главе, прибыл в североамериканские колонии незадолго до войны за независимость. Стремительный политический взлет Гамильтона в 80-х годах объясняется умелой и настойчивой борьбой за создание сильного централизованного государства, в котором он одним из первых разглядел надежное средство обеспечения экономических, социальных и внешнеполитических интересов торгово-промышленной буржуазии. В первом правительстве США Гамильтон занял один из ключевых постов — министра финансов, но претендовал на

гораздо большее. Драматический исход жизни Гамильтона — гибель на дуэли с политическим противником в 1804 г. — символизировал временное поражение притязаний северо-восточной буржуазии на гегемонию в управлении страной и уступку ведущих позиций южным плантаторам.

Томас Джефферсон, которому посвящена следующая глава работы, всю свою долгую политическую жизнь как бы выступал в образе двуликого Януса. Как мыслитель Джефферсон исповедовал демократические идеалы, настаивал на отмене рабства, требовал безвозмездной раздачи земли неимущим, признавал право народа на восстание. В роли же политического деятеля он обнаруживал умеренность, умение приспосабливаться к интересам рабовладельцев и торгово-промышленной буржуазии. Автор толкует эти противоречия как драму личности известного просветителя и третьего президента США. Духовный потенциал его незаурядной личности не мог до конца раскрыться, а его мечты не могли воплотиться в стране, поклоняющейся капиталистическому идолу. Его идейное наследие служило источником вдохновения для многих американских демократов. Но им мало что удавалось почерпнуть для своих идеалов из практической деятельности Джефферсона.

Четвертый президент США Джеймс Мэдисон, бывший в начале своей политической карьеры сподвижником Гамильтона, а затем перешедший на сторону Джефферсона, — центральная фигура последней главы. Политический путь Мэдисона, с присущими ему глубокими и необъяснимыми на первый взгляд зигзагами, очень полно и драматично отразил сложный и противоречивый характер взаимоотношений между двумя группировками правящего буржуазно-плантаторского блока США. Мэдисон прослыл их «великим примирителем», непревзойденным среди всех «отцов-основателей» мастером политического компромисса. Выходец из плантаторской Виргинии, Мэдисон был лидером той части рабовладельцев южных штатов, которая исходила из необходимости создания прочного альянса с северо-восточной буржуазией. Высшим проявлением единства буржуазно-плантаторской элиты явилась конституция 1787 г., в разработке которой Мэдисону принадлежала особая роль. Он по праву заслужил имя «философа американской конституции». Однако уже в 90-е годы XVIII в. упрочение внутри- и внешнеполитического положения США привело к острым распрям между торгово-промышленными кругами и плантаторами-рабовладельцами. Разрыв Мэдисона с Гамильтоном, этим духовным вождем северо-восточной буржуазии, и заключение союза с Джефферсоном, которого он воспринимал как защитника

аграрного пути развития США, отразили нарастание противоречий между двумя господствующими социальными слоями США. Сменив Джефферсона в 1809 г. на президентском посту, Мэдисон попытался найти новые пути примирения интересов Севера и Юга. Логика исторического развития, однако, все полнее и полнее обнаруживала иллюзорность планов Мэдисона.

Мы не ставили своей целью создание исчерпывающих биографий «отцов-основателей» США — такая попытка при наличии многотомных современных биографий практически каждого из известных лидеров молодой североамериканской республики выглядела бы по меньшей мере наивно. Наша цель заключалась в другом: опираясь на новейшие многотомные публикации бумаг «отцов-основателей» и исследовательскую литературу[2], определить место каждого из них в исторических событиях первых десятилетий существования США. Как в судьбах этих деятелей отразились драматические перипетии эпохи становления США и каким был их собственный вклад в американскую идейно-политическую традицию — вот вопросы, на которые пытался ответить автор. Насколько это удалось — судить читателю.

Глава I. Джордж Вашингтон: «отец-основатель» N 1

22 февраля 1982 г. США отметили 250 лет со дня рождения Джорджа Вашингтона.

У Джорджа Вашингтона есть основания считаться не просто одним из «отцов-основателей» США, но «отцом-основателем» N 1. Он был главнокомандующим американскими вооруженными силами в годы войны за независимость (1775–1783 гг.), председательствовал на Филадельфийском конвенте 1787 г., выработавшем федеральную конституцию, был первым президентом молодого североамериканского государства (1789–1797 гг.). Фактически до самой своей смерти в 1799 г. он играл роль лидера американской нации. В сознании многих поколений американцев он был и остается «отцом нации», хотя такая оценка оспаривается в американской исторической науке, особенно биографами других основателей США, в первую очередь А. Гамильтона и Т. Джефферсона.

Родословная Джорджа Вашингтона уходит корнями к весьма древней английской дворянской фамилии, упоминавшейся еще в XII в. В 1657 г. его предки бежали от английской революции в Новый Свет. К моменту реставрации Стюартов в 1660 г. они уже прочно обосновались в Виргинии и не пожелали воспользоваться участливым для них исходом событий в Англии, чтобы вернуться на родину. В год рождения будущего первого президента США семья Вашингтона прочно входила в элиту крупнейшей североамериканской провинции.

В юные годы Вашингтону настойчиво прививались навыки управления рабовладельческой плантацией. Ему нравилось постигать основы военного ремесла: ценность этой профессии определялась постоянными стычками с индейскими племенами. Вне круга его интересов остались науки: тут успехи Вашингтона выглядят более скромными, если сравнивать образование, полученное им и другими «отцами-основателями». Военная же карьера Вашингтона была стремительной: к 23 годам он уже имел звание полковника и был главнокомандующим вооруженными силами Виргинии. Привилегированное положение семьи в немалой степени способствовало продвижению Джорджа Вашингтона по ступенькам иерархической лестницы.

Будущий президент был человеком своего времени, его сознание отражало противоречия эпохи. Одним из этих противоречий было то, что плантаторские хозяйства в Америке в

условиях острого дефицита рабочей силы (переселенцы из Европы предпочитали работе по найму у плантаторов обзаведение собственными фермами, попытки же закабалить коренное индейское население не увенчались успехом) должны были прибегать к рабскому труду. Таков был парадокс нарождавшейся американской буржуазной демократии: свободы и права белого населения утверждались за счет отказа в элементарных правах и свободах черным рабам. Эксплуатация рабского труда деформировала буржуазные основы мировоззрения плантаторов: они обрастали замашками и привычками привилегированного сословия. Не составлял в этом смысле исключения и Джордж Вашингтон, практичный делец буржуазного толка уживался в нем с аристократом, самим обликом и поведением утверждавшим свое превосходство над рядовыми соотечественниками.

Предпринимательская жилка рано проявилась в Вашингтоне: в 16 лет он стал зарабатывать деньги и вскоре самостоятельно приобретает участок земли в 500 акров (1 акр = 0,4 га). Получение в наследство семейного поместья Маунт-Вернон (где ныне помещается мемориальный музей Вашингтона) и женитьба в 1759 г. на богатой вдове Марте Кастис приумножили его богатства. К началу войны за независимость он платил налог уже с 12,5 тыс. акров обрабатываемых земель в восточной части Виргинии и владел также 25 тыс. акров нераспаханных земель в западной части этой провинции. Число рабов, возделывавших плантации Вашингтона, возросло с момента его женитьбы почти втрое и составило в канун войны 135 душ. В годы революции Вашингтон демонстративно отказался от жалованья, определенного командующему вооруженными силами США Континентальным конгрессом, зато в полной мере воспользовался финансовыми и аграрными мероприятиями, проводившимися конгрессом, для увеличения своих богатств. К моменту избрания президентом США в глазах многих соотечественников он был самым богатым человеком страны (ему принадлежало уже 216 негров-рабов)[3].

Благосостояние виргинских плантаторов имело оборотной стороной не только порабощение и эксплуатацию негров-рабов, но и насилие в отношении коренного населения Северной Америки. Истребление индейских племён с учетом особенностей развития плантаторских хозяйств приобрело силу своеобразного экономического закона: быстро истощающиеся плантации рабовладельцев и обостряющаяся конкуренция вынуждали к постоянному захвату «свободных» западных земель. Еще в начале XVIII в. губернатор Виргинии Спотсвуд после лихого рейда в глубь материка «именем короля Георга I» объявил, что отныне

границы вверенной ему провинции простираются «от океана до океана (от Атлантического до Тихого, — В. С.)». Эта формула, содержавшая краткую, но выразительную программу экспансии плантаторов-рабовладельцев, означала открытую войну против индейских племен.

Все офицерские титулы были получены Вашингтоном за «заслуги» в осуществлении экспансионистских планов виргинских плантаторов. Долгое время североамериканские плантаторы опирались на помощь Англии, которая в свою очередь стремилась использовать воинственный пыл американцев в соперничестве с главным колониальным противником в Новом Свете — Францией. Вашингтон, подобно другим представителям своего класса, проявил себя поборником имперских амбиций Великобритании в годы Семилетней войны (1756–1763 гг.), которая на американском театре свелась к схваткам между англичанами и колонистами, с одной стороны, и французами и индейскими племенами — с другой. Итоги войны обернулись, однако, крушением англо-американской гармонии и привели к острому конфликту, завершившемуся войной за независимость.

Англия, добившись победы в Семилетней войне ценой опустошения собственной казны, увидела возможность предотвращения экономической катастрофы в ужесточении колониального гнета. Существенным образом были урезаны права плантаторов и фермеров: в 1763 г. им было запрещено переселяться за Аллеганские горы, что создавало острый земельный голод. Попытки американцев опротестовать этот и другие указы привели к ограничению политических прав и свобод в провинциях: король и парламент стали запрещать сессии выборных ассамблей и городские собрания, перевели на имперское содержание губернаторов и судей провинций, разместили в Северной Америке регулярную армию.

Американцы в поисках теоретического обоснования своей борьбы обратились к идеологии европейского Просвещения, содержавшей критику абсолютизма, сословного неравенства и защиту прав и свобод личности. Развернулась «памфлетная война» против Англии; прежде чем разразиться на полях сражений, революция в течение 15 лет, по выражению Дж. Адамса, «совершалась в умах и сердцах народа»[4]. Патриотическое движение выдвинуло плеяду деятелей, властвовавших над умами американцев в тот период: Дж. и С. Адамсы, Т. Джефферсон и В. Франклин, Дж. Дикинсон. Этот список можно было бы продолжить, но имени Вашингтона мы в нем не найдем. Его влияние в патриотическом движении предреволюционного периода было весьма скромным. На этом

этапе идейно-политической подготовки войны за независимость полковнику Вашингтону, используя характеристику Т. Джефферсона, слишком недоставало «грамотности, образованности и начитанности»[5] для того, чтобы оказывать сколько-нибудь существенное влияние на нараставшее движение.

Эпистолярное наследие Вашингтона предреволюционного периода обнаруживает, что его острокритическое отношение к имперской политике определялось непосредственными экономическими интересами плантаторского сословия. Он тревожился по поводу усиливающейся долговой зависимости американских плантаторов от английских торговых компаний, возмущался запретом на выпуск провинциальными банками и ассамблеями бумажных денег, что еще более увеличивало задолженность плантаторов, протестовал против передачи зааллеганских территорий[6] канадской провинции Квебек[7]. Прагматические буржуазные мотивы и привели его в ряды патриотов.

В американском патриотическом движении подспудно развивалась линия критики социального неравенства среди самих американцев, осуждения политического бесправия и бедственного положения низших слоев белого населения. Ее выразителями в родной провинции Вашингтона были Т. Джефферсон, Дж. Мейсон, Р. Г. Ли. Они объявили социальный и политический строй Виргинии, в которой высшая законодательная, судебная и исполнительная власть была сосредоточена в руках невыборных органов, а выборная нижняя палата ассамблее превратилась в аристократическую синекуру плантаторской верхушки, жалкой народней на демократическое устройство. Вашингтон, с 26-летнего возраста бессменный член нижней палаты, оставался глух к подобным требованиям. Тема демократических, экономических и социально-политических преобразований, выдвинутая патриотическим движением в канун воины за независимость и усилившая ее революционный смысл, не волновала Вашингтона. Но цели антианглийской борьбы были приняты им безоговорочно.

Назначение Вашингтона в июне 1775 г. главнокомандующим вооруженными силами восставших североамериканских провинций было одновременно и неожиданным, и закономерным. Неожиданным было то, что во главе революционной армии оказался человек, находившийся дотоле в стороне от руководства патриотическим движением. В этом руководстве, в избытке имевшем ярких публицистов и ораторов, но валилось, однако, никого, кому можно было бы вручить меч революции. Обладавший военным опытом Вашингтон оказался практически

единственной приемлемой для Континентального конгресса кандидатурой.

При назначении Дж. Вашингтона делегаты конгресса приняли в расчет его богатство: по понятиям того времени, независимость мышления и политического поведения индивидуума находилась в прямой зависимости от размеров его личного состояния. Кроме того, Вашингтон в глазах патриотов был, безусловно, воплощением сильной личности. Лицо, прочерченное резкими складками и морщинами, тяжелый надменный взгляд, мощная короткая шея и могучее тело, уверенные поведение и манера общения с окружающими — все выдавало в нем силу. Он сохранял дистанцию по отношению к самым высокопоставленным деятелям молодой республики, не допускал фамильярности даже со стороны близких друзей.

Характерен следующий эпизод: известный нью-йоркский банкир и вождь умеренных патриотов Г. Моррис, на спор с друзьями поприветствовав однажды главнокомандующего накоротке: «Доброе утро, Джордж», — получил в ответ такой взгляд, что навсегда утратил охоту к фамильярному общению с главнокомандующим.

Звание главнокомандующего армией объединенных колоний давало пособникам английских властей повод для нескончаемых издевок над Вашингтоном: вооруженные силы республики существовали фактически лишь на бумаге, и ему пришлось поначалу выполнять малопривлекательную роль «генерала без армии».

Война между тем требовала от Вашингтона незаурядного самообладания и мужества. Официальный Лондон был исполнен желания отомстить американским революционерам и открыто угрожал им виселицей. В разговорах о лидерах войны за независимость английские джентльмены утрачивали изящество манер и языка. Нашелся британский генерал, который пообещал пройти «из одного конца Америки в другой, кастрировав всех мужчин». «Совершенно очевидно, — писал тогда американский просветитель Б. Франклин, — что он принимал нас за разновидность животных, лишь немногим превосходящих диких зверей… На янки смотрели как на мерзкое чудовище, и парламент считал, что петиции подобного рода созданий не подобало принимать и читать в таком собрании мудрецов»[8]. Лондон именовал первое правительство США «незаконным сбродом», Вашингтону достался титул «сверхбунтовщика», а через четыре месяца после его назначения главнокомандующим было объявлено о распространении в Северной Америке «преступного заговора» и «открытого мятежа».

В этой драматичной ситуации поведение Вашингтона было исполнено твердости: по получении первого послания от английской стороны, помеченного издевательски «мистеру Вашингтону», главнокомандующий приказал вернуть его обратно за «отсутствием такого адресата в американской армии». Он был непреклонен и при получении второго письма, адресованного на этот раз «Джорджу Вашингтону, эсквайру и пр., и пр., и пр.». В ответ на предложение адъютанта принять на сей раз письмо, поскольку «и пр.», возможно, «включает все», Вашингтон ответил, что именно по этой причине он и отсылает письмо назад[9].

Вскоре после утверждения Вашингтона в должности главнокомандующего его позиция в отношении перспектив развития революции разошлась с точкой зрения Континентального конгресса.

События второй половины 1775 г. свидетельствовали о неотвратимости разрыва между колониями и Англией. 19 апреля 1775 г. произошли сражения под Конкордом и Лексингтоном, которыми датируется начало войны за независимость. В июне милицейские соединения провинций прошли успешное испытание «на прочность» при Беккер-Хилле. В октябре англичане безжалостно сожгли г. Фольмут (Портленд). Военные действия были в полном разгаре, но Континентальный конгресс упорно отводил обвинения в стремлении к независимости и протягивал английскому парламенту одну «оливковую ветвь» за другой. Вашингтона стала все более раздражать нерешительность конгресса. Главнокомандующий ожидал иных решений и аргументов. Он был одним из немногих среди руководителей патриотов, кто в январе 1776 г. горячо откликнулся на памфлет лидера радикалов Томаса Пейна «Здравый смысл», в котором впервые прозвучал страстный призыв к провозглашению независимости и образованию единой североамериканской республики. Он впервые разошелся и с лидером виргинских умеренных К. Бракстоном, назвавшим «Здравый смысл» Т. Пейна «ничтожным маленьким памфлетом», и заявил, что «несколько воспламеняющих доводов, подобных случившемуся с Фольмутом и Норфолком (города, сожженные англичанами. — В. С.), в дополнение к верной доктрине и неопровержимой логике „Здравого смысла“ не оставят у масс сомнений относительно необходимости отделения»[10]. Главнокомандующий распорядился зачитать памфлет в соединениях Континентальной армии. Позиция Вашингтона была обусловлена рядом факторов, в том числе и ролью главнокомандующего: в отличие от политиков тот мог снискать лавры лишь на полях сражений.

Провозглашение Континентальным конгрессом 4 июля

1776 г. независимости США послужило важным моральным стимулом для молодой североамериканской армии. Цели ее теперь обрели подлинно исторический смысл. Сама армия к этому моменту представляла собой подобие партизанских соединений, и от Вашингтона требовались титанические усилия для превращения ее в регулярные вооруженные силы. Если учесть, что протест против создания и содержания регулярных войск значился на одном из первых мест среди заповедей революции и прочно вошел в сознание масс патриотов, можно понять, сколь нелегкая задача выпала на долю главнокомандующего. Кроме того, патриотическое движение исповедовало принцип безусловного верховенства гражданской власти по отношению к военной, что создавало препятствия на сути утверждения единоначалия в армии. Солдатская и офицерская масса предпочитала жесткой дисциплине демократический дух милицейских формирований, в армии царило панибратство (одна из первых сцен, перевившая Вашингтона по прибытии в действующую армию, — офицер, бреющий своего солдата). Типичным было нежелание солдат воевать за пределами родного штата. Солдаты и офицеры были плохо подготовлены: не раз пушки американской армии после первых же выстрелов погребали под собой необученные орудийные расчеты. Взявшись за руководство такой армией, ее главнокомандующий прежде всего должен был проявить недюжинные организаторские и политические способности.

Вашингтон смог соединить разнообразные методы и приемы утверждения дисциплины в армии. Он не погнушался и методами насилия, добившись введения телесных наказаний (подчас он сам, используя недюжинную физическую силу, выступал в роли усмирителя непокорных), по учитывая добровольческий характер армии, больше полагался на материальное вознаграждение. С начала революции он выступал за земельные пожалования армии. «Раздача земель, — писал он в Континентальный конгресс, — окажет большое воздействие на вступление в армию, на ход войны»[11]. Конгресс внял аргументам главнокомандующего и издал указ о земельных пожалованиях офицерам и солдатам, дослужившим до конца войны.

Военно-политическая ситуация начального этапа революции привела к тому, что по ряду важных вопросов Вашингтон занял более «левую» позицию, чем большинство представителей буржуазно-плантаторского руководства патриотического движения. Он клеймил спекулянтов, предприимчивых буржуа, стремившихся нажиться на трудностях войны, требовал ограничить на время частнокапиталистическое накопление,

настаивал на регламентации рыночных цен, на конфискации собственности лоялистов[12] и реквизиции у имущих патриотов товаров, необходимых для нужд армии[13]. Непримиримое отношение главнокомандующего к политическим и военным противникам, граничившее с жестокостью, внушало уважение, страх и веру во всесилие Вашингтона. В армии и стране распространилось представление о Вашингтоне как о спасителе нации.

Ход и характер военных действий долгое время требовали от Вашингтона особого искусства и изобретательности в организации оборонительны к действий. На протяжении шести лет американская армия вынуждена бы; а оставлять один стратегический пункт за другим. В 1775 г. был сдан Бостон, в 1776 г. — Нью-Йорк, а затем пала и первая столица США — Филадельфия. В 1779–1780 гг. театр военных действий переместился из северо-восточных штатов в южные, где англичане продолжали одерживать победы над американцами. Причины успехов англичан были очевидны: регулярная, основывающаяся на многовековых военных традициях армян брала верх над необученными полупартизанскими соединениями вчерашних фермеров и ремесленников. Удивительными были не победы англичан, а то, что им в течение шести лет так и не удалось нанести сокрушительного удара американской армии.

Военные неудачи усугублялись для Вашингтона тем, что ему приходилось постоянно сталкиваться с интригами и заговорами против неге в собственном лагере. Главнокомандующий сумел пройти и эти испытания, в то время как Ч. Ли, Б. Арнольд и другие не в меру тщеславные генералы запятнали себя трусостью и малодушием, а то и изменой. В начале 1778 г., когда английские власти, как им казалось, покончили с американской армией, они предложили Континентальному конгрессу перемирие на условиях прощения «бунтовщиков»; Вашингтон категорически отверг эту «милость» Лондона. Как и прежде, он был исполнен решимости пройти начатый путь до конца.

Изменение хода военных действий в пользу США произошло в значительной степени благодаря заключению в 1778 г. договоров о дружбе, торговле и «оборонительном союзе» с Францией. Вслед за Францией к числу европейских союзников США примкнула Испания. То были прагматические союзы буржуазной республики и европейских феодальных монархий, направленные против могущественной Англии. Но они сыграли свою роль в утверждении американской независимости. Решающую победу над англичанами американцы одержали в 1781 г. под Йорк-тауном в союзе с французскими войсками.

Вашингтон, главнокомандующий союзных войск, торжествовал свой самый крупный успех. После этого поражения Англия не видела более возможностей для подавления восставших колоний и прекратила военные действия.

Завершение войны за независимость обнажило острые противоречия внутри самого патриотического лагеря. Его левое крыло в ходе революции сумело добиться существенной демократизации политической структуры провинций и теперь стремилось провести через легислатуры штатов[14] законы, облегчающие нужды низших и средних слоев. В 7 из 13 штатов в 1783–1786 гг. были одобрены законопроекты, ущемляющие экономические интересы верхов. Политические и идейные лидеры умеренных — А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джей — требовали ограничения демократических нововведений, в частности пересмотра чересчур радикальных, на их взгляд, конституций штатов и «Статей конфедерации». С этой целью было решено собрать Конституционный конвент в Филадельфии, который должен был выработать высший закон страны.

Некоторые консервативные умы среди высших офицеров и политических деятелей молодой республики вынашивали идею установления в стране монархии, полагая, что такая форма власти лучше всего будет отвечать интересам буржуазно-плантаторского блока в условиях острых экономических неурядиц, социальных потрясений в трудную пору становления независимого государства. Но они не могли рассчитывать на успех без поддержки Джорджа Вашингтона, который с его огромным авторитетом, приобретенным в годы войны, как они считали, только и был способен претендовать на роль американского монарха. Главнокомандующий, однако, использовал свой авторитет в противоположных целях — для осуждения попыток монархических выступлений в США. В ответе на письмо полковника Л. Никола, который одним из первых по сути дела предложил Вашингтону корону, главнокомандующий обнаружил твердость республиканских убеждений: «Со смешанным чувством удивления и возмущения ознакомился с Вашими суждениями — отчитал он Л. Никола. — Будьте уверены, сэр, ни одна из военных неудач не вызывала у меня таких болезненных переживаний, как Ваше сообщение о распространении в армии идей, к которым я испытываю глубокое отвращение… Я теряюсь в догадках, что в моем поведении дало Вам основание обратиться ко мне с предложением, способным принести моей стране величайшее бедствие. Если я не ошибаюсь в себе, то Вам не найти другого человека, для которого подобные планы были бы в большей степени неприемлемы»[15].

После признания Англией независимости США Вашингтон сложил с себя полномочия главнокомандующего. В зените славы, как бы подражая знаменитым античным примерам, он удалился в Маунт-Вернон. Однако вскоре туда стали поступать одно за другим письма с настойчивыми просьбами возглавить Филадельфийский конвент. За месяц до открытия конвента Вашингтон уступил напору умеренных лидеров патриотов и дал согласие возглавить его. Он председательствовал на конвенте на всем его протяжении. Участие Вашингтона непосредственно в выработке федеральной конституции, закрепившей диктатуру буржуазно-плантаторского блока, было минимальным, но его авторитет сыграл огромную роль в одобрении этого документа общественным мнением. Суждения вчерашнего главнокомандующего по поводу конституции не отличались оригинальностью. В целом Вашингтон принял принципы Гамильтона, Мэдисона, Джея и других теоретиков конституции[16].

Американская конституция 1787 г. не ограничивала возможность переизбрания одного лица на должность президента. Участники конвента отказались от этого, будучи уверенными, что должность президента займет «непогрешимый» Вашингтон. Чтобы предсказать победу Вашингтона на первых в США президентских выборах, не нужно было обладать особой прозорливостью: у него не было конкурентов. Другим «отцам-основателям» не приходило даже в голову соперничать с ним. В начале 1789 г. Вашингтон единодушно был избран президентом.

Первые президентские выборы в США имели уникальный характер: на пост президента претендовал один человек. Однако уже вскоре после принесения Вашингтоном президентской присяги и начала работы палаты представителей и сената началось формирование политических партий. По иронии судьбы Вашингтон назначил на два ключевых поста в правительстве (министра финансов и государственного секретаря) создателей будущих соперничающих политических партий — А. Гамильтона и Т. Джефферсона. Острые расхождения между Гамильтоном и Джефферсоном обнаружились очень быстро, а обоснованные ими пути развития США привели уже в 1790–1791 гг. к расколу состава конгресса на партии федералистов и демократических республиканцев[17]. Острые споры между ними возникали по многим вопросам: федералисты выступали, кроме всего прочего, в пользу ограничения, а джефферсоновцы — в пользу развития демократических завоеваний революции. Вашингтону становилось все труднее «парить» над схватками. Постепенно он склонялся в пользу Гамильтона. Конечно, Вашингтон никогда не

стал законченным федералистом типа Гамильтона и Дж. Адамса, он проводил свой политический курс на компромиссной основе, что позволяло поддерживать и даже укреплять единство молодого североамериканского союза. Но этот компромисс все же в большей степени отвечал интересам гаммильтоновской партии, поэтому 90-е годы XVIII в. вошли в американскую историю как период федералистского правлении.

Почему Вашингтон сделал выбор в пользу федералистской, а не республиканской партии? Этот вопрос до сих пор вызывает разногласия среди историков. Проще всего было бы отнести выбор в пользу федералистов, как это делают некоторые историки, за счет влияния «демонической» личности Гамильтона. Однако Вашингтон был личностью не менее сильной, чем Гамильтон, и, безусловно, он не просто подчинился курсу вождя федералистов, но близко принял его. Странным в выборе Вашингтона было то, что курс Гамильтона определенно противоречил интересам аграрных кругов в целом и позициям плантаторского класса в частности, укрепляя влияние северо-восточной торгово-промышленной и финансовой буржуазии.

Изучение политической эволюции Вашингтона в годы президентства убеждает, что он одобрил гамильтоновские планы, будучи уверенным, что именно они способствуют упрочению независимости, национального единства США и укреплению господства власть имущих. В разработках Гамильтона наибольшей противоречивостью отличалась внешнеполитическая программа, которая предполагала разрыв союзнических связей с Фракцией и развитие торговых отношений и даже политических контактов с Англией. Обосновывая свою позицию, Гамильтон доковывал, что Франция, утратившая после революции 1789 г. политическую стабильность, не представляет более ценности в качестве союзника и надежной опоры, в то время как Англия в случае сохранения прежней внешнеполитической ориентации Америки не потерпит ее независимого статуса.

Принимая прагматические соображения Гамильтона, Вашингтон делал больший акцент на необходимость сохранения Соединенными Штатами безусловного и строжайшего нейтралитета в отношении соперничества между европейскими державами. Прагматические мотивы лежали в основе приверженности президента доктрине изоляционизма, исходившей из того, что невмешательство США в международные дела является лучшим средством сохранения национального суверенитета. «Никаких обязывающих и постоянных союзов!» — провозгласил Вашингтон в «Прощальном обращении» к нации в сентябре 1796 г.[18] Прагматизм Вашингтона не означал отказа от

идеологических и классовых интересов буржуазно-плантаторского блока, но он заключал в себе осознанное стремление соразмерять эти интересы с реальными возможностями их утверждения и распространения неокрепшей североамериканской республикой. Подобно всем «отцам-основателям», Вашингтон глубоко уверовал в божественную «избранность» и «исключительность» американской нации, ее мессианское предназначение, однако, президент полагал, что прежде, чем раскрыть их миру, США нужно выжить, твердо встать на ноги. А для этого, солидаризировался он с Гамильтоном, были хороши любые средства.

Забота о самосохранении и выживании североамериканской нации объясняет резко отрицательное отношение Вашингтона к формирующейся двухпартийной системе. «Дух партий, — заявлял он, — является злейшим врагом» американского единства[19]. Призывы Вашингтона к его искоренению станут понятны, если Припять во внимание, что первая двухпартийная система США в ходе ее эволюции во все большей степени отражала опасные противоречия между капиталистическим Северо-Востоком и плантаторским Югом. Надежды Вашингтона сцементировать союз при наличии в стране такого антагонизма были иллюзией. Однако это раскрылось уже много позже смерти Вашингтона, в эпоху гражданской войны, ознаменовавшей следующий, XIX век. Вашингтон скончался в 1799 г. в счастливом неведении относительно драматических судеб союза, в основании которого ему принадлежала выдающаяся роль.

Глава II. Сэмюэл Адамс и судьбы американской революции

Сэмюэл Адамс не обделен похвалами историков. Американские авторы трех новейших биографий Адамса буквально расточают их в адрес своего героя. Один из них, К. Канфильд, закрепляет за Адамсом первенство среди «отцов-основателей» уже в названии работы: «Революция Сэмюэла Адамса — 1765–1776 (при помощи Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Бенджамина Франклина, Джона Адамса, Георга III и народа Бостона)». Другой, Д. Чидси, утверждает: «Фактически Адамсу обязана своим рождением независимость Америки. До него это было только бранное слово. Адамс заставил уважать его, вдохнул в него жизнь». Наконец, третий, П. Льюис, ставит С. Адамса в один ряд с Александром Македонским, Наполеоном и Боливаром[20].

В более ранних биографиях Адамс также неизменно рисуется одной из самых романтических и героических фигур американской истории. В самой полной трехтомной биографии С. Адамса, принадлежащей перу У. Уэлша, утверждается его приоритет буквально во всех патриотических начинаниях, рождавшихся в американском национально-освободительном движении. В восторженном стиле написана монография о С. Адамсе и известным исследователем ранней американской истории Дж. Миллером. Эталоном демократических взглядов представляет воззрения Адамса В. Л. Паррингтон, авторитетный исследователь общественной мысли США[21]. Впрочем, Паррингтону, как и другим американским биографам Адамса, не удалось раскрыть глубокой противоречивости его духовного и политического облика.

Бунтарь

Сэмюэл Адамс появился на свет в 1722 г.

Его семья принадлежала к одному из зажиточных и респектабельных кланов североамериканской провинции Массачусетс. Сэмюэл Адамс-старший, купец, признанный лидер местной конгрегационалистской церкви, вел свой род от пуританских переселенцев из Англии, нашедших некогда в Новом Свете убежище от гонений со стороны Стюартов и англиканской церкви. Человек глубоко набожный, он мечтал о духовной карьере для своего сына. Однако тот уже вскоре после поступления в Гарвардский колледж, лучшее учебное заведение провинции, будущий знаменитый Гарвардский университет, предпочел богословию политические науки и юриспруденцию.

Сама атмосфера семьи способствовала выбору Сэмюэла: подлинной страстью его отца были не религиозные церемониалы, а политическая деятельность. Адамс-старший неоднократно избирался мировым судьей, депутатом провинциальной ассамблеи и упорно стремился к более высоким должностям. Оперевшись на созданный им самим кокус — так на английский манер в американских провинциях обозначалось узкое закулисное политическое объединение, — он вступил в борьбу с самыми влиятельными фамилиями Массачусетса.

Массачусетс традиционно считается колыбелью демократических порядков в Северной Америке. Для такого мнения есть основания: участие простых граждан в политической жизни Массачусетса было более активным, чем во многих других североамериканских провинциях. Граждане Бостона, административного центра провинции, привыкли собираться на городские собрания, обсуждавшие и решавшие вопросы местного самоуправления. Значительное число жителей провинции владело определенной недвижимостью — домом, земельным участком и т. п. — что, согласно принятым в колониальной Америке правовым нормам, позволяло им выбирать депутатов в законодательную ассамблею провинции.

И все же несмотря на наличие в политической жизни Массачусетса демократических начал, в целом она, как и политическая жизнь во всех других провинциях, отличалась элитарным характером. Реальными носителями политической власти являлись влиятельные, как правило, наиболее состоятельные семейные кланы. Они имели «семейных» избирателей и даже «семейные» избирательные округа, покорно, из поколения в поколение вотировавших наследование

депутатских мест могущественными фамилиями. В некоторых провинциях политическая конкуренция в силу подобной практики оказалась настолько слабой, что вся власть в них сосредоточилась в руках какой-то одной семейной фракции. Так, в соседней с Массачусетсом провинции Нью-Гэмшпир политическая власть была фактически узурпирована семейством Уэнтвортов. Уэнтворты наследовали губернаторское кресло провинции, беспрепятственно проводили свою волю как в верхней, назначаемой губернатором палате ассамблеи, так и в нижней, выборной палате. В Массачусетсе же в пору юности Сэмюэла Адамса на подобную роль претендовала фракция губернатора Ширлея.

Попыткам семейства Ширлея монополизировать распределение политических должностей в Массачусетсе противостояли две другие влиятельные фамилии — Адамсов и Отисов. В борьбе с Ширлеем Сэмюэл Адамс-старший стремился заручиться поддержкой средних и низших слоев Бостона и в 30-40-х годах стал открыто выступать от имени «народной» партии. В респектабельном, построенном в классическом английском стиле особняке Адамсов регулярно собирался кокус «народной» партии. Его участники клеймили группировку Ширлея как орудие денежной аристократии и стремились изобразить себя друзьями демократии. Притаившись во время таких собраний где-нибудь неподалеку от отца, Адамс-младший впитывал в себя идеи, неустанно подкрепляемые ссылками на авторитет «отцов» английского конституционализма Эдварда Коука и Джона Локка. Принципы Коука и Локка легли в основу защищенной им по окончании колледжа магистерской диссертации «О законности сопротивления высшим властям, если республика не может быть сохранена иными средствами».

После Гарварда Адамс-младший оказался на некоторое время вовлеченным в чуждую его натуре сферу денежной наживы. На ссуженную отцом тысячу фунтов он открыл собственное дело. Однако это вполне солидное по тем временам состояние лишь на короткий миг задержалось в его руках, исчезнув в результате неудачных сделок. Адамс-старший не смог ничем помочь сыну, так как в это время сам оказался на грани банкротства.

В начале 40-х годов. Адамс-отец, пытаясь еще крепче сплотить вокруг себя низы Массачусетса, задумал создать Земельный банк, призванный предоставлять ссуды и оказывать финансовую поддержку малоимущим гражданам. Банк был создан, но довольно скоро лопнул и по настоянию правительственной фракции был ликвидирован. Адамс-старший, потерявший в результате краха банка крупную сумму, был к тому

же вместе с другими его учредителями отстранен от всех политических должностей. Желая «добить соперника», Ширлей в 1747 г. вычеркнул его из списка кандидатов в члены верхней палаты законодательной ассамблеи. Адамс-старший умер в следующем, 1748 г., оставив после себя славу «мученика» и поборника интересов демократии. Адамс-младший незамедлительно объявил себя продолжателем дела отца.

В год смерти отца Сэмюэл Адамс создает при поддержке конуса «народной» партии, воспринимавшего его в качестве наследного лидера, общественно-политический еженедельник «Паблик эдвертайзер». С его страниц он повел острую критику правящей фракции. «В течение 20 лет, — напишет об Адамсе в 1768 г. в доносе английскому монарху Т. Хатчинсон, тогда вице-губернатор Массачусетса, — он выступал против правительства в прессе»[22]. Несмотря на всю активность, влияние Адамса, как и оппозиции в целом, в политической жизни Массачусетса оставалось незначительным. И главная причина тому — отсутствие по-настоящему крупных, острых общественно-политических тем в их выступлениях, напоминавших зачастую отмщение за личные и семейные неудачи. Эти темы были «вручены» Адамсу ходом истории только в 1764 г.

В 1763 г. власти Массачусетса, как бы желая отмахнуться от досаждавшего им Адамса, даровали ему непопулярную, но престижную должность сборщика налогов в Бостоне. Собирать налоги в том году было делом весьма нелегким, и не только для Адамса. В конце года сразу пять сборщиков налогов оказались должниками городской казны. Для противников Адамса это послужило основанием обвинить его в растрате казенных средств. Мог ли Адамс тогда предположить, что уже через год отстранение от должности окажет прекрасную услугу его политической карьере и что сам он поднимет знамя борьбы со всеми сборщиками налогов!

В 1764 г. Англия, добившаяся победы в только что закончившейся Семилетней войне (1756–1763 гг.) ценой полного опустошения собственной казны, узрела возможность предотвращения финансовой катастрофы в максимальном налогообложении жителей как метрополии, так и колоний. Кабинет Гренвилла поспешил провести через парламент «гербовый закон», означавший введение впервые в имперской истории прямых парламентских налогов на собственность жителей Северной Америки.

Отношение к «гербовому закону» явилось своеобразным мерилом зрелости буржуазного сознания американцев, на протяжении вот уже более века усваивавших конституционные

принципы английской революции 1640 г. В североамериканских провинциях вспыхнуло «антигербовое движение», ставшее предвестником антиколониальной революции. Кузен Сэмюэла Адамса, другой знаменитый бостонский Адамс — Джон (в будущем второй президент США), в дневниковой записи от 18 декабря 1765 г. выразил восхищение и одновременно удивление размахом движения: «Наша пресса стенала, с церковных кафедр извергались молнии, наши ассамблеи принимали резолюции, города голосовали, королевские чиновники повсюду тряслись от страха…»[23] Сам Сэмюэл, оценивая оборотную сторону парламентского акта 1764 г., имел все основания воскликнуть: «Каким благословением стал в конце концов для нас гербовый сбор!..»[24]

Что же, собственно, так возмутило американцев в «гербовом законе»? Как бы ни были обременительны новые налоги, они в общем-то были вполне по плечу предприимчивым жителям провинций. Американцев, как разъяснял их позицию в показаниях английскому парламенту в 1766 г. Бенджамин Франклин, представлявший в то время интересы одной из провинций — Пенсильвании — в Лондоне, волновала не величина налогов сама по себе. Они не могли примириться с другим. Им было отказано в праве, значившемся на первом месте среди требований, предъявленных в 1640 г. революционной Англией Карлу I Стюарту: «нет налогов без представительства». Американцы, восклицал Франклин, никогда не смирятся с налогами, введенными в обход их собственных представительных органов власти[25].

Желание жителей североамериканских колоний рассматривать себя как англичан, живущих в Новом Свете и располагающих равными правами и свободами с лондонцами или ливерпульцами, может удивить современного читателя, но для американцев XVIII в. оно было чем-то само собой разумеющимся. Столь же само собой разумеющейся была для них апелляция к опыту и урокам английской истории, революции 1640 г., злоупотреблениям Карла I, собственной головой поплатившегося за нарушение прав своих подданных. Сэмюэл Адамс был уверен, что найдет полное понимание среди бостонцев, когда в одной из антигербовых прокламаций 1765 г. объявлял «налогообложение без представительства» причиной крушения династии Стюартов. Жителям другой североамериканской колонии, Виргинии, был вполне понятен гнев члена провинциальной ассамблеи Патрика Генри, потребовавшего в мае 1765 г. от здравствующего монарха Георга III извлечь уроки из опыта правления обезглавленного Карла I.

Майская речь 1765 г. сделала Патрика Генри, до того безвестного депутата, американской знаменитостью. Сам Патрик Генри впоследствии без лишней скромности объявил свое выступление и внесенную им в нижнюю палату виргинской ассамблеи резолюцию осуждения парламентского указа «первым протестом против акта о гербовом сборе». Биограф С. Адамса имел все основания оспорить это утверждение, ибо Адамс выступил с аналогичным протестом и резолюцией годом раньше. Но предпринятая им тут же попытка доказать, что майская прокламация Адамса 1764 г. была «первым публичным отрицанием права британского парламента облагать колонистов налогами без их согласия»[26], принижает роль других лидеров патриотов. В Массачусетсе, например, в 1764 г. лучшим защитником прав американцев считали еще не Адамса, а Джеймса Отиса.

В 1764 г. в блестящем памфлете «Изложение и обоснование прав Британских колоний» Отис необычайно полно изложил аргументы, при помощи которых американцы могли домогаться для себя буржуазных прав и свобод. Первым источником прав американцев Отис объявлял конституционные установления Великобритании. Он как бы вступал в диалог «доброй воли» с англичанами, апеллировал к их буржуазному правосознанию: со стороны Лондона нелогично отказывать американцам в праве на представительное правление, неотчуждаемость частной собственности, неприкосновенность жилища и других свободах, за которые сами англичане пролили столько крови. Этот аргумент на долгие годы стал idee fixe американских патриотов, хотя при всей его логике он обладал одной бесспорной слабостью: колонисты приравнивались к английским гражданам, с чем лидеры империя отнюдь не были согласны.

Более перспективным в борьбе за интересы колонистов было обращение Отиса к теории естественного права. В Европе XVII–XVIII вв. учение о естественном равенстве было направлено прежде всего на критику сословного неравенства, наследуемых привилегий дворянства и монархов. Но уравнительные его возможности были безграничны: действительно, центральный постулат этого учения, гласивший, что «бог-творец» создал всех людей по своему образу и подобию и что в «естественном», первозданном состоянии все люди обладали совершенно равными правами, давал возможность для проповеди равенства любого рода. (В Европе XVIII в. французские утописты Ж. Мелье, Г. Б. Мабли, Морелли подвергли критике не только сословные, но и имущественные различия между людьми.)

Отис обратился к теории естественного равенства не с целью

критики имущественных различий (он был до мозга костей буржуа), и даже не с целью критики сословного неравенства (его в Северной Америке не было), а для отрицания превосходства одного народа над другим, национального и колониального гнета. Апеллируя к законам «бога и природы», он хотел уравнять в правах американцев и англичан. В естественном состоянии, доказывал Отис, люди не разделялись на жителей колоний и метрополии, они были во всем равны между собой и не могли утратить этих прав после образования гражданских обществ и разных государственных объединений[27].

Обращаясь к учениям виднейших европейских авторитетов в области естественного права, в частности С. Пуфендорфа и Г. Гроция, Отис с удивлением обнаруживал, что они не позаботились о разработке теории прав колониальных народов. Их американский последователь, устраняя «ошибку» учителей, одним из первых пропагандировал равенство естественных прав колонистов и жителей метрополии. Эта идея становится грозным оружием патриотического движения, и в будущем именно она послужила основой лозунга о праве американцев на образование независимого государства. Впрочем, сам Отис никогда такого лозунга не выдвигал.

Урегулирование противоречий между колониями и Англией, предложенное Отисом, предполагало сращивание североамериканских провинций, других частей Британской империи и самой метрополии в некую мировую конституционную монархию. Вера Отиса в неизбежность государственной интеграции колоний и метрополии отразила неразвитость национального самосознания американцев, их убежденность в «кровном родстве» с англичанами. Сам Отис в качестве единственного практического требования предлагал борьбу за представительство североамериканских провинций в английском парламенте, который должен был быть преобразован в имперский представительный орган.

Передовые умы североамериканских патриотов сумели быстро различить противоречия между смелыми теоретическими обоснованиями и умеренными политическими рекомендациями Отиса. Его лозунг борьбы за превращение парламента в общеимперский представительный орган и выделение американцам депутатских мест в Вестминстере не нашел поддержки среди патриотов. Простой здравый смысл подсказывал им, что горстке колониальных депутатов все равно не удастся изменить политический курс английского парламента. Сэмюэл Адамс, видевший в Отисе ближайшего соратника и восхищавшийся его теоретическими познаниями, тем не менее

первым решительно осудил его политические рекомендации. Он убеждал патриотов, что «колонии не могут быть на равных началах и полно представлены» в парламенте, что представительство в Вестминстере обернется против самих провинций, ибо узаконит парламентскую тиранию в отношении Северной Америки, и что, следовательно, борьба патриотов за депутатские места в английском парламенте уводит их на ложный путь[28]. Адамс выступил за ограничение парламентских прерогатив в управлении жизнью провинций за счет все большего расширения прав местных ассамблей. Это было одной из главных причин, позволившей Адамсу в последующем оттеснить Отиса с ведущих позиций в патриотических кругах Массачусетса и стать их единоличным лидером.

Одной из главных, но не единственной. Среди патриотов были и другие лидеры, настаивавшие на широких правах провинциальных ассамблей в управлении жизнью колоний. После 1764 г. они буквально наводнили памфлетами, прокламациями, резолюциями Северную Америку. Как публицист Сэмюэл Адамс не выделялся среди таких памфлетистов, как Дж. Дикинсон, Дж. Адамс или Р. Бланд. Но в отличие от них он был прирожденным вожаком, обретавшим свое «я» в бурлящем кипении бостонского городского собрания, в тайной сходке террористов, в насильственной акции по уничтожению британской собственности или расправе со сборщиком налогов. Это был человек дела и подвига, лидер, как сказали бы сегодня, харизматического типа, способный заворожить массы, верящий в них и властно направляющий их против политических врагов.

Сам внешний облик Адамса выделял его среди прочих лидеров патриотов. Сравнить его хотя бы с лидером пенсильванских патриотов Дж. Дикинсоном. В 1767–1768 гг. тот на время стал самой популярной фигурой среди патриотов. Известность ему снискали 12 «Писем пенсильванского фермера», в которых он раскритиковал усилившиеся узурпаторские замашки Георга III и парламента в Северной Америке. В эти годы тост «за пенсильванского фермера» стал самым излюбленным на сходках и застольях патриотов. Никто из них, однако, не знал Дикинсона в лицо. У того не было ни желания, ни энергии вести за собой толпу. На Дж. Адамса, увидевшего Дикинсона впервые в 1774 г., он произвел впечатление человека, который «не сможет протянуть больше месяца»[29]. (Дикинсон «протянул» после этого еще 34 года, пережив большинство других «отцов-основателей»). Другое дело Сэмюэл Адамс: это был человек с аскетической внешностью и горящим взглядом твердого в своей вере, непримиримого христианского проповедника. Лидер

американских умеренных Дж. Гэллоуэй, уступивший напору Адамса на заседаниях Континентального конгресса в 1774 г., был потрясен самой внешностью Адамса. Он представлялся ему фанатиком, который «почти не ест, не пьет, не спит, много думает и проявляет непреклонную волю в достижении своих целей»[30].

Еще один властитель умов патриотов, Джон Адамс не мог конкурировать как вождь движения со своим кузеном по той причине, что долгое время оставался принципиальным противником вовлечения широких масс в патриотическое движение, воздерживался от споров на городских собраниях, митингах, не одобрял методов насилия в борьбе с угнетателями. Т. Хатчинсон в 1771 г., будучи уже губернатором Массачусетса, отметил: «Если бы не два-три Адамса, мы бы чувствовали себя в нашем городе вполне спокойно». Но тот же Хатчинсон закреплял главенствующую роль среди «двух-трех Адамсов» за Сэмюэлом, который, согласно его же словам, во второй половине 60-х годов достиг положения, позволявшего «править городом Бостоном, палатой представителей, а в конце концов и Советом так, как он пожелает»[31].

Популистский стиль характеризовал политическое поведение Сэмюэла Адамса и до 1764 г., по после этого года он обрел более высокие, подлинно драматические мотивы. До 1764 г. вражда между Адамсами, Отисами, с одной стороны, и Ширлеями и Хатчинсонами — с другой, не выходила за рамки борьбы семейных кланов. После 1764 г., когда правящие семьи Массачусетса, возглавленные Т. Хатчинсоном, стали главными проводниками репрессивной линии английского короля Георга III в Северной Америке, оппозиция им со стороны Адамсов приобрела подлинно патриотический смысл.

Георг III, надевший корону английского короля в 1763 г., явно стремился к абсолютистским методам правления. И если он не осмеливался отменить буржуазные конституционные установления в самой Англии (хотя и ограничил их), то уж совершенно не стеснял своего произвола в Северной Америке. Вслед за «гербовым актом» в мае 1765 г. был издан указ о расквартировании в Северной Америке воинских соединений англичан, что противоречило одному из центральных принципов буржуазной идеологии XVII–XVIII вв. — о недопустимости содержания постоянной армии в мирное время. В декабре 1765 г. английский парламент приостановил деятельность нью-йоркской ассамблеи до 1 октября 1767 г., что отрицало важнейший принцип буржуазного конституционного права Англии — представительные органы могут быть распущены только с их собственной санкции. Наконец, в 1767 г. были обнародованы

законы Тауншенда, противоречившие, как и «гербовый акт», принципу «нет налогов без представительства». При этом доходы от таможенных сборов должны были идти на содержание колониальной администрации и губернаторов, что отрицало еще один принцип буржуазного права — обязательную финансовую зависимость исполнительной власти от законодательных органов, в данном случае ассамблей. Еще ранее, в 1766 г., был издан «Разъяснительный закон», объявлявший притязания американцев на представительное правление незаконными и сводивший на нет роль провинциальных ассамблей. В результате к 1767 г. буржуазные свободы в Северной Америке были основательно подорваны.

Каждая репрессивная мера Англии побуждала Адамса к расширению арсенала средств борьбы. Еще в 1764 г. он осознал бесперспективность борьбы с королем, парламентом и губернаторами разрозненными усилиями каждой провинции и выступил за проведение общеколониального антигербового конгресса. Его созыв в 1765 г. стал первым шагом на пути становления единого патриотического движения в Северной Америке. Затем Адамс обращается ко всем провинциальным ассамблеям с призывом организовать общеамериканскую кампанию бойкота английских товаров. Первыми откликнулись бостонские купцы, однако купцы Нью-Йорка и других провинций не поддержали акции бостонцев. Адамс тяжело переживал неудачу общеамериканской кампании, но извлеченные из нее уроки привели к еще большей радикализации его политической позиции. Адамс отказывается опираться в дальнейшем на купечество и другие зажиточные круги и приходит к твердому убеждению, что «силой, которая по божескому провидению должна в конце концов спасти нас… может быть только простой народ Америки»[32].

Признание за народными массами решающей роли в освободительном движении возвысило Адамса над лидерами патриотов, ограничивавшихся проповедью «моральных» методов воздействия на короля и парламент. В отличие от них Адамс отрицал малоэффективные обращения с петициями в парламент, переговоры с депутатами и решительно оправдывал использование силы в борьбе с гнетом Англии. Призывы Сэма, как запросто называли его массачусетские «сыны свободы», находили отклик среди бостонцев: именно в их городе 5 марта 1770 г. впервые произошло кровавое столкновение между патриотами и расквартированными в городе «красными сюртуками» (английскими регулярными соединениями), стоившее жизни пяти патриотам.

На следующий день Адамс созывает экстренное городское собрание (оно собиралось по первому зову вождя) и проводит серию резолюций, требующих немедленного вывода «красных сюртуков» из Бостона и суда над виновными в убийстве. Во главе группы «сынов свободы» сразу после одобрения резолюций он устремляется к дому губернатора Хатчинсона и осаждает его до тех пор, пока губернатор не соглашается вывести из города английские части.

Решительность Адамса порождала одну революционную инициативу за другой… в 1767–1768 гг. были распущены вопреки согласию депутатов две провинциальные ассамблеи — нью-йоркская и масеачусетская. Лидеры нью-йоркцев ограничились устными и печатными протестами, а С. Адамс, опираясь, как всегда, на поддержку бостонского городского собрания, немедленно обратился с посланиями ко всем графствам провинции послать представителей в чрезвычайный колониальный конвент. Этот первый представительный орган провинции, созванный помимо воли короля и губернатора, собрался в Бостоне в сентябре 1768 г. И хотя он распался, как только в Бостон были введены английские войска, сам факт его созыва, не имевший прецедента в американской истории, был событием огромной важности. Хатчинсон объявил действия Адамса и бостонского городского собрании «революцией в государственном правлении», а другой представитель властей утверждал, что «столь дерзкое отрицание королевской власти не имело места ни в одном из городов или местностей Британской империи даже во времена величайших беспорядков, в том числе… во время великого мятежа» (так именовалась английская революция XVII в. ее противниками)[33].

«Отец войны за независимость»?

На рубеже 60-70-х годов XVIII в. в Северной Америке наблюдается некоторое смягчение репрессивных актов, следствием чего явился спад патриотического движения. Его прежний тонус поддерживается только в Массачусетсе — провинции, ставшей на ряд лет центром патриотического движения в Северной Америке. Демократический подъем в Массачусетсе был не в последнюю очередь обусловлен тем, что патриотам в этой провинции противостоял один из самых твердых ревнителей интересов Англии — губернатор Томас Хатчинсон.

Следуя широко распространенной в провинциях политической практике, Хатчинсон насаждал в Массачусетсе систему патронажа, заполнив своими родственниками и друзьями административные и судебные должности колонии. Оппозицию особенно возмущало совмещение Хатчинсоном в одних руках сразу нескольких высших должностей: он был одновременно и губернатором, и главой Совета, и председателем Верховного суда провинции, т. е. узурпировал высшую исполнительную, законодательную и судебную власть! Губернатор попирал права провинциальной ассамблеи, явно вознамерившись лишить ее какого-либо политического влияния в колонии. Хатчинсон открыто объявил высшим законом колонии королевские инструкции, а не решения выборного органа.

Жесткий курс Хатчинсона стимулировал переход С. Адамса к обоснованию требования гомруля — государственно-правового суверенитета Америки в рамках Британской империи. Наиболее близко подошел он к этому требованию в петиции «Права колонистов», предложенной вниманию бостонского городского собрания в ноябре 1772 г. Это был замечательный во многих отношениях документ: в нем развивалась идея договорного происхождения государства, формулировалась мысль о праве народа разорвать «общественный договор», если он перестает отвечать его интересам, права колонистов определялись не английской конституцией, а законами «естественного состояния». В будущем Джон Адамс выскажет даже предположение (в целом — нелепое), что Томас Джефферсон списал Декларацию независимости 1776 г. с «Прав колонистов» его кузена. В действительности «Права колонистов», несмотря на свои замечательные идеи, не включали главного лозунга Декларации независимости — о полном разрыве связей с Англией. Кроме того, высказанные Адамсом идеи были, что не преуменьшает его

заслуг, заимствованы в значительной мере у других вождей патриотов.

В частности, концепцию гомруля первым среди патриотов еще в 1766 г. сформулировал Бенджамин Франклин, опередив в этом вопросе как минимум на пять-шесть лет всех других лидеров американских патриотов. Начиная с 1770 г. он требовал признать концепцию гомруля, как единственно отвечающую интересам Северной Америки.

Концепцию Франклина характеризовала завершенность и необычайная полнота аргументации. Вот ее схема: североамериканские провинции и Англия являются двумя равноправными и суверенными частями империи; высшая законодательная власть в них принадлежит собственным представительным органам, соответственно ассамблеям и парламенту, парламент не имеет никаких преимуществ перед ассамблеями и не располагает никакими правами в Новом Свете; связь между двумя политическими сообществами осуществляется единственно через короля, власть которого в обеих частях империи одинаково ограничивается выборными органами; права и свободы американцев и англичан охраняются конституциями, одобренными их собственной волей; в провинциях роль таковых выполняют хартии.

Франклин весьма своеобразно приспособил для обоснования концепции гомруля теорию «естественного права», в частности идею о праве каждого народа на «общественный договор» и его пересмотр в том случае, если он перестает отвечать интересам подданных. Эмиграция недовольных англичан в Новый Свет и означала, на его взгляд, реализацию этого права. Франклин резко и язвительно возражал тем своим оппонентам, которые утверждали, что переселенцы в Новый Свет оставались английскими подданными и на них, следовательно, автоматически переносились законы и весь общественный строй покинутой родины. На самом деле, писал он, переселенцы оставляли Англию именно из-за желания порвать с ее церковным и политическим деспотизмом, феодально-сословным гнетом. Утверждать обратное, замечал он, т. е. доказывать, что колонисты переносили в Америку английские законы и зависимость от ненавистного абсолютизма, означает полностью отказывать им в здравом рассудке. В полном соответствии с этими взглядами Франклин перестал со второй воловины 60-х годов XVIII в. называть американцев англичанами, английскими подданными, В 1769 г. он впервые назвал североамериканские провинции государствами (states).

Совершая экскурсы в прошлое с целью обоснования исконных

прав американцев на самоуправление, Франклин одновременно оспаривал исторические аргументы своих противников, утверждавших как раз обратное — изначальную зависимость Северной Америки от Англии. Один из аргументов его оппонентов сводился к тому, что колониальная зависимость провинций от Лондона обусловлена неопровержимым фактом их заселения англичанами. Этот аргумент Франклин блестяще опроверг в сатирическом памфлете «Эдикт прусского короля», в котором от имени прусского монарха отменялись все конституционные установления и буржуазные свободы Англии на том основании, что британские острова в незапамятные времена были покорены предками прусского монарха[34].

Стремясь опереться на историю при обосновании идеи гомруля, Франклин создал оригинальную концепцию возникновения общественных отношений и становления политического строя колоний. В какой степени она адекватна исторической действительности? С точки зрения современной науки ее изъяны, подчиненность политическим мотивам Франклина совершенно очевидны. Основание колоний, в котором ему виделся исключительно протест против феодально-абсолютистских порядков Англии, в действительности заключало в себе противоречивые классовые и исторические тенденции. Историческая истина страдала и тогда, когда Франклин, подобно другим патриотам, пытался выдать хартии провинций за конституционную гарантию их прав на самоуправление. Во многих хартиях власть парламента в отношении колоний признавалась без всяких экивоков. Так, в хартии Пенсильвании, родной провинции Франклина, говорилось, что налоги в ней могут вводиться «с согласия собственника, губернатора, ассамблеи или актом парламента в Англии»[35]. Противники американских патриотов, однако, в свою очередь также искажали историю, но их интерпретация прошлого служила ярко выраженным реакционным целям.

С особой настойчивостью Франклин отрицал имперский характер английского парламента. В схеме Британской империи, выдвинутой Франклином, воля монарха оставалась ее единственным связующим звеном. Почему просветитель закрепляет и сохраняет эту функцию за королем? Для Франклина верность английскому монарху вытекала прежде всего из убеждения в необходимости сохранения Британской империи. Отрицание власти короля означало бы не реформу, а разрушение имперских связей. А такой подход вплоть до возникновения революционной ситуации в Северной Америке в середине 70-х годов XVIII в. казался кощунством даже самым радикальным

умам среди патриотов, в том числе и Франклину.

Идея федеративной Британской империи Франклина, воспринятая вскоре патриотическим лагерем в целом, отразила, кроме всего прочего, глубокую неприязнь и недоверие американцев к английскому парламенту и одновременно их веру в добрую волю короля. В 60-70-х годах антиамериканская политика Англии ассоциировалась для колонистов с кознями парламента, Король же, намерения которого в действительности не расходились с волей парламента, оставался как бы в тени. Дж. Дикинсон, выдвинувший в 1767–1768 гг. в «Письмах пенсильванского фермера» идею широкого заговора парламента и министров против американцев, который де сохранялся втайне от монарха, выражал не только собственную точку зрения, но и убеждения многих колонистов. В конце 1768 г. один из самых просвещенных американцев своего времени, Б. Раш, описывая впечатления от посещения палаты общин, определял ее как «место, где впервые возник план порабощения Америки». «Здесь, — продолжал он, — общины узурпировали верховную власть над колониями, отняв ее, подобно грабителям, у короля…» А Патрик Генри, обличавший тиранов всех времен в виргинской ассамблее в мае 1765 г., не сомневался в непогрешимости английского монарха даже в середине 1774 г. Не скоро избавился от веры в добрую волю английского монарха и Франклин. Но признавая королевскую власть в североамериканских провинциях, Франклин вместе с тем постоянно подчеркивал, что она не имеет абсолютного характера, а ограничивается в каждой колонии представительным органом подобно тому, как ограничивается воля монарха парламентом в Англии.

Франклин остро реагировал на медленное усвоение руководителями американских патриотов идеи гомруля. В 1768 г. в предисловии к лондонскому изданию «Писем пенсильванского фермера» Дикинсона он выразил неудовлетворенность тем, что его соотечественник сохранял за парламентом право «регулирования торговли» колоний. Он удивлялся непоследовательности «Циркулярного письма» массачусетской ассамблеи 1768 г., составленного С. Адамсом, в котором наряду с признанием ассамблеи единственным представителем воли жителей колонии еще присутствовало определение английского парламента как верховной власти в Северной Америке. В июле 1770 г. в письме к одному из лидеров патриотов в Массачусетсе, Т. Кушингу, Франклин выражал категоричное пожелание, чтобы «такие выражения, как верховная власть парламента над нами, и подобные им, в действительности ничего не значащие… перестали употребляться в Ваших публичных высказываниях».

К чести С. Адамса в самой Северной Америке (Франклин вернулся на родину накануне войны за независимость) он первым со всей решительностью высказался в пользу аргументов выдающегося просветителя. «Права колонистов» 1772 г. были тому подтверждением. Год спусти со страниц «Бостон газетт» прозвучал смелый, правда анонимный, призыв к жителям Массачусетса «создавать независимое государство, американскую республику», который патриоты незамедлительно приписали Сэму Адамсу. В авторстве Адамса не сомневался и Т. Хатчинсон, в своем доносе от 9 октября 1773 г. уверявший лорда Дартмута, что вождь бостонцев Сэмюэл Адамс стал «первым человеком, который открыто, в любом публичном собрании выступал в пользу абсолютной независимости»[36].

Сила С. Адамса, впрочем, всегда заключалась не только в провозглашении смелых лозунгов, но и в решительных действиях, способствовавших формированию патриотических убеждений не в меньшей, если не в большей, степени, чем революционные фразы. В декабре 1773 г. Адамс организует новую смелую акцию против, «английских агрессоров» (так он теперь неизменно называет англичан), вошедшую в историю под названием «бостонского чаепития».

17 декабря 1773 г. массачусетские «сыны свободы», переодевшись в индейцев, прокрались на суда Ост-Индской компании, прибывшие в Бостонский порт, и сбросили в море весь груз чая. В ответ на столь дерзкое посягательство колонистов на собственность подданных метрополии парламент и корона издали весной 1774 г. ряд «нестерпимых», по определению патриотов, указов. Бостонский порт объявлялся закрытым до тех пор, пока английским купцам не будут возмещены все убытки. Хартия Массачусетса фактически отменялась: городскому собранию, в котором Лондон видел источник радикальных идей, запрещалось собираться без особого разрешения губернатора, губернатор же должен был определять повестку заседаний ассамблеи. Назначение членов совета и верховного суда колонии также перешло полностью в компетенцию губернатора. «Нестерпимые» законы провозглашали право на размещение войск в любом здании города, что уничтожало принцип неприкосновенности жилища, и объявляли о неподвластности колониальной администрации судам провинции.

С начала 1774 г. патриотическое движение в Северной Америке вступает в высшую фазу. Борьба за восстановление прав Бостона становится общеамериканским делом.

Как и в 1764 г., провинции наводняют памфлеты. Но памфлетисты «бостонского призыва» более смелы, чем

памфлетисты 1764 г. Они открыто требуют гомруля для Северной Америки, решительно отвергают власть парламента, а некоторые, как, например, Т. Джефферсон, даже критикуют короля.

Сэмюэл Адамс в начале 1774 г. обращается с призывом о незамедлительном созыве Континентального конгресса с целью объединения патриотического движения провинций. В мае 1774 г. соглашение между провинциями наконец было достигнуто: никто из патриотов более не сомневался, что ни Массачусетс, ни какая-либо другая провинция не в состоянии защитить свои права собственными усилиями.

Сэмюэл Адамс добивается от массачусетской ассамблеи согласия на участие в конгрессе в характерной для него манере. 17 июня он явился на заседание нижней палаты массачусетской ассамблеи, запер зал заседаний на ключ и ультимативно потребовал от депутатов принять резолюцию, хранившуюся до сих пор в глубокой тайне. Резолюция санкционировала участие массачусетской делегации в Континентальном конгрессе. Одному из представителей колониальной администрации удалось все же, сославшись на недомогание, ускользнуть из зала заседаний. Через некоторое время туда прибыл посланец губернатора с мандатом о немедленном роспуске нижней палаты. Однако Адамс не выпустил депутатов из зала заседаний до тех пор, пока они не одобрили предложенной резолюции.

С. Адамс явился на I Континентальный конгресс, собравшийся в Филадельфии в сентябре 1774 г., признанным лидером радикального крыла патриотов. Радикалам противостояли умеренные во главе с Дж. Гэллоуэем, пытавшиеся навязать делегатам создание подвластного английскому парламенту общеколониального совета во главе с генерал-губернатором, назначаемым королем. Умеренные потерпели неудачу. Как показывал Гэллоуэй в английской палате общин в 1779 г., «Адамс и его партия» использовали все средства, чтобы провалить его проект и даже «подстрекали толпу» с целью организовать давление на депутатов. Впрочем, и радикалам не удалось провести в решениях конгресса идею гомруля: его резолюции существенно ограничивали полномочия парламента в Северной Америке, но не отрицали их полностью. В целом конгресс завершился компромиссом между умеренными и радикалами.

События, происшедшие в Северной Америке после I Континентального конгресса, неотвратимо приближали провинции к революционному разрыву с Англией. 19 апреля 1775 г. произошли сражения под Конкордом и Лексингтоном, которыми датируется начало войны за независимость. Однако

даже тогда, когда военные действия были в полном разгаре, в сознании руководства патриотическим лагерем они были чем угодно, но только не войной за независимость. Континентальный конгресс решительно отводил обвинения в стремлении к независимости, твердо придерживался линии на достижение мира с Англией и «восстановление» прав американцев в рамках империи. В 1775 г. антиколониальная доктрина не получила никакого развития, «застыв» на требовании гомруля, дальше которого не решался пойти ни один из признанных идеологов патриотов.

Война за независимость была обусловлена глубинными социально-экономическими и политическими процессами и являлась неотвратимым историческим явлением. Но военные действия 1775 г., приведшие в конечном итоге к провозглашению независимости Северной Америки, возникли не по инициативе патриотического лагеря, а были навязаны метрополией. Чем объяснить, что руководство патриотов не решилось принять вызов Лондона, положила табу на идею независимости и вместо этого протянуло Георгу III «оливковую ветвь» (так называлась примиренческая петиция, которую Континентальный конгресс направил королю в середине 1775 г.) тогда, когда военные действия уже были в разгаре?

Ответ заключается, на наш взгляд, в том, что бурные события 1775 г., направленные объективно на разрыв уз между Северной Америкой и Англией, опередили как процессы вызревания национального самосознания жителей провинций, так и готовность их лидеров к революционным мерам. Убеждение одного из признанных руководителей умеренного крыла Континентального конгресса, Дж. Дуэна, в том, что американцы связаны с англичанами кровными узами, единством обычаев, верований, политических убеждений, законодательных установлений и что разрыв между ними противоестествен[37], имело весьма широкое распространение в колониальном обществе. Его разделяли многие делегаты Континентального конгресса.

Все умеренные, кроме того, были убеждены, что колонии обречены на гибель без защиты их территории королевскими войсками и без торгово-промышленных связей с метрополией.

Как же повели себя лидеры радикалов — Джефферсон, Сэмюэл и Джон Адамсы, Франклин, из уст которых, казалось бы, и должен был прозвучать призыв к революции?

Изучение бумаг радикальных вождей патриотов позволяет прийти к выводу, что в 1775 г. они не отрицали возможности и даже неизбежности разрыва с Англией, но что, в то же время,

никто из них не был тогда готов к провозглашению революционной доктрины. С. Адамс, которого Хатчинсон обвинил в проповеди независимости еще в 1773 г., на протяжении всего 1775 г. в своей переписке тщательно воздерживался от критических высказываний по адресу примиренческой линии конгресса, от оценок кого-либо из его членов, ссылаясь на то, что не имеет права раскрывать секреты. Он не высказывался и относительно перспектив борьбы с Англией. Лишь в письме от 4 ноября он в качестве «своего особого мнения» сообщает, что упрямство короля и колониальной администрации «неизбежно приведут к величайшей революции, которую когда-либо знал мир»[38].

Дж. Адамс в 1775 г. высказывал только сомнение относительно возможности примирения с Англией. Б. Франклин в июле 1775 г., будучи уже членом Континентального конгресса, сообщал одному из английских адресатов, что американцы, протянув «оливковую ветвь» Лондону, предоставили «Британии еще один шанс, еще одну возможность восстановить дружбу с нами». Но тут же просветитель пессимистически замечает: «Все же Англии не хватит здравого смысла, чтобы воспользоваться этой возможностью, поэтому я прихожу к выводу, что она потеряла колонии навсегда»[39]. Т. Джефферсон в письме к умеренному виргинскому политику Дж. Рандольфу от 29 ноября 1775 г. характеризовал правление Георга III как «величайшее несчастье для империи». Уверяя Рандольфа в том, что «во всей Британской империи нет человека, который желает сохранения союза с Англией столь же искренне, как он», Джефферсон в то же время признавался, что не видит реальных путей спасения имперских связей[40].

Тот факт, что никто из признанных лидеров левого крыла патриотов не решился обратиться к американцам с открытым призывом к независимости, имеет как политическое, так и психологическое объяснение. И Джефферсон, и Франклин, и оба Адамса были членами Континентального конгресса, твердо ориентировавшегося на примирение с Англией. Эта линия конгресса, как и необходимость сохранения его единства в условиях острейших ситуаций, подчиняла радикалов инерции естественного хода вещей.

Осторожность радикальных лидеров имела свои пределы. После получения 3 января 1776 г. сообщения о решении Англии подавить «мятеж» колоний любой ценой, С. Адамс решается выступить против большинства конгресса. 15 января он сообщает Дж. Адамсу, что начал переговоры с некоторыми делегатами об образовании конфедерации и провозглашении независимости

провинции Новой Англии, если все колонии не готовы к этому шагу (С. Адамсу удалось заручиться поддержкой и Б. Франклина). Но к этому времени вне стен конгресса уже прозвучал страстный призыв к независимости, обращенный ко всей Северной Америке.

10 января 1776 г. в Филадельфии вышел памфлет, совершивший, по свидетельствам современников, переворот в умах американцев. Памфлет назывался «Здравый смысл», а его автором был Томас Пейн, англичанин, просветитель-демократ, отвергнутый своей родиной и прибывший в Америку в 1774 г. с рекомендательным письмом Франклина. В «Здравом смысле» впервые были обоснованы как требование образования независимого американского государства, так и республиканская идея революционных внутренних преобразований в Северной Америке.

Смелость и новизна идей Пейна, резко отличающихся от взглядов даже самых радикальных лидеров патриотов, способны были вызвать (и вызывали) у авторов, стремящихся к сенсации, искушение приписать ему такое влияние на Американскую революцию, каким он не обладал. Так Дж. Льюис в конце 40-х годов нашего столетия выдвинул даже версию о том, что в 1776 г. никто из колониальных лидеров, в том числе и Джефферсон, не был способен написать Декларацию независимости, принятую 4 июля, и что ее по тайному поручению Джефферсона написал не кто иной, как Т. Пейн[41]. Приняв эту версию, можно прийти к абсурдному выводу, что если бы Пейн не высадился в 1774 г. на американском континенте, то независимость Северной Америки никогда не была бы провозглашена. Впрочем, подавляющему большинству буржуазных историков свойственно, напротив, замалчивать значение революционных идей Пейна. Этому, по меркам респектабельных буржуа, ультрареволюционеру и атеисту, не находят, места среди «отцов» войны за независимость. Выпавшая на долю Пейна слава распределяется между другими лидерами патриотов, главное место среди которых отводят, как правило, С. Адамсу[42].

Куда как более справедливо оценивали значение революционной пропаганды Пейна его современники. Дж. Адамс, которому чаще было свойственно преувеличивать свои заслуги перед отечеством и преуменьшать заслуги других, отмечал, что «истории предстоит отнести Американскую революцию на счет Томаса Пейна». Э. Рандольф, известный политический деятель из Виргинии, полагал, что «Здравый смысл» склонил большинство графств крупнейшей колонии Америки в пользу принятия резолюций о провозглашении независимости в мае 1770 г. В аналогичном духе высказывался о памфлете Пейна и Дж.

Вашингтон.

В своем памфлете Пейн первым среди патриотов отверг идею о национальном единстве американцев и англичан. Английская национальность, доказывает он, утратила свое преобладание над другими в Новом Свете. В Пенсильвании, например, указывает Пейн, лица английского происхождения составляют меньше одной трети населения. Вот почему, продолжает Пейн, «я отвергаю приложение слов „отчизна“ или „родина-мать“ к одной только Англии…»; отечеством американцев давно стала вся Европа. Новый Свет предстает в «Здравом смысле» как своего рода Вавилон, где перемешались национальности «из всех частей Европы» и где складывается новая национальная общность. Памфлет Пейна, как никакое другое сочинение того времени, стимулировал процесс складывания национального самосознания американцев.

Пейн высмеивал и широко распространенное среди американцев убеждение, что без покровительства Англии экономика провинций зачахнет, что колонисты неспособны самостоятельно обеспечить процветание своей торговли и развитие промышленности. Преимущества экономических связей с Лондоном мнимы, патриоты, доказывал он, должны сбросить шоры с глаз и уразуметь ту очевидную истину, что «хлеб наш (американцев. — В. С.) найдет свой сбыт на любом европейском рынке, а за ввозимые товары нужно платить независимо от того, откуда они поступают». Не обнаружив преимуществ, заключенных в экономических связях колоний с Англией, Пейн затем стремится возможно полнее раскрыть «неудобства и убытки», вытекающие из неравного торгово-промышленного союза.

Важное место в «Здравом смысле» отводится критике концепции гомруля, которой придерживались все лидеры патриотов, от С. Адамса до Джефферсона. Пейн убедительно показывал, что отказ в имперской власти парламенту, но сохранение ее в то же время за королем не обеспечит прав американцев. Он развенчивает представления многих американцев, что усиление колониального гнета после 1763 г. было результатом «заговора» парламента и что король-де непричастен к этой репрессивной политике. «Король, — убеждает он патриотов, — не потерпит никаких законов, кроме тех, которые отвечают его целям», а посему сохранение связей с Англией даже только через монарха, минуя парламент, не уничтожает колониальной зависимости[43].

Критика иллюзий американцев, связанных с «доброй полей» английского короля, перерастает в «Здравом смысле» в развернутую критику их монархических иллюзий в целом.

Защита Пейном республики в условиях XVIII в., когда она рассматривалась многими представителями Просвещения как утопия, является идейным подвигом. Тот факт, что Пейн выступил против монархии в Северной Америке, где ее социальная база была много уже, чем в Европе (в стране не было сословных различий и дворянства), не снижает революционного характера «Здравого смысла». Накануне войны за независимость патриотический лагерь в целом и даже его радикальное крыло сохраняли приверженность идее конституционной монархии английского образца. Правда, приверженность многих патриотов к конституционной монархии необходимо, на наш взгляд, в свете необычайно быстрого и повсеместного торжества республиканских идеалов в провинциях в 1776 г., объяснить не только и не столько отрицательным отношением к республиканизму, сколько желанием урегулировать отношения с Англией на основе компромисса с королем, Принятие патриотами идеи независимости являлось поэтому важным условием одобрения и республиканской идеи. Условием, но не гарантией. Памфлет Пейна как раз и преследовал цель без остатка вытравить из сознания американцев монархические настроения, которые занимали важное место среди, по его словам, «местных и давно устоявшихся предрассудков», и склонить их в пользу республиканизма.

Пейн использовал для критики института монархии философские, правовые, библейские (учитывая религиозность американцев) аргументы, и наконец, доводы, основанные на «здравом смысле», которые легче всего убеждали колонистов, отличавшихся практическим складом ума. Аргументы Пейна были остроумны и злы. Наследование власти одной фамилией, указывал он, неугодно самой природе, иначе бы она не преподносила столь часто в качестве правителя «осла вместо льва». Прослеживая родословную «коронованных негодяев» Англии от «французского ублюдка» Вильгельма Завоевателя до «его королевского свинства» Георга III, Пейн доказывал, что их так называемые божественные права были самой настоящей узурпацией.

Одним из самых весомых аргументов «Здравого смысла», с точки зрения развенчания иллюзий патриотов, являлась беспощадная критика английской конституции, которая традиционно рассматривалась духовными вождями колонистов как вместилище всех возможных прав и свобод. Пейн доказывал, что принципы общественного соглашения и представительного правления, столь почитаемые патриотами, не осуществляются в Англии. Анализируя схему «смешанного правления», которая

лежала в основе английского государственного устройства, Пейн убедительно показывает, что два из трех китов этого правления — институт монархии и палата лордов — не имеют никакого отношения к воле избирателей, являются остатками монархической и аристократической тирании. Выборной являлась только третья составная «смешанного правления» — палата общин. Но она, как показывал опыт, не в состоянии была обуздать монархическую и аристократическую тиранию.

Отвергая «смешанное правление», Пейн противопоставлял ему в качестве идеальной политической формы «чистую республику» или «чистую демократию» (все три термина принадлежат политическому словарю XVIII в.). Столь смелые политические идеи в то время не высказывались даже передовыми умами в Европе.

Конечно, было бы наивно приписывать провозглашение независимости североамериканских колоний чудесному воздействию «Здравого смысла», но было бы ошибочно и сбрасывать со счетов силу его революционного воздействия. Обращение к нему не преуменьшает роли Сэмюэла Адамса в подготовке Американской революции, но оно же служит предупреждением против сотворения Адамсу культа «отца войны за независимость» в американской исторической мифологии. В подготовку антиколониального восстания внесли вклад многие выдающиеся лидеры патриотов. Не принижая их заслуг, подчеркнем в то же время, что провозглашение независимости вытекало из самой логики революционных событий, подлинным творцом которых был народ. Давление народных масс на провинциальные ассамблеи зимой и весной 1776 г. побудило лидеров патриотов к созданию новых революционных органов власти на местах. Народ все настойчивее требовал от провинциальных легислатур принятия инструкций, предписывающих их представителям в Континентальном конгрессе настаивать на полной независимости от Англии. 12 апреля 1776 г. такую инструкцию приняла легислатура Северной Каролины, 4 мая — Род-Айленда, 15 мая — Виргинии. 7 июня 1776 г. виргинский демократ Р. Г. Ли внес на рассмотрение конгресса «Резолюцию независимости». Она вместе с Декларацией независимости, подготовленной Т. Джефферсоном, была одобрена 4 июля 1776 г. Час нового государства — Соединенных Штатов Америки — пробил.

Новый облик Сэмюэла Адамса

Провозглашение независимости североамериканских колоний стало в жизни Сэмюэла Адамса событием, которое не только выражало итог его политической деятельности, но и как бы подводило черту под его политической карьерой. Человек, которого американские и английские тори называли «Макиавелли беспорядка», в ком видели «будущего Кромвеля» Америки (многим сама революция представлялась как «заговор Адамса»), с началом войны за независимость постепенно оттесняется от ее руководства такими лидерами, как Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Адамс.

С. Адамс, ощущавший себя хозяином городских собраний в Бостоне, испытывал неуверенность в стенах Континентального конгресса и уже с конца 1775 г., ссылаясь на болезнь, возраст, усталость, просил массачусетскую ассамблею отозвать его из Филадельфии. Но лишь летом 1779 г. он уезжает в Бостон, где почти безвыездно живет вплоть до самой смерти (1803 г.).

Вернувшись в Массачусетс, Адамс, однако, очень быстро вновь оказывается в гуще политических событий. В конце 1779 г. он избирается депутатом нижней палаты легислатуры, с 1781 г. становится председателем сената штата, в 1794–1797 гг. занимает пост губернатора. Массачусетс сполна воздал Адамсу за заслуги перед революцией.

В американской истории 80-90-е годы XVIII в. явились периодом, когда вслед за решением антиколониальных задач революции на первый план выдвинулись сложные и острые проблемы государственно-правового и социально-экономического устройства североамериканского общества. 1776 год изменил взаимоотношения внутри патриотического лагеря и «перетасовал» его лидеров в соответствии с их отношением к новым задачам революции. Названия «радикалы» и «умеренные» применимы для обозначения разных групп патриотов и после 1776 г., но их содержание меняется. До 1776 г. радикалами называли тех, кто одобрял идею гомруля, а затем независимости, а умеренными тех, кто предлагал только ограничить парламентские прерогативы в Северной Америке. После 1776 г. в роли умеренных выступают те, кто принимает ограниченную программу внутриполитических изменений, отражающую интересы собственно буржуазных слоев общества и особенно их верхов. В роли радикалов же выступает та группа патриотов, которая отстаивает демократическую программу экономических и

социально-политических преобразований. Только теперь понятия «радикалы» и «демократы» оказываются тождественными.

Демократическая социально-политическая программа Американской революции оказалась неприемлемой для многих лидеров патриотов, занимавших радикальную позицию в антиколониальном движении. Ее не приняли Дж. Адамс, А. Гамильтон, П. Генри и большинство других лидеров патриотов. Она оказалась не по плечу и Сэмюэлу Адамсу. Его эволюции посла 1776 г., обнаружившая новое, точнее, другое лицо бостонца, осталась не замеченной американскими биографами Адамса.

Умеренная, а в ряде отношений откровенно консервативная, позиция Сэмюэла Адамса в вопросах внутриполитических преобразований раскрылась необычайно полно в 1779–1780 гг. в ходе обсуждения и принятия конституции штата Массачусетс. Составление конституции было поручено Джону Адамсу, но подготавливал он ее при полной поддержке своего кузена. Из-под пера Дж. Адамса вышла самая умеренная конституция эпохи Американской революции. Фактически она означала первую попытку термидорианского пересмотра конституционной практики первых лет революции, воплотившей многие демократические устремления масс. (Проект Адамса в ряде отношений послужил основой федеральной конституции 1787 г.) Установленный ею имущественный ценз для избирателей был вдвое выше того, который содержала отмененная революцией колониальная хартия. Конституция воспроизводила в штате двухпалатную законодательную власть колониального образца. В обращении конституционного конвента штата к избирателям откровенно указывалось: «Нижняя палата предназначена для представительства граждан, а сенат — собственников республики»[44].

Сэмюэл Адамс безоговорочно одобрил эти и все другие положения массачусетской конституции. Она казалась ему «истинно республиканской». Понятие «республиканизм» трактовалось им не с демократических, а с умеренных позиций. В конституции Массачусетса его особенно привлекало то, что она «гарантировала те права собственности, которыми наделены достойные граждане и поддержание которых является великой целью политического сообщества». Назначение двухпалатной власти он видел в том, чтобы «сдерживать людские страсти»[45].

Позиция, занятая Адамсом после 1776 г., на первый взгляд противоречит его позиции в отношении народных масс в предреволюционный период. Это кажущееся противоречие. До 1776 г. Адамс был верен буржуазным правам и свободам, которые

тогда подавлялись Англией и ее американскими пособниками, и готов был опереться на массы в борьбе за эти принципы. После 1776 г. угроза буржуазным принципам исходила уже от американских низов. Адамс был противником любых ограничений буржуазных прав, особенно главного — свободного распоряжения и накопления частной собственности, и до, и после 1776 г. Еще в 1768 г. он недвусмысленно высказался по этому вопросу: «Собственность, как признано, существовала еще на стадии дикости… И если собственность необходима для сохранения жизни дикаря, то она не в меньшей степени необходима в гражданском обществе. Утопические проекты уравнительства иллюзорны и непрактичны в такой же степени, как и проекты закрепления всех собственнических прав за короной, они заключают в себе произвол, деспотизм и в нашей системе неконституционны»[46].

Неприятие эгалитарных принципов предопределило позицию Адамса в отношении уравнительных устремлений масс в годы Американской революции. В 1782 г. он резко осудил выступление массачусетской бедноты, требовавшей от законодателей штата отсрочки выплаты долгов. Откровенно антидемократический характер носило отношение Адамса к восстанию Даниэля Шейса, охватившему сразу несколько графств Массачусетса в 1786–1787 гг. С. Адамс использовал все свое влияние на городское собрание Бостона с тем, чтобы заставить благонамеренных горожан принять петицию губернатору с требованием немедленной расправы с восставшими. Бедноту, сплотившуюся вокруг Шейса, он пытался изобразить как «английских эмиссаров». Как председатель сената, Адамс выступил с резкими нападками против нижней палаты массачусетской легислатуры, которая была против подавления восстания силой. 5 февраля 1787 г. он потребовал от легислатуры обратиться к федеральному правительству для подавления восстания. Резолюция Адамса была одобрена, хотя многие члены ассамблеи штата сомневались в законности подобного вмешательства Континентального конгресса в дела суверенного штата.

Сэмюэл Адамс, в прошлом рьяный приверженец и неутомимый организатор революционных обществ, стихийных собраний, самочинных политических институтов, теперь протестовал против любых, не санкционированных властями выступлений. Объясняя изменение своей позиции, Адамс, теперь уже «власть предержащий», писал в 1784 г.: «Сейчас, когда имеется постоянное конституционное правительство, самочинные народные комитеты и конвенты в графствах становятся не только бесполезны, но и опасны. Они сослужили отличную службу и

были в высшей степени необходимы в момент их возникновения, и я не отрицаю и своей скромной роли в их создании»[47].

Спад массовых народных движений в США в конце 80-х годов и упрочение позиций новой буржуазно-плантаторской власти несколько смягчили консервативные черты в политическом облике Сэмюэла Адамса. Политическая умеренность, свойственная ему на последнем этапе жизни, существенно отличалась от консервативного антидемократизма Джона Адамса. В 90-х годах в переписке с Дж. Адамсом, консервативные настроения которого, как и всего умеренного клана «отцов-основателей», резко усилились в связи с Великой французской революцией, он протестовал против выдвинутой тем идеи элитарного правления «естественной и непресекающейся аристократии». Он не согласился и с мыслью Дж. Адамса о том, что власть только «частично исходит из народа» и что верховный политический суверенитет должен быть отчужден в пользу наследственной аристократии. В целом же С. Адаме в отличие от Дж. Адамса был вполне удовлетворен государственно-правовыми принципами федеральной конституции. «Естественная и непресекающаяся аристократия» Дж. Адамса казалась ему излишеством не только потому, что он был решительным противником сословных различий феодального образца, но и потому, что американская федеральная конституция 1787 г. заключала в себе, на его взгляд, достаточный механизм для сдерживания «чрезмерных страстей» народных масс.

В целом место Сэмюэла Адамса в процессе образования США определялось в первую очередь активной, лидирующей ролью в организации и воспитании патриотических сил накануне войны за независимость. Задачи революции были исчерпаны для него с достижением антиколониальных целей. После провозглашения независимости ведущая роль в определении исторических судеб Северной Америки перешла к новым политическим лидерам.

Глава III. Александр Гамильтон: пророк капиталистического развития

Среди биографов Гамильтона есть и критики, и апологеты (их большинство). Апологетические биографии Гамильтона[48] рисуют его как выдающегося выразителя общенациональных идеалов, не заключающих в себе якобы никаких классовых мотивов. Разве не Гамильтон, восклицают апологеты, дал начало сильной федеральной власти, мануфактурам и банкам, национальному величию США! В отрицательном отношении Гамильтона к правам штатов и преклонении перед унитарным государством Б. Митчел видит стремление к «эффективной организации» и «расчетливому планированию». Дж. Лайкэн говорит о нем как о друге мелких сельских собственников. Р. Б. Моррис характеризует Гамильтона как провозвестника государства «всеобщего благоденствия», чуть ли не предтечу кейнсианских мероприятий государственно-монополистического регулирования, которое американский историк рассматривает как регулирование в интересах всех классов[49].

Отношение к нему критиков противоречиво. Суть противоречия кратко сформулировал Вудро Вильсон: «Великий человек, но не великий американец» (президент США начала XX в., объявлявший себя защитником «маленького человека», хотел сказать, что быть великим американцем значило быть и поборником демократии). Критические биографии Гамильтона неравнозначны, его политические деяния одними авторами решительно отвергаются, другими принимаются с теми или иными оговорками.

С. Падовер, автор многих весьма поверхностных жизнеописаний «великих американцев и европейцев» (среди них восторженной биографии Т. Джефферсона, переведенной американскими издателями на русский язык), видит в Гамильтоне злого гения Америки. К. Бауэрс в сравнительном жизнеописании Джефферсона и Гамильтона придерживается того распространенного в США мнения, что все хорошее в этой стране исходит от первого, а все дурное — от второго[50]. Суждения Падовера и Бауэрса основаны на моральных сентенциях и не учитывают реальностей исторического развития США последней трети XVIII в.

К другой группе критиков относятся Н. Шэкнер, В.

Паррингтон, Дж. Миллер[51]. Они с изумлением обозревают сделанное Гамильтоном, показывают, что он первым в США решительно отказался от местнических предрассудков, поднял знамя федерального единства. Но, как ни парадоксально, констатируют эти критики, заботы Гамильтона о благе государства не принесли никаких выгод простым людям Америки, от них выиграли только денежные воротилы. «Великий человек», как ни прискорбно, презирал народ и демократию и, проводя свои преобразования, делал ставку на богачей.

Последней заметной критической работой о Гамильтоне явилась книга Дж. Бойда с сенсационным названием: «Номер 7. Тайные попытки Александра Гамильтона контролировать американскую внешнюю политику»[52]. Бойд — автор многих работ о Джефферсоне и составитель многотомного собрания его бумаг — обнаружил документы, дискредитирующие, на его взгляд, антагониста его героя. Выяснилось, что с 1789 г. Гамильтон поддерживал дружеские отношения с английским майором Беквитом, который из-за отсутствия в США дипломатического представительства английского монарха в одиночку выполнял агентурные задания в пользу своей страны. При этом он вошел в контакты со многими политическими деятелями США, на всех государственных деятелей завел досье и в донесениях начальству обозначал их запросто арабскими цифрами: военный министр Нокс — N 4, министр финансов Гамильтон — N 7, председатель верховного суда Джей — N 12 и т. д. Гамильтон препарировал информацию Беквита (англичанин не знал об этом, но, проведав, не огорчился бы) и беззастенчиво обманывал Вашингтона и Джефферсона насчет истинных намерений британских властей в отношении заокеанской республики. Он водил их за нос, как будто имел дело не с президентом и государственным секретарем страны, а с мелкими вкладчиками собственного банка. Цель его была проста: навязать США проанглийский курс и разрушить дружбу с Францией. Он добился своего: в 1794 г. Джей, съездив в Лондон, подписал договор с Англией, оскорблявший национальные чувства американцев, но отвечавший экономическим замыслам Гамильтона.

Споры американских историков о Гамильтоне, как видно, меньше всего похожи на академическую дискуссию. Это не случайно: представления Гамильтона о назначении государственной власти, целях социально-экономической политики перекликаются с современными идеологическими установками американской буржуазии и остаются неотъемлемой частью идейной борьбы в США XX в.

Адъютант Вашингтона

Американцы знают о Гамильтоне, что он был одним из составителей конституции страны и дал ей философское обоснование, что он стал первым министром финансов США, создал национальный банк и занимал важные посты в правительстве Вашингтона. Для большинства из них Гамильтон начинается с того момента, когда в октябре 1772 г. он ступил на берег Американского континента. Мало кого интересует его предшествующая жизнь. Американские историки пишут о ней немного и в общем одинаково, отличаясь друг от друга разве что описанием ландшафта и климатических условий островка Невис в Британской Вест-Индии, где 11 января 1755 г. появился на свет один из основателей США[53]. Скудны сведения о вест-индских годах юного Гамильтона, но они по-своему интересны и важны, поскольку проливают свет на особенности формирования незаурядной личности будущего лидера федералистов.

Обстоятельства рождения Гамильтона не однажды служили предметом насмешек и издевок в буржуазных и плантаторских семьях Северной Америки, усвоивших мораль, привычки и предрассудки аристократии Англии. Он был дитя адюльтера и оказался, по понятиям американских снобов-ханжей, отмеченным печатью «незаконнорожденного» (Джон Адамс, не выносивший Гамильтона, цедил о нем за глаза: «Внебрачный ублюдок шотландского лотошника»).

Один из сыновей Гамильтона в мемуарах подправил историю рождения отца. По его рассказу выходило, что Рашель Лавьен, мать Александра Гамильтона, еще до появления на свет своего знаменитого отпрыска была в разводе с первым мужем и в браке со вторым и что его отец родился законно, как и подобает «настоящему джентльмену». В действительности все было иначе.

В 1754 г. юная Рашель, дочь французского гугенота, тайно бежала от своего старого и постылого супруга, Джона Мишеля Левина (Александр Гамильтон в будущем изменит фамилию Рашель — Лавьен). Левин, оставшийся один с четырехлетним сыном Питером, затеял судебное преследование опозорившей его жены, утверждая, что та устремилась «предаваться распутству на Барбадос».

Рашель действительно уехала на Барбадос, но задержалась там ненадолго. Очень скоро она переехала на другой остров в Вест-Индии — Невис, где жили ее мать и сестры. Здесь 20-летняя красавица и пленила своего ровесника Джеймса Гамильтона, сына родовитого, но небогатого шотландского джентри. У Рашели

не было ни денег, ни влияния, ни существенных доводов для того, чтобы получить развод (по суровым английским законам, тогда на это требовалось разрешение парламента), и молодые влюбленные стали жить вместе, преступив законы христианской морали.

Замужество по любви принесло Рашель не больше счастья, чем брак по расчету. Джеймс Гамильтон, прибывший в Вест-Индию попытать счастья, был явным неудачником. Вначале он прогорел вместе с компаньонами на нехитрой торговой операции. Затем Джеймс попытался было основать собственное дело, но быстро пустил по ветру небольшую сумму денег, доставшуюся Рашель от матери. Висле этого не оставалось ничего, кроме как пойти управляющим на плантацию родственника жены. И здесь он не сумел проявить себя. В 1763 г. Джеймс Гамильтон, махнув на все рукой, сел на корабль, отплывавший от Невиса, и скрылся от Рашели и двух сыновей.

Александр Гамильтон, став взрослым, никогда не открещивался от отца и одно время даже пытался установить с ним связь. Он стремился к контактам и с родственниками отца. Такое поведение человека, прослывшего в Америке гордецом и честолюбцем, объяснялось просто — фамильный герб служил для него пропуском во влиятельные дома Северной Америки, где знатность происхождения почиталась особо. Верность отцу означала для Гамильтона сохранение связей с аристократическим шотландским кланом, древние корни которого были предметом его гордости.

Безутешная Рашель, оставшись одна с двумя детьми при живых законном и незаконном мужьях, преследуемая тяжбами Левина, протянула недолго. В 1768 г. она умерла 32 лет от роду. 13-летнего Александра Гамильтона родственники пристроили в контору к одному из богатых купцов Вест-Индии, Николасу Крюгеру.

Условия жизни рано приучили Гамильтона полагаться во всем на собственные трудолюбие и предприимчивость. Он не был обделен умом и разнообразными способностями. Стимулируемые усердием, они проявились очень быстро. Уже через два-три года службы у Крюгера глава фирмы стал поручать Гамильтону самостоятельные торговые операции. Здесь он так набил руку в составлении бухгалтерских отчетов, что в будущем, пребывая министром финансов, без труда отводил попытки сторонников Джефферсона обвинить его в коррупции. В свободное же время юноша «запоем» читал подвернувшиеся под руку истории античных авторов и развивал обнаружившуюся у него, помимо бухгалтерских дарований, литературную жилку. 3 октября 1772 г.

в газетке Невиса появилась его художественная композиция, в которой повествовалось о переживаниях героя, застигнутого штормом в открытом океане. Автором композиции заинтересовался сам губернатор. Было решено поощрить талант. И в конце октября 1772 г. Александр Гамильтон, снабженный рекомендательными письмами в богатые семьи Нью-Йорка, сошел на берег Бостона. Влиятельные опекуны пристроили его на год в частную школу в Нью-Джерси, а в 1773 г. Гамильтон блестяще сдал экзамены в королевский колледж в Нью-Йорке (будущий Колумбийский университет). С этим городом он навсегда связал свою жизнь.

Юный студент королевского колледжа преуспел не только в познании различных наук. Обнаружилось, что он лучше других умел рассуждать о политике. Политические же проблемы для колонистов уже 10 лет исчерпывались одной темой — взаимоотношениями с Англией. Гамильтон, не задумываясь, принял точку зрения американцев в их споре с метрополией.

Осенью 1774 г. лоялисты Северной Америки были до крайности встревожены. Решения только что окончившегося Континентального конгресса воспринимались ими как покушение на основы империи и верховную власть монарха. Нью-йоркский лоялист Сэмюэл Сибэри, известный священник, будущий епископ Коннектикута, давно слыл одним из самых рьяных защитников интересов британской короны в Северной Америке. И едва успели конгрессмены отбыть из Филадельфии, как преподобный отец поделился с колонистами «Верными суждениями о решениях конгресса», преподнесенными им в форме памфлета. Искусный в схоластических спорах богослов доставал из идейных архивов XVII в. покрытые пылью доктрины абсолютизма и требовал от колонистов и впредь во всем довериться суверенной воле монарха.

Патриотам Нью-Йорка не пришлось долго дожидаться ответа на творение Сибэри. 15 декабря они читали и передавали друг другу памфлет «Полное оправдание мер конгресса». Его автор не открывал своего имени, но по всему чувствовалось, что он был прирожденным и опытным памфлетистом. Каково же было удивление горожан, когда вскоре выяснилось, что памфлет принадлежал перу молодого и до сих пор мало известного среди патриотов студента королевского колледжа Александра Гамильтона.

Гамильтон, выступив со своим памфлетом, отважился на смелый поступок. Вольно или невольно он вступал в своеобразное состязание с лучшими умами колоний. Кроме того, молодой человек решился дискутировать с одним из самых ярых

приверженцев Англии в Северной Америке. Гамильтон успешно выдержал это интеллектуальное испытание. Как первый, так и второй (23 февраля 1775 г.) его памфлет в защиту свобод провинций были удачны.

Подобно колониальным радикалам, Гамильтон обращался к теории естественных прав, объявлявшей никчемными все обычаи страны и юридические акты, коль скоро они не согласовывались с законами, данными богом-творцом и природой. Пренебрегшего этой истиной доктора богословия Сибэри 20-летний юноша отчитал как нерадивого школяра. Тщательно собранные Сибэри исторические и юридические, факты, подтверждавшие «право» Лондона диктовать свою волю провинции Нью-Йорк, он опроверг в духе и стило западноевропейских учителей: «Не старые пергаменты и не покрытые пылью юридические своды являются хранилищем священных прав человека. Эти права, словно лучом солнца, вписаны в книгу человеческой природы рукой самого бога-творца и никогда не могут быть уничтожены или скрыты властью простых смертных»[54].

Сочинения молодого Гамильтона исполнены искренности и благородства. Надолго ли хватит их юноше, мечтающему о восхождении к успеху и власти?

После начала военных действий Гамильтон незамедлительно предложил свои услуги новой революционной власти. 1 марта 1776 г. нью-йоркская легислатура наградила Гамильтона чином капитана артиллерии и утвердила его в должности командира батальона. Обнаружив необыкновенную энергию, молодой капитан очень скоро набрал себе команду из 68 человек. Пока военные действия не приблизились к Нью-Йорку, жизнь батальона текла монотонно. Несколько солдат дефилировали вокруг архива штата, который вверили охране Гамильтона, а большая часть новобранцев постигала тонкости строевого шага на ближайшем плацу. Когда члены легислатуры убедились в том, что артиллерийская команда хорошо справляется с порученным делом, ей рискнули доверить более сложное задание. Так батальон Гамильтона оказался в береговом охранении.

12 июля 1776 г. капитан Гамильтон, заждавшийся настоящего дела, наконец увидел на горизонте входящие в Гудзон английские корабли. Его команда быстро привела орудия в боевую готовность и, как только корабли оказались на расстоянии пушечного выстрела, произвела залп. Эффект его поверг батальон в состояние шока. Одно из орудий разорвалось на части, около него корчились в агонии два заряжающих. Пытавшийся сохранить присутствие духа Гамильтон с надеждой осматривал вражеские суда. Новое разочарование! — на них не было повреждений.

Боевое крещение грозило обернуться полным крахом. К счастью, английские экипажи повернули свои суда назад, ограничившись обстрелом города.

9 августа батальон Гамильтона влился в армию Континентального конгресса. В сентябре солдаты Вашингтона после сокрушительного поражения оставили Нью-Йорк. Батальон Гамильтона разделил тяжкую участь осеннего отступления армии Вашингтона, когда каждый день мог стать для нее последним. Однако в конце 1776 г. патриотам улыбнулась фортуна, армия после двух удачных сражений освободилась от преследования англичан. Теперь ее ждало долгое зимнее стояние на холмах Морристауна. Было время подсчитать понесенные за три месяца потери. Гамильтону сделать это было нетрудно: у него в батальоне осталось не более 30 солдат, которых едва хватало, чтобы обслуживать два оставшихся орудия.

Заботы Гамильтона о пополнении батальона были прерваны в один из мартовских дней 1777 г. внезапным приглашением со стороны главнокомандующего стать один из его адъютантов. Протекцию ему составил знавший Гамильтона генерал Грин. Предложение это льстило юному капитану. Вашингтон брал в свою «семью», как он называл адъютантов, только джентльменов из знатных семей, способных к тому же изысканными манерами угодить аристократическому вкусу виргинского плантатора. Гамильтона радовала открывшаяся возможность попасть в тот круг, место в котором, казалось, было заказано ему обстоятельствами появления на свет (он, впрочем, не распространялся о них). Гамильтон незамедлительно согласился занять должность, которая заключала в себе столько выгод.

Для начала Вашингтон вручил ему, как и другим членам «семьи», высокий чин — подполковника. Затем постепенно ввел в круг непосредственных обязанностей. Гамильтон был назначен начальником канцелярии Вашингтона, он должен был от его имени вести переписку с политическими деятелями страны, бизнесменами, многими другими адресатами, число которых было довольно велико.

Каждый вечер, хотя бы на короткое время, он уединялся с главнокомандующим для разбора дневной корреспонденции. Тут же составлялись наметки ответов. Характер новых обязанностей Гамильтона делал его одним из самых приближенных и доверенных людей Вашингтона. Было бы, однако, явным преувеличением пытаться изобразить его в роли «серого кардинала» главнокомандующего (эта роль впоследствии часто удавалась Гамильтону — министру финансов при Вашингтоне-президенте). Человек, возглавлявший вооруженные силы молодой

республики, терпеть не мог подсказок даже со стороны своих любимчиков. Задача подполковника Гамильтона сводилась к тому, чтобы правильно уловить принципиальные соображения и идеи генерала, а затем развить их в нужном направлении на бумаге, изыскать при этом убедительные аргументы и изложить все изящным слогом. Вашингтону нравилось, как справлялся новый адъютант с поручениями.

Молодому подполковнику поручались и другие задания. Но не слишком часто. Один из первых биографов Гамильтона, Г. К. Лодж, восторженно писавший о своем герое, считал, что адъютант Вашингтона выполнил только одну важную миссию, не входившую в круг его прямых обязанностей. Один из завистников Вашингтона генерал Гейтс, действовавший на севере страны, в октябре 1777 г. одержал победу над англичанами под Саратогой, Главнокомандующий, дела которого на юге не ладились, послал Гамильтона к Гейтсу за подмогой. Гамильтон справился с заданием[55]. Но он так рьяно отстаивал просьбу главнокомандующего, что Гейтс, обнаружив по отъезде молодого подполковника пропажу письма одного из своих друзей, который объявлял его гением, а Вашингтона бездарностью, тут же решил, что письмо похитил свежеиспеченный адъютант Вашингтона (позже Гейтс выяснил, что виновником пропажи был его собственный адъютант)[56]. Судя по этому эпизоду, можно предположить, что Гамильтон не стеснялся показывать, как он предан главнокомандующему.

Биографы Гамильтона старались внести свою лепту в освещение ратных подвигов «отца-основателя». Но даже в самых красочных описаниях они выглядят довольно буднично. Зато обращает на себя внимание другое. Прежде всего в эти годы он, как никто другой среди армейских чинов, близко сошелся с самыми влиятельными людьми Америки. Общаясь с ними сначала от имени Вашингтона, Гамильтон очень скоро вступил со многими из них в личную переписку. Среди его адресатов с начала службы у Вашингтона мы видим имена Д. Дуэна, Гувернера и Роберта Моррисов, Р. Ливингстона, Ф. Скайлера, Дж. Джея, представлявших финансовую и политическую элиту молодой североамериканской республики. Адъютант Вашингтона пространно излагал им свои политические идеи. Некоторые из его писем конца 70-х годов, в частности письма Г. Моррису с суждениями о проекте конституции штата Нью-Йорк и Д. Дуэну с анализом «Статей конфедерации», представляли собою настоящие политические трактаты. Читая эти письма, где давались развернутые и четкие, полно и точно отражающие интересы буржуазных кругов социально-политические

характеристики и рекомендации, адресаты Гамильтона не могли не прийти к мысли: «Вот человек, который необходим в руководстве страны». И уже с конца 70-х годов XVIII в. имя Гамильтона стало частым на устах лидеров легислатуры Нью-Йорка и Континентального конгресса, когда вставал вопрос о заполнении важных политических вакансий.

Среди многих знакомств Гамильтона одно оказало наибольшее влияние на его дальнейшую судьбу. Началось оно во время одной из долгих осенне-зимних стоянок американской армии. Сражения и военные операции чередовались для американской армии с гораздо более продолжительным отдыхом. В эти дни частыми визитерами в ставке Вашингтона были высокопоставленные гражданские лица. В таких случаях обязательным было застолье у главнокомандующего, на котором присутствовали и патриотически настроенные дамы. Один из гостей вспоминал на следующий день после приема у Вашингтона, что «имел удовольствие впервые увидеть подполковника Гамильтона. Он сидел в центре генеральского стола, в большой компании… подполковник держался естественно, легко знакомясь и общаясь со всеми». Застолья у главнокомандующего способствовали упрочению связей Гамильтона и с семейством генерала Скайлера, членом которого он вскоре стал и сам.

Подполковник Гамильтон не был обойден судьбой. Но он полагал, что вправе рассчитывать на гораздо большее, чем адъютантская служба у главнокомандующего. Он, однако, быстро осознал, что, не обладая внятностью и богатством, обречен оставаться «человеком низшего сорта» в глазах родовитых имущих семей Америки. Гамильтон все чаще начал задумываться над тем, как ликвидировать столь явный «изъян» в биографии. И по тому, как он стал докучать друзьям рассуждениями об идеальной спутнице жизни, они поняли, что подполковник избрал самый легкий и верный способ для достижения этой цели. Он не кривил душой, когда определял достоинства своей избранницы. В беседах с близким другом Джоном Лоуренсом одно из них он оговаривал особо: «Что касается приданого, то чем оно больше, тем лучше». В отсутствии этого достоинства дочь генерала Скайлера Элизабет трудно было упрекнуть.

Семейство Скайлеров вместе с Ван Ранселлерами, Ван Кортлендами и Ливингстонами входило в четверку самых богатых и влиятельных кланов Нью-Йорка. Его глава Филип Скайлер наследовал от родителей крупные земельные поместья и прибыльное торговое дело. Он приумножил богатство, женившись на дочери Ван Ранселлера (размеры земельных владений Ван

Ранселлера равнялись двум третям территории соседней с Нью-Йорком колонии Коннектикут). После начала войны за независимость, когда Континентальный конгресс приступил к раздаче чинов, строго соразмеряя при этом амбицию претендентов с количеством их движимой и недвижимой собственности, Филип Скайлер получил звание генерал-майора. Невеста из семейства Скайлеров — Ван Ранселлеров, позиции которого после достижения независимости не только не пошатнулись, но и упрочились, представляла большой интерес для Гамильтона. 14 декабря 1780 г. он женится на младшей дочери Скайлера — Элизабет. Политические связи Гамильтона с элитой Американской республики были подкреплены личным союзом. Он еще с большим усердием занялся изысканием способов укрепления интересов собственников, ибо отныне от прочности их позиций прямо зависел и его жизненный успех.

Эволюция Гамильтона в годы войны за независимость отражала понимание им буржуазных целей революции. Более того, он нередко первым или среди первых обосновывал эти цели.

Некоторое время после начала революции общий демократический подъем в США в известной степени сказывался и на Гамильтоне.

В начале войны за независимость общими были попытки заменить двухпалатную законодательную власть однопалатной, за счет упразднения сената, а также расширить избирательное право, сократить сроки депутатских полномочий, ввести прямые выборы. Кое-где таким попыткам сопутствовал успех. Однопалатная система законодательной власти была создана в 1776 г. в Пенсильвании. Этому примеру хотели последовать и демократы в родном штате Гамильтона Нью-Йорке.

В 1777 г. политический деятель Нью-Йорка Г. Моррис с тревогой сообщал Гамильтону о проекте конституции штата, подготавливаемой для обсуждения. Он был недоволен тем, что в проекте умалялась роль главы исполнительной власти, которого в отличие от губернатора колониальных времен предлагалось не назначать, а избирать, да к тому же на основе прямых, а не двухступенчатых выборов. Поглощение власти демократией выражалось, по мнению Морриса, и в попытке упразднения верхней палаты легислатуры.

Гамильтон осмелился возразить Моррису в одном пункте. В ответном письме он высказался в пользу однопалатной организации законодательной власти. 10 лет спустя, в период принятия федеральной конституции, Гамильтон рассматривал верхнюю палату (сенат) как главный институт, призванный оградить интересы господствующего меньшинства. Но в 1777 г.

он полагал, что создание сената в Нью-Йорке, за что ратовал Моррис, означало бы угрозу принципу «народного соглашения», ибо сенат очень скоро выродился бы в «чисто аристократический орган»[57].

Биографы Гамильтона неизменно пишут о его прогрессивном высказывании о неграх-рабах в начальный период революции. Обращение адъютанта Вашингтона к острой в те времена негритянской проблеме объяснялось тем, что подразделения армии Континентального конгресса, действовавшие на Юге, явно нуждались в подкреплении. Но откуда их взять? Гамильтон пришел, как ему казалось, к блестящему решению. Нужно пополнить армию за счет негров-рабов, посулив им за хорошую службу свободу! Английский генерал Корнвалис такими обещаниями склонил на свою сторону тысячи негров. Гамильтон же предлагал пообещать им свободу за почетную службу в континентальной армии. Тогда Гамильтон и заявил, что представления его соотечественников о врожденной неполноценности негров «не основаны ни на разуме, ни на опыте»[58]. Свои мысли он пространно изложил в послании президенту Континентального конгресса Дж. Джею. Но дает ли это письмо основания говорить об антирабовладельческой позиции его автора (таков, например, вывод Дж. Миллера)?[59]

Гамильтон призывал своих соотечественников довериться в вопросе о способностях негров здравому смыслу, исходя из соображений пользы дела. Письмо Гамильтона позволяет говорить не о гуманизме его автора, а скорее обнаруживает в 24-летнем человеке другое качество — прагматизм, граничащий с цинизмом. Вот как он обосновывал преимущества использования негров в качестве солдат: «У меня нет ни малейшего сомнения в том, что негры, если им дать хороших командиров, будут отличными солдатами. Великие военные специалисты разделяют то убеждение, что у толковых командиров не может быть тупых солдат… Я пишу об этом, ибо частые возражения против мобилизации негров сводятся к тому, что чрезмерная тупость не позволит им стать солдатами. С моей точки зрения, такие рассуждения не имеют под собой оснований. Напротив, желание негров проявить себя (при их естественных способностях не хуже, чем у нас) в соединении со свойственной им привычкой к подчинению, которую они приобрели будучи рабами, позволит неграм стать хорошими солдатами скорее, чем нашим белым соотечественникам. Вообще же ум и способность принимать решения должны быть свойственны офицерам, что же касается рядовых, то чем больше они будут походить на механизмы, тем лучше»[60].

Подполковник Гамильтон много размышлял о проблемах революции. При анализе успехов и неудач континентальной армии Гамильтону был свойствен политический подход. В отличие от большинства офицеров он объяснял их не прозорливостью или просчетами командования, а стремился выяснить зависимость дел армии от общего положения страны и политики государств. В ответе на главный вопрос: как одержать победу над Англией? — Гамильтону меньше всего был присущ узкий подход, возвеличивание роли военных сил. Финансы, состояние промышленности и торговли, политическое единство штатов, мудрость государственных деятелей, успехи дипломатии — вот факторы, которые, с его точки зрения, предопределяли победы или поражения на полях сражений. Гамильтон боялся стихийного действия этих факторов. G начала революции он считал, что они должны быть подчинены единой регулирующей и направляющей воле в лице центрального правительства. Проблема эффективной организации государственной власти в стране в интересах буржуазного класса становится всепоглощающей заботой Гамильтона.

В вопросе об организации государственной власти в США антианглийский лагерь разделился на две части: сторонников прав штатов и приверженцев сильной центральной власти. «Статьи конфедерации», переданные для ратификации правительствам штатов в 1777 г. и вступившие в силу в 1781 г., знаменовали триумф сторонников децентрализации. Только в 1787–1788 гг. их противникам — федералистам — удалось отвергнуть «Статьи конфедерации» и навязать стране конституцию США, сосредоточившую все важные функции государственной власти в центральном правительстве. Гамильтон твердо выступил в пользу централизации государственной власти с самого начала революции, когда она явно не пользовалась популярностью в стране.

«Статьи конфедерации» закрепляли за правительствами штатов все важнейшие государственные прерогативы: налогообложение, создание и содержание вооруженных сил, сбор ввозных пошлин, выпуск и регулирование денежных знаков в обращении. В определенной мере они воплотили демократический принцип, но отразили и острейшие противоречия между штатами. Совершенно очевидно, что они усугубляли пагубную для страны в условиях борьбы за независимость экономическую и военнополитическую разобщенность штатов, дезорганизовывали силы молодой североамериканской республики, мешали укреплению ее авторитета на международной арене. Континентальный конгресс

с принятием «Статей конфедерации» быстро утратил авторитет, которым обладал в первый год войны. Временами казалось, что правительства штатов вообще забывали о его существовании. На одну из его сессий явились делегации лишь от трех штатов. В 1784 г. в конгрессе едва наскребли кворум для ратификации договора с Англией.

В письмах, статьях, памфлетах, посвященных критике «Статей конфедерации», Гамильтон рисовал безрадостную картину хаоса внутри страны и ее неудач в международных делах. Мрачные пророчества и постоянные намеки на трагическую судьбу древнегреческих республик-полисов, погибших из-за неспособности объединиться под общей властью, должны были полностью обезоружить сторонников суверенитета штатов.

Гамильтон умел действовать на умы и чувства людей. Ознакомившись в его изложении с пагубными результатами политической децентрализации, можно было прийти в смятение. Он показывал, как отказ от монополии в выпуске денежных знаков и предоставление штатам права их свободной эмиссии привели к безудержной инфляции. Местные правительства стали печатать банкноты, нисколько не сообразуясь с их обеспеченностью золотом и серебром. Деньги превратились в фикцию и повсеместно переставали приниматься к оплате. Создание и содержание местными властями военных сил, доказывал Гамильтон, основываясь на собственных ежедневных наблюдениях, обернулось тем, что милицейские формирования штатов игнорировали волю Континентального конгресса. Солдаты зачастую отказывались воевать за пределами своих штатов.

Особенно нетерпимым, твердил Гамильтон, был отказ Континентальному конгрессу в праве налогообложения. Конгресс мог только испрашивать у правительств штатов средства, необходимые для покрытия его расходов. Континентальный конгресс, оказавшийся «правительством без кошелька», не мог выплачивать жалованье армии. Иностранные государства отказывались предоставлять займы такому правительству, не надеясь вернуть, тем более с выгодой, свои вклады. Вообще, пессимистически заключал Гамильтон, многие за рубежом, да и внутри страны не воспринимали конгресс серьезно, видели в центральной власти временное явление. Она, считал Гамильтон, не годилась ни для мира, ни для войны.

Несмотря на мрачную оценку положения США на рубеже 70-80-х годов XVIII в., Гамильтон никогда не считал трудности молодой республики непреодолимыми. Он настойчиво указывал на возможности выхода из тупика. Во время затянувшегося

утверждения правительствами штатов «Статей конфедерации», когда нелепый и безрассудный, с его точки зрения, документ не был еще введен в действие, он требовал от Континентального конгресса рассматривать себя как высшую власть в стране.

Безынициативность Континентального конгресса, который после выработки в 1777 г. проекта «Статей конфедерации» все более устранялся от руководства страной, выводила Гамильтона из себя. Он пытался вскрыть причины пассивности центрального правительства. Одну из них Гамильтон видел в отказе конгресса создать исполнительный орган власти. Это вело к коллективной безответственности при проведении принимаемых решений в жизнь. Он настоятельно требовал от конгресса образовать самостоятельную и независимую исполнительную власть по образцу английского кабинета министров. И уж три, по крайней мере, министерства — военное, финансовое и иностранных дел — нужно было, по его мнению, создать незамедлительно. Еще одна причина пассивности конгресса — засилье в нем политически бездарных депутатов. Уход из центрального правительства блестящих деятелей 1776 г. казался ему неизбежным. Рычаги правления все более перемещались в штаты. Политические умы и таланты как магнитом тянуло туда, где была власть и где можно было проявить себя. Они легко покидали Континентальный конгресс и устремлялись в поисках настоящих политических дел назад, в штаты. Гамильтон грезил о другом конгрессе, возглавляемом сильными людьми нации.

Ратификация в марте 1781 г. «Статей конфедерации» горько разочаровала Гамильтона. Не успели еще стихнуть восторги их почитателей, как Гамильтон начал кампанию в пользу чрезвычайного конституционного конвента, призванного создать сильное центральное правительство[61].

На рубеже 70-80-х годов XVIII в. Гамильтон мог состязаться с самыми известными политическими деятелями своей страны в знании и понимании внутренних и международных проблем США. Должность начальника канцелярии Вашингтона, которая дала ему возможность приобрести все эти знания, вступить в контакты и укрепить отношения с видными финансистами, лидерами Континентального конгресса и местных легислатур, начинала все более тяготить его.

В 1779 г. Континентальный конгресс учредил должность главного финансиста правительства (фактически — министра финансов). Конгрессмены Д. Дуэн и генерал Салливэн незамедлительно стали продвигать на это место Гамильтона. 29 января 1780 г. Вашингтон получил письмо, в котором его просили высказать мнение о возможности назначения Гамильтона

руководителем финансовой политики конгресса. Главнокомандующий ответил, что редко встречал людей таких обширных познаний, как Гамильтон. Однако поддержка Вашингтона не помогла Гамильтону в этот раз занять пост руководителя финансовой политики США. Раньше него вакантное кресло занял «финансовый принц» страны Роберт Моррис. Неудача не уменьшила, а только разожгла честолюбивые замыслы подполковника. Видимо, непомерное честолюбие Гамильтона и явилось причиной участившихся стычек между ним и Вашингтоном.

Отношения между Вашингтоном и его адъютантом ухудшились в 1780 г. после эпизода, связанного с предательством Бенедикта Арнольда, коменданта ключевого американского укрепления Вест-Пойнт. Гамильтон оказался в Вест-Пойнте за день до раскрытия предательства. Назавтра туда же должен был прибыть и Вашингтон. По стечению обстоятельств в тот вечер, когда Гамильтон коротал время в приятной беседе с комендантом укрепления и его красавицей женой, американский сторожевой пост схватил лазутчика Арнольда — английского майора Андрэ. Последний спешил от коменданта Вест-Пойнта к своим сообщникам в Нью-Йорк с планом сдачи крепости. Лазутчика доставили в укрепление как раз к прибытию главнокомандующего. Когда же хватились Арнольда, то он уже успел сбежать к англичанам. Андрэ оказался единственным участником заговора, которого американцы могли покарать. Вашингтон приказал вздернуть королевского офицера как обыкновенного шпиона. Гамильтон возразил против такой казни, предложив согласиться с просьбой Андрэ заменить ее расстрелом. Возражение не понравилось главнокомандующему. С этого времени отношения между ним и его адъютантом стали откровенно натянутыми.

Джордж Вашингтон — главнокомандующий континентальной армией

Джордж Вашингтон — президент

Бенджамин Франклин

Роберт Моррис

Томас Джефферсон — посланник во Франции

Томас Джефферсон — президент

Джеймс Мэдисон, 1809 г.

Джеймс Мэдисон в последние годы

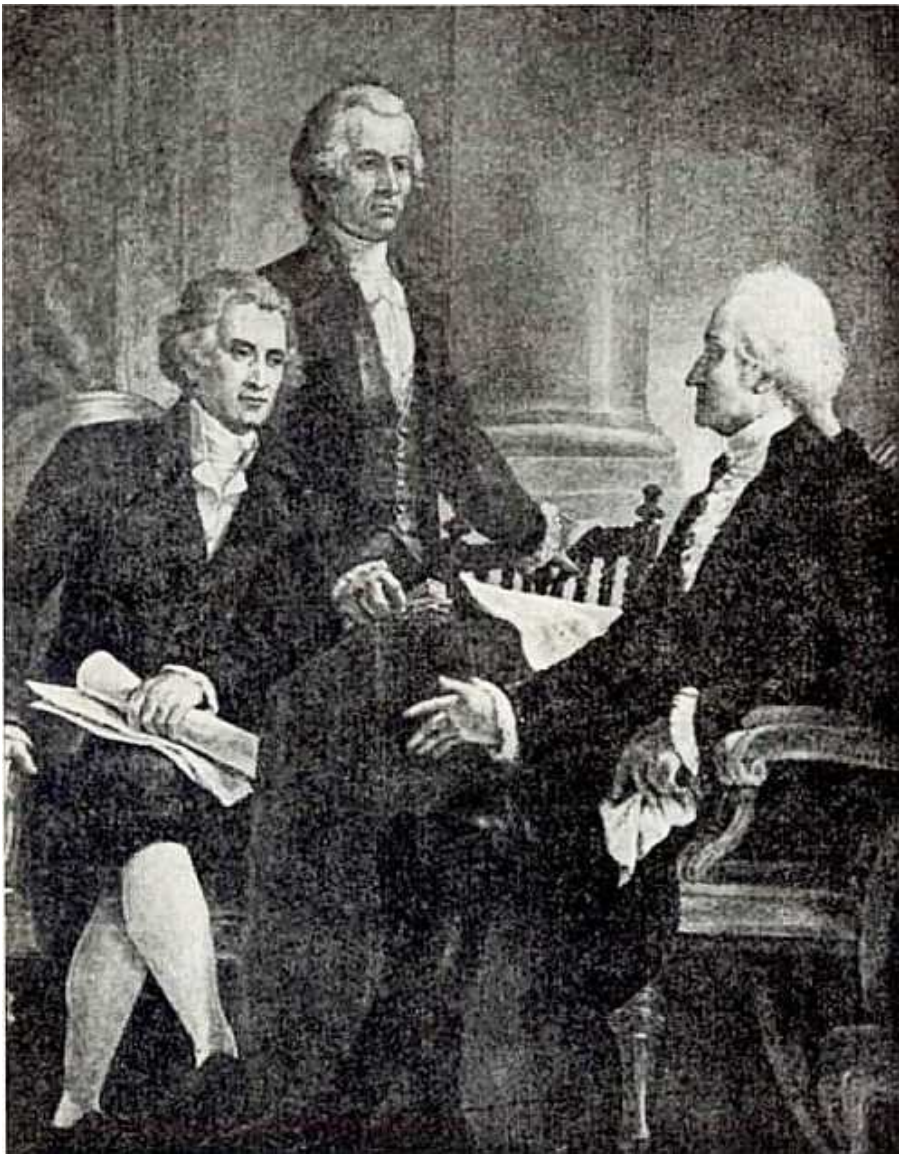
Сэмюэл Адамс

Александр Гамильтон

Аарон Бэрр

Первое правительство США: Т. Джефферсон, А. Гамильтон, Дж. Вашингтон

Разрыв между Вашингтоном и Гамильтоном произошел 16 февраля 1780 г. Гамильтон шел с поручением из штаба. По пути он встретил главнокомандующего, который обронил: «Зайдите ко мне». Адъютант обещал быть через минуту. Передав поручение другому офицеру, он поспешил к генералу. Но тут ему подвернулся приятель — маркиз Лафайет. Друзья разговорились. Когда Гамильтон появился у главнокомандующего, тот

раздражено сказал: «Подполковник Гамильтон, Вы заставили ждать себя 10 минут. Хочу заметить Вам, сэр, Вы по проявляете ко мне должного уважения». Адъютант вскипел: «Я не нахожу этого, сэр, но поскольку Вы так думаете, мы расстанемся». Генерал, выдержав паузу, ответил холодно: «Если Вы предпочитаете такой исход, пусть будет по-вашему».

Гамильтон оставался в армии до ноября 1781 г. После разрыва с Вашингтоном он получил в командование батальон. Но времени для того, чтобы проявить себя в сражениях, не осталось. Победа соединенных сил американцев и французов под Йорктауном в октябре 1781 г. положила конец военным действиям. После этого честолюбцу нечего было делать в армии. Осенью 1781 г. он вышел в отставку.

Распростившись с армейскими друзьями, Гамильтон отбыл на виллу тестя в Олбэни. После недолгих раздумий он решил посвятить себя адвокатской карьере. Профессия эта издавна почиталась в Северной Америке как одно из самых респектабельных занятий. Она сулила и другие выгоды; немалые доходы в случае успеха и контакты с влиятельными бизнесменами и политиками. Кроме того, из корпорации юристов чаще всего выходили политические деятели.

Гамильтону многое давалось без труда. Премудростями права он тоже овладел легко и быстро. Уже в июле 1782 г. отставной подполковник Гамильтон поражал правовыми познаниями членов верховного суда штата Нью-Йорк, выдававших разрешения на ведение адвокатской практики. Теперь можно было открывать собственную юридическую контору. Но в этот момент главный финансист Континентального конгресса Роберт Моррис предложил Гамильтону должность сборщика федеральных налогов в его штате. Гамильтон, увидевший в этом возможность прямого контакта с членами центрального правительства, согласился. И совершил ошибку.

Приняв предложение Морриса, Гамильтон обрек себя на бесконечные склоки с местной легислатурой. Конгрессы штатов — и нью-йоркский в этом не был исключением — понимали свои финансовые обязательства перед центральным правительством однозначно: как можно более искусно уклоняться от выплаты федеральных налогов. Трудности, стоявшие перед Гамильтоном, усугублялись тем обстоятельством, что в губернаторском кресле штата прочно сидел Джордж Клинтон, ярый противник усиления центральной власти. Получить деньги от легислатуры во главе с таким губернатором было поистине сизифовым трудом. Гамильтон очень скоро убедился в этом.

Первым шагом его в новой должности была попытка

упорядочить и упростить сбор налогов для федерального правительства в Нью-Йорке. С этой целью Гамильтон предложил местным законодателям перечислять в фонд центральной власти собираемые в штате ввозные пошлины. Такое предложение было решительно отвергнуто легислатурой (ввозные пошлины были единственным надежным источником пополнения местной казны, собирать их было куда проще, чем выжимать доллары из фермеров). Проявившему находчивость сборщику федеральных налогов заявили: пусть такую реформу проведут сначала другие штаты. Этот ответ не вселял никаких надежд на сбор средств для Континентального конгресса в Нью-Йорке.

Генерал Филип Скайлер, бывший в то время лидером сената в нью-йоркской легислатуре, видимо понял, что в должности сборщика налогов его зять добьется одного: загубит свою карьеру. И пока Гамильтон состязался в риторике с местными законодателями, он готовил ему другое место. Решено было продвинуть Гамильтона в Континентальный конгресс. Местная легислатура не возражала, и с конца июля 1782 г. зять Скайлера стал депутатом от штата Нью-Йорк в центральном законодательном органе. Проблемы, стоявшие тогда перед центральным правительством, все более усложнялись. Англия была побеждена, оставалось добиться как можно более выгодных условий мира на переговорах в Версале. Но зато резко обострились противоречия внутри страны. Начинались волнения среди солдатских масс, в штатах местные радикалы намеревались расправиться с бывшими лоялистами. Все эти социальные конфликты могли обернуться нежелательными внутренними катаклизмами. Конгрессу в Филадельфии предстояло срочно заняться их разрешением.

Ветераны и лоялисты

Когда Гамильтона избрали депутатом Континентального конгресса, его политическая программа имела, казалось, законченный вид. Сам он не сомневался в том, что предусмотрел решение всех проблем Америки. Но уже события 1783 г. заставили его существенно развить свои рекомендации. 1783 год явился своеобразным рубежом в становлении молодой североамериканской республики. Позади осталась война за независимость, когда главные усилия страны были направлены на борьбу с Англией. А впереди были острейшие классовые схватки внутри страны, когда народные массы выступали уже против долговой кабалы, ограничений их политических прав, земельных спекулянтов и латифундистов. Низы стремились продолжать революцию и после победы над Англией.

Первые волнения начались в армии. Ветераны, только что заставившие капитулировать Англию, обнаружили, что они не получили от победы ничего, кроме не принимаемых к оплате сертификатов. (Во время войны Континентальный конгресс расплачивался с солдатами сертификатами. Армии обещали обменять сертификаты на деньги сразу после окончания войны, но, увы, казна конгресса не наполнилась и после победы.) Солдатские агитаторы в армии сумели доказать несправедливость того, что ветераны, проливавшие кровь, возвращаются домой ни с чем, в то время как встречавшие их патриотическими криками толстосумы сумели весьма преумножить свои состояния. Армия была готова отстаивать свои интересы даже силой оружия.

Гамильтон очень рано уловил новый, тревожный для него импульс революции. С начала 1783 г. он, ссылаясь на то, что ему хорошо известен дух армии, доказывал чересчур радужно настроенным членам Континентального конгресса, что среди, солдат «тайно договорено» не разоружаться до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования. 13 февраля 1783 г. в письме к Вашингтону, который, кстати сказать, не держал зла против бывшего помощника, Гамильтон убеждал его «взять руководство армией в свои руки», используя авторитет в солдатской массе. На следующий день он направил тревожное письмо губернатору Нью-Йорка Клинтону, в котором высказывал опасение, что «окончание войны может стать прелюдией гражданских беспорядков»[62].

В начале июня 1783 г. конгресс в Филадельфии, не удовлетворив требований армии, принял указ о ее роспуске. А уже 15 июня 300 солдат континентальной армии,

расквартированные в Пенсильвании, держали под прицелами здание конгресса, ультимативно требуя в течение 20 минут выплатить жалованье за несколько месяцев. Как только стало известно об ультиматуме, депутаты конгресса в полном составе ретировались из зала заседаний через заднюю дверь. Собравшись в другом месте, они создали комиссию из трех человек для урегулирования конфликта. Гамильтон, включенный в нее, сумел показать себя. В то время как другие члены комиссии подумывали о переговорах с солдатами, отставной подполковник решительно потребовал разогнать их силой. С этой целью он предложил обратиться за помощью к правительству штата Пенсильвания. Гамильтон лично участвовал в переговорах с президентом высшего исполнительного совета штата Дж. Дикинсоном и местной легислатурой.

Правительство Пенсильвании посоветовало вышестоящему государственному органу урегулировать отношения с солдатами путем переговоров. Континентальный конгресс, дабы избежать «оскорбления чести» центрального органа страны, обратился к средству, которое часто спасало от натиска англичан во время войны, т. е. бежал в другой город (Принстон, Нью-Джерси).

Гамильтон был взбешен как действиями солдат, так и поведением членов пенсильванского правительства. Из этих событий депутат от Нью-Йорка сумел извлечь новые аргументы для своей федералистской доктрины. В июле 1783 г. в принстонских резолюциях конгресса Гамильтон впервые указывал, что «Статьи конфедерации» не содержат средств для обеспечения не только «внешней», но и «внутренней» безопасности[63]. С этого момента мотив защиты «социального порядка» от демократических движений выдвигается на первое место в агитации Гамильтона.

После июньских событий 1783 г. в Филадельфии Гамильтон счел своим долгом объясниться также с главой исполнительной власти Пенсильвании Дж. Дикинсоном. Последнего меньше всего можно было заподозрить в демократизме. Этот представитель местных верхов, собственник с аристократическими замашками, приобрел популярность благодаря своим «Письмам пенсильванского фермера». Но в историю он вошел иначе. Будучи противником разрыва государственных связей между Северной Америкой и Англией, Дикинсон в 1776 г. оказался единственным членом Континентального конгресса, проголосовавшим против принятия Декларации независимости. В социальных вопросах он занимал крайне правую позицию. И если в июне 1783 г. он отказался выделить милицию штата в помощь центральному правительству, то поступал так не из-за сочувствия восставшим

солдатам, а потому, что был ревностным защитником прав штатов. Гамильтон как раз и собирался втолковать Дикинсону, что его упрямая приверженность правам штатов губительна для отстаиваемых им же социальных и политических принципов.

Письмо Гамильтона Дикинсону интересно во многих отношениях. В нем впервые обнаруживается его отход от ряда важных идеологических постулатов, изложенных в памфлетах 1774–1775 гг. В канун войны за независимость, критикуя деспотическое правление английского парламента. Гамильтон говорил о высшей ценности для общества прав личности. В письме к Дикинсону он уже доказывал, что в демократических обществах, к каковым относятся и США, постоянно существует опасность утраты почтения к государству со стороны индивидуумов, а потому в таких обществах «в особой защите нуждаются правители»[64]. Так Гамильтон поменял местами в реестре общественных ценностей права подданных и права правителей.

Требования Гамильтона о расправе с солдатским выступлением в Пенсильвании явно не согласовывались с провозглашенным Декларацией независимости правом народа на восстание. Гамильтон легко ликвидировал это несоответствие. Право на восстание, изощрялся он в письме к Дикинсону, распространяется только на «народ в целом». Всякое же выступление части народа искажает-де это право, является противозаконным бунтом[65]. Интерпретировав таким образом положение Декларации независимости, Гамильтон изобретал для буржуазно-плантаторской власти теоретическую зацепку, при помощи которой можно было оправдать расправу с любым выступлением масс. Действительно, как бы ни было велико число его участников, всегда можно было доказать, что оно все же меньше «народа в целом».

Летом 1783 г. срок полномочий Континентального конгресса созыва 1782 г. истек. Истекли и полномочия Гамильтона. В Нью-Йорке его ожидали новые социальные бури. Здесь местные патриоты-радикалы, заняв прочные позиции в легислатуре, готовили целый ряд мер против лоялистов — жителей штата, сотрудничавших с англичанами во время войны за независимость. Лоялистами были почти исключительно люди с тугой мошной. Ее-то и собирались основательно потрясти неимущие патриоты.

Как только в декабре 1783 г. последние английские солдаты оставили Нью-Йорк, местные патриоты потребовали конфисковать собственность лоялистов, а их самих лишить политических прав или даже изгнать за пределы штата. Своего пика антилоялистская кампания в штате достигла во время

выборов в местную легислатуру зимой 1783/84 г.

Гамильтон моментально разгадал новые цели патриотического движения. Патриотическая кампания, писал Гамильтон своему бывшему опекуну Ливингстону, преследует цели «уравнительского толка». В конце концов, пророчил он, дело может кончиться «крахом собственности», если люди, обосновавшиеся в легислатуре, останутся у власти[66].

После окончания войны, с усилением социальных мотивов в движении народных масс, Гамильтон по-новому подошел к вопросу о разделении его сограждан на «друзей» и «врагов». Классовый инстинкт подсказывал ему, что союзники патриотов-собственников периода войны за независимость превращались теперь в их врагов. Зато союзниками патриотов его круга теперь становились бывшие заклятые враги — лоялисты. Их сближала забота об интересах собственности, порядка, удержания власти в руках своего класса. Едва, открыв по прибытии в Нью-Йорк адвокатскую контору на знаменитом ныне Уоллстрите, Гамильтон широко распахнул ее двери для преследуемых лоялистов.

Защиту лоялистов Гамильтон любил начинать со ссылок на мирный договор с Англией. В нем не только запрещалось дальнейшее преследование лоялистов, но и предполагалось восстановление в правах собственности и гражданства американцев, лишенных их во время войны (если только они не сражались с оружием в руках против армии США). Далее Гамильтон обвинял нью-йоркскую легислатуру «в посягательстве на принципы демократии». Законодатели штата, твердил он, лишали лоялистов прав собственности без суда и следствия. На головы обывателей градом сыпались зловещие пророчества Гамильтона: скоро нью-йоркская легислатура отменит суды присяжных, лишит избирательных прав всех достойных граждан, узурпирует всю власть в штате и выродится в олигархию.

Гамильтон остро реагировал на народные волнения не только в Нью-Йорке, но и в других штатах. Он не ломал голову над выяснением причин восстания Даниэля Шейса в Массачусетсе. «Если бы Шейс не был безнадежным должником, — отмечал Гамильтон, — весьма сомнительно, чтобы Массачусетс погряз в гражданской войне». Во всех уголках страны Гамильтону мерещились призраки новых Шейсов, а опыт правительства Массачусетса, едва справившегося с фермерским восстанием, еще больше укреплял его тягу к сильному центральному правительству. Народ, повторял Гамильтон, следует укрощать.

К 1787 г. «Статьи конфедерации» в глазах имущих классов Америки были явным анахронизмом. В мае 1787 г. в

Филадельфию съехались 55 делегатов из разных штатов страны с целью их пересмотра и принятия нового высшего закона североамериканской республики. Именно их в первую очередь и величают «отцами-основателями» США. Стали они таковыми отнюдь не по воле штатов. Местные легислатуры, делегируя своих представителей на этот форум, поручили им только одно: разработать некоторые дополнения к «Статьям конфедерации». Но уже 29 мая делегация крупнейшего штата Виргиния вынесла на обсуждение конвента проект, ниспровергавший «Статьи конфедерации».

В виргинском проекте федеральной конституции США, зачитанном Э. Рандольфом, центральное правительство наделялось такой полнотой власти, на какую в Северной Америке до войны за независимость претендовал английский парламент. Тогда патриоты отождествляли подобные прерогативы центральной власти с деспотизмом, сейчас делегаты конвента восхваляли их. Когда Рандольф огласил последний пункт проекта, в котором говорилось, что федеральному законодательному собранию вверяется право отменять все законы, принятые на местах, если они, по мнению центральной власти, противоречат конституции США, с места раздался иронический вопрос: «Не собираетесь ли Вы, сэр, упразднить правительства штатов?»

Виргинский проект вызвал особые возражения со стороны малых штатов. В нем предполагалось создание двухпалатной законодательной власти, причем количество депутатов в обеих палатах определялось пропорционально населению штатов. Малые штаты увидели в этом явное ущемление своих интересов и противопоставили виргинскому проекту свой собственный. Делегация Нью-Джерси потребовала придерживаться схемы представительства, зафиксированной в «Статьях конфедерации», т. е. сохранить однопалатную законодательную власть, в которой каждый штат будет иметь равное число голосов с другими.

Первый раз голос Гамильтона раздался с трибуны Конституционного конвента 4 июня 1787 г. Он высказался лишь по частному вопросу о праве вето главы исполнительной власти в отношении решений законодательного собрания. Депутат из Нью-Йорка обнаружил себя сторонником абсолютного вето, в результате чего подвергся острым критическим нападкам со стороны Дж. Мейсона из Виргинии и Б. Франклина, представлявшего Пенсильванию.

Утром 18 июня 1787 г. Гамильтон снова поднялся на трибуну конвента и покинул ее только к обеду. За пять часов он изложил все, что думал по поводу американской конституции. Гамильтон

понимал, что конвент решает судьбу государства на многие годы, а может быть, и на десятилетия вперед.

Он начал с того, что объявил несущественными затянувшиеся споры о представительстве различных штатов в центральном правительстве. Гамильтон обрушился на делегации малых штатов — Нью-Джерси и Коннектикута, которые предлагали увековечить однопалатную систему центральной законодательной власти с равным числом в ней представителей от каждого штата. Он ссылался на опыт Континентального конгресса и доказывал, что такое представительство являло собой съезд посланников враждебных друг другу государств, у которых на уме лишь одни территориальные притязания. Они не смогла создать прочную армию, достойный великой державы флот, не сумели обеспечить ни внешней, ни особенно внутренней безопасности страны, были не в состоянии вывести из хаоса экономику и финансы, покровительствовать торговле, промышленности и банкам. Опыт 11 лет независимого существования США свидетельствовал, что «великие интересы нации были вверены силе, неспособной осуществить их».

Гамильтон предлагал создать законодательное собрание США из двух палат. Принцип равного представительства штатов, хотя бы в верхней палате, он решительно отверг. Перед депутатами конвента выступал убежденный сторонник единого централизованного государства. Далее, весьма неожиданно для многих депутатов конвента, Гамильтон, заявил, что лучшей из известных миру политических форм государства является британская, т. е. конституционная монархия[67]. И начал перечислять ее «достоинства». Правда, затем Гамильтон, проявив политическую трезвость, сказал, что британская форма правления в чистом виде не может быть утверждена в США, что речь может идти лишь об усвоении ее принципов.

Ни до, ни после 18 июня 1787 г. Гамильтон ни разу не высказался в пользу монархии. В 1792 г., когда его, тогда уже министра финансов США, обвинили в монархических убеждениях, он негодующе заявил, что такие обвинения являются не чем иным, как инсинуациями со стороны Джефферсона и его окружения. Он решительно отрицал, что когда-либо испытывал симпатии к британской конституции, и называл глупцом всякого, кто серьезно верил в возможность утверждения монархического правления в США.

Гамильтон, действительно, не был приверженцем той монархии, которая утвердилась в европейских феодальных обществах. Но его привлекал сам принцип наделения исполнительной властью одного лица, поскольку он считал, что

это лучше всего будет отвечать интересам буржуазии в условиях острых социальных катаклизмов послереволюционного периода и становления США как независимого государства.

В период войны за независимость Гамильтон доказывал, что сильная центральная власть отвечает интересам страны в целом. На Конституционном конвенте он впервые разделил американцев на «меньшинство» и «большинство» и впервые открыто провозгласил, что государство должно создаваться меньшинством, управляться им и служить его интересам. Гамильтон не обманывал ни себя, ни своих слушателей относительно тенденций социального развития США. С развитием промышленности и торговли в стране, говорил он, различия между «меньшинством» и «большинством» будут все более усиливаться[68]. Поэтому Гамильтон предложил делегатам такой проект конституции США, в котором государство надежно ограждало интересы «меньшинства» от посягательств «большинства».

Согласно проекту Гамильтона, высшие должностные лица американского государства, сенаторы и президент занимали свои посты пожизненно. Сенаторы избирались на основе двухступенчатых, а президент даже на основе трехступенчатых выборов. Право участвовать в выборах в сенат получали владельцы недвижимой собственности, приобретшие ее по наследству и не имевшие долговых обязательств в течение 14 лет к моменту выборов. К участию в президентских выборах допускались владельцы недвижимой собственности, способные подтвердить фамильные права на нее в трех поколениях, или лица, чье состояние оценивалось в тысячу золотых испанских долларов. Президент обладал всей полнотой исполнительной власти. Кроме того, он имел право абсолютного вето на решения конгресса и назначал членов Верховного суда.

Проект Гамильтона был крайним выражением тех тенденций и намерений, которые характеризовали позицию депутатов Конституционного конвента. В конце концов его проекту централизованного олигархического государства, возглавляемого пожизненно избранными президентом и сенаторами, конвент предпочел более умеренный вариант федеральной президентской республики.

В проекте новой конституции преодолевались те недостатки «Статей конфедерации», которые не удовлетворяли Гамильтона. В то же время в ней были воплощены многие его идеи. Гамильтон объявил себя другом федеральной конституции, как только ее проект приобрел законченный вид. Он тотчас начал убеждать делегатов единодушно поставить свои подписи под проектом. Не

все последовали его призыву. На месте, отведенном для подписей представителям Нью-Йорка, вообще появилось только одно имя — самого Гамильтона. Два других делегата от Нью-Йорка уже давно покинули конвент и подготавливали в Нью-Йорке легислатуру к тому, чтобы дать решительный бой новой конституции. Не дремали противники проекта конституции и в других штатах. Делегатам, поставившим 17 сентября 1787 г. свои подписи под проектом, предстояла еще борьба на местных ратификационных конвентах.

Нью-йоркский губернатор Клинтон не спешил созывать местный ратификационный конвент. Он хотел продлить существование «Статей конфедерации», а заодно намеревался как можно лучше подготовить своих сторонников к сражению с федералистами. Клинтон считал очень важным настроить против решений Конституционного конвента общественное мнение.

Гамильтон без промедления вступил с ним в острую дискуссию. При этом он задумал создать развернутое философское обоснование конституции. Никогда не удовлетворяясь малым, он хотел сформулировать «символ веры» нации. Для этого нужны были популярные соавторы — хотя бы только имена — ибо на свой авторитет среди американцев он не очень надеялся. Быстро создали триумвират — сам Гамильтон, его давний друг и единомышленник, в прошлом президент Континентального конгресса Джон Джей и Джеймс Мэдисон.

Первая статья триумвирата появилась через месяц с небольшим после окончания заседания Конституционного конвента — 27 октября 1787 г., а последняя — 28 мая 1788 г. Всего появилось 85 статей под общим названием «Федералист». Авторские заслуги Джея были минимальными — он написал пять статей, не имевших особо важного значения (N 2–5, 64). Основная часть статей — 51 — вышла из-под пера Гамильтона, 15 статей принадлежали Мэдисону, три статьи (N 18–20) написали совместно Гамильтон и Мэдисон. Авторство оставшихся 11 статей принадлежит или Гамильтону, или Мэдисону. Старания Гамильтона были по достоинству оценены и вознаграждены «сильными мира сего». В августе 1788 г. первый кандидат на пост президента страны Дж. Вашингтон в письме к автору «Федералиста» восторженно отзывался о его идеях, объявив их политической классикой. Значение труда Гамильтона было явно преувеличено Вашингтоном.

В «Федералисте» были подвергнуты критике губительные политические, экономические и социальные последствия суверенитета штатов. Это и торгово-промышленная конкуренция, и борьба за незанятые западные земли, и стремление к

политической гегемонии. Особенно опасными в условиях отсутствия сильной центральной власти, доказывал Гамильтон, были конфликты между враждебными социальными группировками, имевшимися в каждом штате. Гамильтон высмеивал распространившиеся в США представления о том, что в республике, каковом являлась Североамериканская конфедерация, уже в силу ее природы исключена возможность острых социальных столкновений.

«Бунты», писал Гамильтон, были не только неизбежны в Северной Америке, но, как показал опыт восстания Шейса, могли подвергнуть серьезной угрозе ее политические устои. А что было бы, пугал он собственников и обывателей, если бы свои Шейсы обнаружились в Нью-Йорке и Род-Айленде, Коннектикуте и Нью-Гэмпшире, в других штатах? Местные власти не в состоянии были бы справиться с такими выступлениями собственными силами, а слабое центральное правительство не могло им помочь, а главное, не имело прав вмешиваться во внутренние дела суверенных штатов. Так Гамильтон подводил читателей к выводу, что без наделения центрального правительства полицейскими функциями и придачи ему мощного аппарата насилия в стране невозможно утвердить прочный «социальный порядок».

Едва успела появиться последняя статья «Федералиста», как Гамильтон уже расточал похвалы новой конституции с трибуны нью-йоркского ратификационного конвента. Дебаты в нем велись более месяца — с 17 июня по 26 июля 1788 г. Когда же, наконец, дружине Гамильтона удалось сломить сопротивление фракции Клинтона и добиться одобрения проекта конституции, радости федералистов не было предела. Корпорация нью-йоркских плотников (среди мастеровых города было немало федералистов) срочно сколотила 32-пушечный фрегат «Александр Гамильтон». Владельцы судоверфей, дабы не ударить в грязь лицом, соорудили свой корабль в честь вождя федералистов. Корабль, чтобы не путать его с фрегатом плотников, окрестили «Новой конституцией». Но на его носу, как и на фрегате плотников, красовалась деревянная скульптура Гамильтона. В левой руке скульптуры были поверженные «Статьи конфедерации», а в правой — новая конституция. Чело деревянного федералиста обрамлял лавровый венок. Канонизация Гамильтона началась. И в самую пору, полагали доброжелатели федералиста, так как он в тот год отметил свое 33-летие.

Министр финансов, желающий быть премьером

Новая конституция вступила в силу летом 1788 г. В начале 1789 г., почти через 12 лет после создания североамериканской республики, был избран первый глава исполнительной власти страны. Затем появились три министерства — госдепартамент, финансов и военное, — за создание которых Гамильтон ратовал еще в конце 70-х годов. Так был заложен фундамент кабинетной системы. Определить же основы внутренней и внешней политики нового правительства оказалось делом гораздо более сложным, чем формирование механизма государственной власти.

Если судить по закрепленным конституцией принципам, определение основ американской политики зависело прежде всего от президента. Но Джордж Вашингтон, занявший президентское кресло, как выяснилось, не претендовал особенно на эту роль. Зато о ней во сне и наяву грезил первый министр финансов США — Александр Гамильтон. Президент не противился этому[69]. Честолюбивые амбиции Гамильтона натолкнулись, однако, на серьезнейшее сопротивление государственного секретаря Томаса Джефферсона. Вскоре они возглавили две партии, получившие название федералистской и республиканской[70]. Федералисты выступали в защиту торгово-промышленного развития США, а джефферсоновцы являлись поборниками аграрного пути. В политической области первые выступали за консервацию, а вторые за развитие демократических преобразований Американской революции.

Гамильтон вступил на пост министра финансов с готовыми идеями, которые он представлял на суд широкого общественного мнения в течение 10 лет. Теперь надлежало облечь эти идеи в экономическую программу федерального правительства, что и было сделано менее чем за два года в нескольких докладах конгрессу: «Об общественном кредите» (14 января 1790 г.), «О национальном банке» (13 декабря 1790 г.), «О монетном дворе» (28 января 1791 г.), «О мануфактурах» (5 декабря 1791 г.).

Экономическая программа Гамильтона преследовала цели упрочения союза государства и буржуазных кругов, закрепления за правительством регулирующей роли в развитии национального хозяйства, поощрения развития промышленности, ее опережающего прогресса в сравнении с сельским хозяйством.

В докладе «Об общественном кредите» Гамильтон подводил экономическую основу под унию между правительством и

крупными капиталистами. Одной из главных потребностей государства, говорил он, является потребность в кредите. Но чтобы получить его, нужно научиться исправно расплачиваться с долгами. Для начала, поставил вопрос ребром Гамильтон, необходимо погасить по нарицательной стоимости все внешние и внутренние долги конгресса и штатов. От этих слов многие делегаты содрогнулись: национальный долг составлял 80 млн. долл. Джефферсоновские республиканцы же увидели в предложении министра происки капиталистического дьявола: львиная доля внутренних долгов состояла из «солдатских» сертификатов, которые от первоначальных владельцев, утративших в них веру, перекочевали в руки денежных воротил. Учитывая, что спекулянты скупали у солдат сертификаты за 10–12 % их нарицательной стоимости, можно было легко сосчитать, что их барыши в случае осуществления плана Гамильтона составили бы до 1000 %. Это было явное надувательство правительства и налогоплательщиков, и демократы решили дать бой министру финансов.

Их контрпредложение было очень простым: оплатить по нарицательной стоимости только сертификаты, находившиеся в руках первоначальных владельцев, а остальные облигации оплачивать по фактической стоимости или вовсе аннулировать. Гамильтон разъяснил противникам, что цель заключалась вовсе не в том, чтобы аннулировать долг, а в том, чтобы выплатить его людям, которые затем с радостью предоставят новые кредиты правительству. А такими людьми были как раз не бывшие солдаты, а ограбившие их спекулянты. В конце концов джефферсоновцы были вынуждены уступить натиску министра финансов.

Гамильтон смог обнаружить только два источника расплаты с кредиторами: повышение пошлин на ввозимые иностранные товары и увеличение акцизных сборов с производства и продажи рома и виски. Богатые винокуры Новой Англии — производители рома — ничуть не пострадали от акцизных сборов, утвержденных конгрессом в 1791 г.: они перекладывали тяжесть налога на потребителя, повышая цены. Зато занимавшиеся варением виски мелкие фермеры Запада, имевшие ограниченные возможности выхода на рынок, лишились главной статьи дохода. Т. Джефферсон и его сторонники увидели в налоговой политике Гамильтона, которая совершенно не затрагивала интересов промышленников и торговцев, тонко рассчитанный удар по интересам фермеров.

Подлинной победой Гамильтона явилось создание в 1791 г. Национального банка. Конгресс после недолгих дебатов о его

конституционности уступил министру финансов и в этом вопросе. Уж очень настойчиво убеждал он в том, какие выгоды сулит США финансовый гигант. Обещания Гамильтона основывались на анализе практики английского банка. Национальному банку отводилась функция кредитования государственных и частных нужд и эмиссии бумажных знаков. Ему приписывалась чудотворная роль источника увеличения капиталов и богатства нации. Банк, объявлял Гамильтон, будет предоставлять кредиты не только за счет имеющихся фондов, но и станет выпускать банкноты сверх своих запасов благородных металлов. Так будет создан искусственный капитал, который явится мощным дополнительным рычагом воздействия на развитие промышленности и торговли[71].

В годы войны Гамильтон был одним из ярых противников безудержной эмиссии бумажных денег штатами, объявлял ее причиной краха экономики. В 90-е годы в его речах проскальзывала та мысль, что инфляция инфляции рознь. Инфляция — зло, когда является результатом анархии, разобщенности в действиях множества банков. Но она же превращается в благо, когда осуществляется под жестким контролем банковской монополии, соразмеряется с фондами банка и процентами с кредитов, которые представляют возврат уже с реального капитала и гасят инфляцию. Гамильтон с его идеями искусственной инфляции и капиталотворческой роли кредита с полным основанием может считаться одним из основоположников теории о способности банков посредством проводимых ими кредитных операций создавать новые капиталы.

Национальный банк США был создан совместно государством (ему принадлежала одна пятая часть всех акций) и крупными банкирами, что соответствовало замыслам министра финансов об упрочении унии между правительством и капиталистами. Вкладчиками банка стали многие владельцы скупленных «солдатских» сертификатов; взамен обесцененных долговых обязательств Континентального конгресса они приобретали полноправные акции с гарантированным годовым доходом.

С особой настойчивостью проповедовал Гамильтон идею создания в стране крупных мануфактур. На возражения критиков, доказывавших несостоятельность плана развития в США больших предприятий в силу нехватки рабочих рук и отсутствия крупных состояний, он приводил весомые контраргументы. Ручной труд на предприятиях, указывал Гамильтон, уступает место машинному и при условии энергичного внедрения новых технических изобретений на американских мануфактурах дефицит рабочей силы может быть легко преодолен. Кроме того, в США, по его

мнению, совершенно не использовался английский опыт по привлечению на мануфактуры женщин и детей. Что же касается отсутствия в стране достаточного количества крупных индивидуальных состояний, необходимых для массового развития больших предприятий, то эта проблема, разъяснял Гамильтон, будет легко разрешена с созданием Национального банка, который предоставит ссуды на любые суммы любому количеству предпринимателей.

Последней, важнейшей частью экономической программы Гамильтона явилось государственное покровительство развитию промышленности. Министр финансов предложил на рассмотрение конгресса широкую серию протекционистских мер: защитительные или даже, если необходимо, запретительные ввозные пошлины на товары-дубликаты отечественной продукции, запрещение вывоза сырья из страны и поощрение в случае его нехватки ввоза из-за границы; способствование изобретениям и открытиям внутри страны и внедрение в американской промышленности технических достижений других стран; государственный надзор над качеством производимой продукции; строительство новых дорог, каналов и улучшение старых и т. д.[72]

Гамильтон требовал предоставления правительству «универсальной направляющей власти» в торгово-промышленном развитии США, необходимой для поощрения национальной торговли и мануфактур. Он выдвинул концепцию развития американской торговли и промышленности на путях «активной коммерции». «Активная коммерция», разъяснял он суть вводимого в политический словарь соотечественников понятия, означает для нации интенсивное мореплавание, превышение вывоза товаров над ввозом, процветание мануфактур, наиболее полное использование внутренних экономических ресурсов. «Активная коммерция», доказывал он, обеспечит США независимое, а потом и лидирующее экономическое положение в мире. В этом ее отличие от «пассивной коммерции», которая неизбежно восторжествует в США, если они сохранят приверженность к «саморегулируемой торговле», и которая приведет к экономическому порабощению страны иностранными державами[73].

Гамильтон при этом не был противником экономического либерализма вообще и сторонником всякого регулирования промышленности и торговли. Он решительно осуждал, например, регламентацию цен, товарной продукции, т. е. те виды регулирования, которые препятствовали частнокапиталистическому накоплению и экономическому росту.

Гамильтон принимал только такое регулирование, которое обеспечивало бы возможность наиболее полного развития национальных производительных сил. Конкуренция в его схеме должна была оставаться единственным регулятором экономических связей на внутреннем рынке. Но в то же время государство призвано было оградить национальную промышленность от конкуренции извне.

Такова была обширная экономическая платформа министра финансов, которая и получила название «гамильтоновского пути развития США». Совершенно очевидно, что это был путь развития торгово-промышленного капитализма. Сторонникам Джефферсона, которые выступали за аграрное развитие США, министр финансов пытался доказать, что рост фабрик и городов благоприятно отразится и на развитии сельского хозяйства, ибо одним из его следствий будет увеличение спроса на продукцию фермерства. Конгресс внял доводам министра финансов и быстро приступил к осуществлению его рекомендаций на практике. Начал он с самого простого — повышения пошлин на ввозимые товары.

К 1792 г. основные экономические планы Гамильтона нашли законодательное воплощение. Честолюбивые помыслы министра финансов не были, однако, удовлетворены. Он мечтал о других министерских постах. В 1794 г. в его руках оказалось сразу два правительственных портфеля — глава военного ведомства Нокс ушел в отставку, и Гамильтон с радостью занял еще одно министерское кресло. Во время короткого пребывания вождя федералистов на новом посту летом 1794 г. в четырех графствах Пенсильвании вспыхнуло восстание фермеров. Гамильтон немедленно определил его как якобинский заговор с целью переворота в стране на французский манер. Он потребовал двинуть в Пенсильванию федеральное ополчение.

Используя полномочия военного министра, Гамильтон сам возглавил выступление федерального воинства против фермеров. По прибытии на место он к величайшему своему огорчению убедился, что подавлять было нечего. Фермеры не обнаружили желания схватиться с 15-тысячной армией. Вместо кровавой расправы пришлось ограничиться арестом и допросами нескольких десятков восставших. Гамильтон как обыкновенный шериф лично участвовал в допросах. Вся эта история вызвала бесчисленные издевки и насмешки со стороны оппозиционной прессы. В демократических кругах имя Гамильтона было окончательно скомпрометировано.

С погромными трудностями столкнулась федералистская партия в проведении своего внешнеполитического курса,

рассчитанного на расширение связей с Англией и разрыв уз с Францией. В глазах многих американцев, в памяти которых еще была свежа антиколониальная борьба против Лондона и военно-политическая помощь Франции в этой борьбе, внешняя политика федералистов являлась надругательством над заветами революции и национальными интересами. От федералистов потребовались огромные усилия, чтобы представить в выгодном свете свою внешнеполитическую доктрину и привлечь на свою сторону общественное мнение.

Они утверждали, что курс на расширение экономических и политических связей с Англией носит тактический характер и служит наиболее верным средством для обеспечения в конечном итоге прочной политической независимости и экономической самостоятельности США.

США, утверждал Гамильтон в записке Вашингтону в 1790 г., смогут стать могущественной державой только в условиях длительного мира и ради его поддержания можно пойти на определенные, и даже крупные, уступки Англии.

Аргументы, обосновывающие преимущества экономического и политического сближения с Англией, подкреплялись развернутой антифранцузской пропагандой. Антифранцузские настроения федералистов, равно как и их проанглийские взгляды, возникли не вдруг, а вследствие достаточно сложной эволюции и отразили глубокие изменения, происшедшие на международной арене в период после окончания войны США за независимость. Причины, заставившие федералистов решительно отречься от идеи американо-французского союза 1778 г., которой США оставались верны в годы антиколониальной войны, определялись в первую очередь изменением международного положения и социально-политического облика Франции под воздействием Великой Французской революции.

Одним из первых выражений глубоко прагматичной подоплеки антифранцузской доктрины федералистов можно считать суждения Гамильтона, высказанные в 1790 г., когда еще далеко не раскрылись демократические и радикальные тенденции Французской революции, ставшие главным объектом критики в поздней федералистской пропаганде. При определении стратегической линии американского правительства в отношениях с Францией, доказывал Гамильтон, необходимо исходить из того, что бывшая союзница США уже не может рассматриваться в качестве стабильной, а следовательно, сильной и надежной политической системы. Союз с государством, находящимся в состоянии дестабилизации, заключал он, чреват для США опасными и непредсказуемыми последствиями.

По мере развития революции во Франции, осуществления ею социально-политических мер, отвечающих интересам плебса, вожди федералистов делают особый акцент на несовместимость деяний Французской революции с благоприятными для буржуазии условиями общественного развития. Лидеры федералистов настойчиво проводили мысль о том, что Французская революция якобы представляет собой поругание идеалов, начертанных на знамени Американской революции 1776 г. Некоторые среди них, подобно Ф. Эймсу, отрицали Французскую революцию, вообще, — другие — Х. Г. Отис, Р. Г. Харпер, А. Гамильтон — не принимали ее якобинского этапа, доказывая, что в ходе него были «преданы» заветы 1789 г. Критика якобинского этапа, который постепенно стал отождествляться в федералистской пропаганде с Французской революцией в целом, являлась для них одновременно и способом идеологической борьбы с джефферсоновцами, которых в США стали именовать «якобинской партией».

Облачась в тогу ревнителей «прав человека», лидеры федералистов преподносили акты якобинской революционно-демократической диктатуры, которая пренебрегала принципами буржуазной законности ради защиты социально-экономических интересов плебса и сокрушения контрреволюции, как вызов основополагающим «естественным правам» человека, среди них и «праву на жизнь»[74]. Характерной чертой критики федералистами Французской революции было то, что при рассмотрении бесспорных даже с буржуазной точки зрения ее достижений (например, замены монархии республикой) они заостряли внимание не на историческом смысле данных явлений, а на «противозаконных» способах и методах, которые использовались революционной властью. Так, Гамильтон тщательно приводил факты, призванные убедить американцев, что члены Национального конвента, вынесшего смертный приговор Людовику XVI и объявившего Францию республикой, были избраны не на основе свободного волеизъявления французов, а являлись креатурами Якобинского клуба. Факт провозглашения Франции республикой не имел для Гамильтона никакого значения в сравнении с тем обстоятельством, что деятельность Национального конвента означала отход от принципов буржуазного представительного правления[75].

Антифранцузская доктрина федералистов не претерпела существенных изменений и после падения якобинской власти; термидорианская диктатура и бонапартистский режим рассматривались как закономерные установления революции, продолжавшие «беззакония» якобинцев. Якобинская власть и

термидорианская диктатура, Робеспьер и Наполеон измерялись единой меркой.

Особое место в пропаганде федералистов занял тезис о якобы агрессивном характере Французской революции. Начало активной разработки этого тезиса относится к моменту объявления Францией войны крупнейшим европейским державам, выступившим на стороне контрреволюции (1792–1793 гг.). В июне-июле 1793 г. ведущий орган федералистов «Газетт оф зе Юнайтед Стейтс» опубликовал семь статей Л. Гамильтона под общим названием «Пасификус», где этот тезис получил законченное обоснование.

Объявление Францией войны Пруссии, Австрии, Англии, Испании и другим европейским державам послужило Гамильтону дополнительным аргументом для нападок на франко-американский договор 1778 г. Поскольку этот договор определял военно-политический союз между двумя странами как оборонительный, доказывал Гамильтон, постольку американцы вправе отречься от какой-либо помощи Франции, выступившей в качестве «агрессора». Попутно глава федералистов пытался раскритиковать и то положение джефферсоновцев, что помощь США со стороны Франции в борьбе за республиканские идеалы в годы войны за независимость накладывала теперь определенные моральные обязательства на американцев. Возражения, приводимые Гамильтоном, звучали внешне правдоподобно: Франция, писал он, помогала США отнюдь не из-за симпатий к Американской республике, а исходила из собственных корыстных интересов, стремясь ослабить главного европейского противника — английскую монархию. Однако при этом Гамильтон «упускал» из виду, что корыстные мотивы характеризовали в годы войны за независимость позицию французского монарха, а не французской нации[76].

В 1793 г. Джефферсон, осознав тщетность борьбы с внешнеполитической линией министра финансов, ушел в отставку с поста государственного секретаря. Гамильтон особо дорожил этой победой. Препятствия на пути к договору с Англией теперь были полностью расчищены. Подписанный в 1794 г. в Лондоне договор ущемлял национальное достоинство американцев, совсем недавно одержавших победу над Англией, и вызвал массовые протесты в стране. Тем не менее ратификация в 1795 г. договора конгрессом свидетельствовала о том, что правящие круги США усвоили гамильтоновскую логику.

Однако силы самого Гамильтона к этому времени были подорваны в жестокой борьбе с противниками, в которой обе стороны не гнушались никаких средств.

В 1793 г. джефферсоновцы докопались до скандальной истории, связанной с Гамильтоном. В 1791 г. в один из дней, когда Элизабет Гамильтон с детьми отдыхала на вилле отца в Олбэни, в доме министра финансов в Филадельфии появилась некая миссис Мэри Рейнольдс. Проявив, по-видимому, незаурядные актерские способности, она поведала Гамильтону о злодеяниях своего супруга, бывшего служащего министерства финансов, оставившего ее без средств к существованию. После этой встречи между министром финансов и миссис Рейнольдс завязалась любовная интрига. Кульминацией всего дела стал день, когда Гамильтон получил письмо от Джеймса Рейнольдса, в котором тот обнаружил прекрасную осведомленность о тайной связи своей жены. За молчание оскорбленный супруг требовал доллары. Что касается миссис Рейнольдс, то она немедленно перестала встречаться со своим возлюбленным. Гамильтону удалось откупиться от шантажа супругов-заговорщиков при помощи круглой суммы. Но все же скрыть скандальное дело от противников министр финансов не смог.

В 1795 г. Гамильтон, не выдержав новых нападок со стороны оппозиционной прессы в адрес неудачливого воителя против пенсильванских фермеров, вышел в отставку. Он рассчитывал переждать, пока улягутся страсти, чтобы потом вновь окунуться в большую политику. Обстоятельства, однако, не благоприятствовали осуществлению его планов. В 1797 г. главой правительства США стал Джон Адамс, выдвинувшийся в лидеры федералистов. Он не мог забыть, что, будучи вице-президентом при Вашингтоне, не оказывал никакого влияния на дела кабинета, в то время как министр финансов диктовал в нем свою волю. Адамс теперь и близко не хотел подпускать к дверям кабинета духовного вождя своей партии. Он рассвирепел и сделал строгие внушения членам своего правительства, проведав однажды, что Гамильтон пытается воздействовать на них закулисными методами. Не ладились у Гамильтона дела и в собственном штате. Здесь непреодолимые препятствия на пути к власти поставил ему лидер оппозиции Аарон Бэрр. Вступив в схватку с Адамсом и Бэрром, Гамильтон все более увязал в низкопробной политической интриге.

В 1800 г. на пост президента США претендовали сразу три заклятых врага Гамильтона — Дж. Адамс, А. Бэрр и Т. Джефферсон. У бывшего министра финансов едва теперь хватало времени на то, чтобы вынашивать и осуществлять мстительные замыслы. Сначала он сочинил злобный памфлет против Адамса, в котором обвинял его во всех смертных грехах. Инсинуации Гамильтона вызвали возражения даже у его близких друзей,

уговоривших его воздержаться от публикации памфлета. Однако копия памфлета уже была в руках агентов Бэрра, которые незамедлительно предали его огласке. В результате американцы могли убедиться в том, что обуреваемый жаждой мести Гамильтон готов был внести раскол в ряды собственной партии в тот момент, когда шансы на успех у их противников были необычайно велики.

После этого Гамильтон направил все свои силы и энергию на борьбу с Бэрром. Когда последний обеспечил себе большинство среди выборщиков от Нью-Йорка, Гамильтон обвинил его в мошенничестве и потребовал от губернатора штата Джея организовать новое голосование. При этом он вдруг вспомнил о «праве народа» восстать против политических злоупотреблений[77]. Джей отказал Гамильтону в его требовании. В финале выборной гонки 1800 г. два кандидата республиканской партии А. Бэрр и Т. Джефферсон, имели абсолютно равное число выборщиков. В первый и последний раз в американской истории право избирать президента страны оказалось за палатой представителей конгресса США. В ней же большинство составляли федералисты, которые, не сумев провести своего кандидата на пост президента, теперь думали, кого из двух лидеров враждебной партии предпочесть. Гамильтон, который жил одной страстью — мстить Бэрру, агитировал своих проголосовать за Джефферсона, заверяя их, что бывший государственный секретарь — достаточный прагматик и, став президентом, не посмеет посягнуть на основы политики, проводившейся в 90-е годы федералистами. Палата представителей США избрала президентом Томаса Джефферсона.

Взаимоотношения Гамильтона с республиканской партией в Нью-Йорке и ее лидером Бэрром еще более обострились. Их развязка принесла настоящую трагедию в семью Гамильтона. Первой жертвой в этой трагедии стал старший сын Гамильтона Филип. В один из ноябрьских вечеров 1802 г. Филип с приятелем оказался на спектакле местного театра. Молодые люди, бывшие явно навеселе, позволили себе громко злословить по адресу сидевшего рядом с ними одного из сподвижников Бэрра, Д. Икера. Последний вызвал обоих друзей на дуэль. 23 ноября 1802 г. Филип погиб.

Вскоре эта же участь постигла и самого Гамильтона. 11 июля 1804 г. Бэрр, считавший его виновником вдох своих неудач (последней среди них было поражение на губернаторских выборах в Нью-Йорке в 1802 г.), сошелся с врагом в поединке. Первый же выстрел Бэрра оказался роковым для его противника. Гамильтон скончался от смертельной раны на следующий день,

12 июля 1804 г.

Гамильтон прожил 49 лет, из них 45 лет — в XVIII в. и только четыре года в XIX. Но, по мнению большинства историков, он принадлежит именно XIX, а не XVIII столетию. Во времена Гамильтона, когда США и весь мир только вступали на стезю капиталистического развития, именно оно было прогрессивным. Капиталистический прогресс был, однако, противоречив по своей сути, его плоды узурпировались одним классом, интересы народа всячески ущемлялись. Отношения между людьми подчинялись принципам голого материального расчета, общественные ценности измерялись узкими прагматическими мерками.

Облик, нравы и мораль руководителей буржуазных наций зачастую определялись этими доминантами капиталистического общества. Пороки и недостатки Гамильтона, лидера буржуазии и выразителя интересов молодого американского капитализма, служат ярким тому подтверждением.

Глава IV. Томас Джефферсон: просветитель и политический деятель

Томас Джефферсон — одна из наиболее противоречивых и спорных фигур среди «отцов-основателей» США. В глазах европейцев он вместе с Бенджамином Франклином принадлежал к самым образованным американцам своего времени. Джефферсон был родоначальником демократической идейно-политической традиции в США. Вместе с тем он вполне ладил с крупными плантаторами-рабовладельцами, к которым принадлежал и сам. Будучи в оппозиции к федералистам в 90-х годах XVIII в., он беспощадно критиковал Гамильтона, приобрел славу лидера «якобинской партии», но, став президентом в 1801 г., примиренчески заявил: «Все мы федералисты, все мы республиканцы» — и усвоил многие из федералистских начинаний. Идеалы и дела Джефферсона — само противоречие. Как судить его?

Многие американские историки — К. Бауэрс, А. Коч, В. Л. Паррингтон, С. Падовер — полагают, что Джефферсон выразил самую суть национальной демократической мечты, и объявляют его «апостолом американизма»[78]. Читатель, однако, с большой осторожностью отнесется к восторженным суждениям Паррингтона, заявившего в начале своего труда: «В своих оценках я придерживался не консервативной, а либеральной точки зрения, не федералистских, а джефферсоновских взглядов и весьма возможно, что в моих изысканиях я нашел то, что заранее стремился найти, в точности так же, как и другие обнаруживают то, что они желают обнаружить»[79].

Другие американские историки, например автор новейшей пятитомной биографии Джефферсона Д. Малоне, не отказываясь от идеализации Джефферсона, наделяют его мышление не демократическими, а умеренноконсервативными чертами. Третьи, среди них Ч. Бирд, Р. Хофстедтер, Т. Абернетти[80], а также писатель Гор Видал, автор переведенного на русский язык романа «Бэрр»[81], посвященного неудачливому сопернику Джефферсона, объявляют его представителем интересов плантаторского класса, облачившимся в тогу защитника фермерства.

Некоторые биографы Джефферсона стараются не замечать его противоречий и предлагают приглаженные, сусальные

жизнеописания «отца-основателя». Так поступил старейшина американской историографии Р. Б. Моррис, преподнесший читателям накануне 200-летия США подарочный вариант биографии Джефферсона и призвавший других историков — «молодых людей», по его определению, — не судить категорично[82]. Отказ от четких оценок означает, однако, не решение проблемы, а уход от нее.

Между мечтой и реальностью

Что формирует духовный облик и жизненный путь личности: семья? воспитание и окружение? образование и наставники? социальные условия и эпоха? В случае с Джефферсоном этот вопрос особенно важен: он мыслил, мечтал, а подчас и поступал вопреки интересам плантаторской верхушки, к которой принадлежал по происхождению. Что предопределило и повлияло на его позицию? Может быть, недостаточное внимание и признание со стороны политического руководства? или недооценка его способностей признанными авторитетами, уязвленное самолюбие? Нет, Джефферсон не был обойден вниманием и обделен славой. Более того, он, может быть, в большей степени, чем кто-либо другой из «отцов-основателей» США, заслуживает быть названным баловнем судьбы.

Молодой виргинский плантатор Томас Джефферсон выдвинулся в число лидеров патриотического движения за четыре — пять лет до провозглашения независимости. В 1774 г. он опубликовал анонимно — но об авторстве его было хорошо известно — блестящий памфлет «Общий обзор прав Британской Америки» и был внесен властями штата в проскрипционные списки для высылки и суда в Англию. О Джефферсоне узнали в других колониях. Он был избран делегатом I, а затем и II Континентального конгресса. Но все же, когда в июне 1776 г. 33-летнему виргинцу поручили составление Декларации независимости, это было неожиданностью.

Это был его звездный час. Даже если бы Джефферсон после принятия декларации полностью устранился от политики, все равно его имя осталось бы в анналах истории. О войне за независимость в мире судят по декларации 4 июля 1776 г., ставшей символом Американской революции. Огромная популярность Декларации независимости способствовала закреплению за Джефферсоном славы духовного вождя революции. Но о такой славе грезили и другие «отцы-основатели».

В комитете по подготовке декларации был, например, крайне честолюбивый Джон Адамс, который никогда не мог смириться с успехом, незаслуженно, по его мнению, выпавшим на долю Джефферсона. Уже в начале XIX в. он вдруг выступил с заявлением, что Джефферсон списал декларацию с одного из памфлетов Дж. Отиса. Другой член комитета по подготовке декларации, Р. Г. Ли также не мог спокойно пережить славу, выпавшую на долю Джефферсона, и в 1823 г. громогласно

объявил, что декларация представляет собой всего-навсего сокращенный вариант знаменитого сочинения Дж. Локка «О государственном правлении». Джефферсон ответствовал на выпады с необычайной скромностью: составляя декларацию, он вовсе не стремился «раскрыть новые принципы или новые доказательства, а видел свою задачу в том, чтобы выразить умонастроения Америки»[83].

Почему же члены конгресса предпочли Джефферсона Дж. Адамсу, который в тот момент, безусловно, имел гораздо бóльшие заслуги перед патриотическим движением? Может быть, их пленила внешность виргинца: осанистый, высокий, с гордо поднятой головой, обрамленной красивыми вьющимися волосами, он явно выигрывал в сравнении с маленьким, толстым и лысоватым Адамсом. Но внешность другого члена комитета по подготовке декларации, Бенджамина Франклина — само воплощение благородства, мудрости, учености! — вызывала не меньшие симпатии. К тому же Франклин был европейской знаменитостью, что придало бы декларации, в случае составления ее пенсильванцем, особый авторитет в мире (о Джефферсоне в Старом Свете в то время не знал никто). Но Франклин был более чем вдвое старше Джефферсона: молодой, энергичный виргинец как бы воплощал юность революции и американской нации, даже его демократические отклонения не противоречили, а соответствовали юному, бурлящему духу революции! Да, декларацию мог писать только он: это был его, а не Адамса и не Франклина звездный час!

Декларация независимости свидетельствовала о широкой начитанности, смелой мысли и блестящих способностях 33-летнего виргинца. На языке высокой и вместе с тем доступной простому люду прозы Джефферсон лаконично изложил революционное кредо Просвещения: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они наделены создателем определенными неотчуждаемыми правами, к которым принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав люди учредили правительства, берущие на себя справедливую власть с согласия управляемых. Всякий раз, когда какая-либо форма правления ведет к нарушению этих принципов, народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких началах, какие, по мнению народа, более всего способствуют его безопасности и счастью»[84].

Естественноправовая доктрина декларации имеет важное отличие от классической локковской трактовки: в триаде естественных и неотчуждаемых прав человека обладание частной

собственностью уступило место стремлению к счастью. Нет смысла вкладывать в джефферсоновскую интерпретацию антибуржуазное содержание, как делают некоторые историки; при соотнесении с общим мировоззрением виргинца она раскрывает гуманистический, умеренно эгалитарный характер — не более. Но нельзя и недооценивать новации Джефферсона: она придает подлинное величие декларации и служит своего рода ключом к объяснению позиции ее автора, выступившего с самого начала революции лидером ее левого крыла.

Уже в своем первом обращении к патриотам — «Общем обзоре прав Британской Америки», Джефферсон выносил на их рассмотрение новую тему — демократические преобразования в Северной Америке. Он принимает сторону неимущих и малоимущих в центральном для исторических судеб провинций вопросе — аграрном.

В Американской революции Джефферсон увидел возможность воплощения своей мечты в жизнь и уже в канун ее предложил законченную программу радикальных аграрных преобразований.

Впрочем, в сознании самого Джефферсона эти преобразования не были такими уж радикальными: они, по его убеждению, были уготованы Америке самой природой, наделившей ее огромными свободными пространствами плодородных земель. Для того чтобы поделить свободную землю между неимущими и утвердить демократическую фермерскую республику, не нужно было производить массовых экспроприаций и переделов земельной собственности. Для этого нужно было только, полагал Джефферсон, лишить английскую корону мифического, навеянного дикими нравами феодальной старины верховного права на свободные земли и предоставить каждому американцу возможность занимать и обрабатывать их.

Аграрная мечта Джефферсона приобретает более конкретные черты с началом революции. В июне 1776 г. он предлагает виргинской ассамблее проект конституции штата, согласно которому все незанятые земли становятся общественным достоянием и используются исключительно для бесплатного наделения каждого неимущего участком в 50 акров. Не удовлетворяясь лишь идеей введения минимума земельного владения, Джефферсон выдвигает и предложения об ограничении собственности латифундистов. Согласно одному из них, незанятые территории в дальнейшем вообще не могли пускаться в продажу и служить обогащению земельных спекулянтов и плантаторов. Кроме того, он предлагал ликвидировать наличествующее в ряде провинций Северной Америки в колониальный период феодальное право майората [85] и ввести

прогрессивное налогообложение земельной собственности. Выступая за устранение контрастов во владении земельной собственностью, Джефферсон никогда не определял, каким должен быть ее максимум. Не был он и сторонником радикального уравнительства: «Я сознаю, что равное распределение собственности неосуществимо»[86].

Предложения Джефферсона серьезно ущемляли интересы рабовладельцев: блокировали им доступ к свободным западным землям, о котором плантаторы грезили во сне и наяву, в котором видели смысл Американской революции и без которого их предпринимательская деятельность была обречена на прозябание. Здесь уместно вернуться к вопросу, поставленному в начале главы: что оформило эгалитарное мышление Джефферсона, что побудило его пренебречь интересами своего класса и создать программу будущего фермерской Америки? Конечно же, не семья, не воспитание и не плантаторская община. В его мировоззрении отразились и воплотились противоречивая американская реальность и та удивительная историческая эпоха, в которую он жил, — эпоха, заслужившая название Века Просвещения, Века Разума и Века Революций.

Американская реальность XVIII в. — это сочетание резких контрастов. На узкой полоске освоенных приатлантических районов укоренялось социальное расслоение, разделение на богатых лэндлордов, плантаторов-рабовладельцев и неимущих черных рабов и законтрактованных слуг. А рядом, буквально в сотне, а то и в нескольких десятках миль от процветающих плантаций властвовали законы знаменитой американской границы, где каждый белый поселенец был сам себе хозяин, где царили грубые, но демократические нравы и обычаи.

Восточные приатлантические графства с откровенной враждой взирали на западные, ущемляли их интересы, лишали представительства в провинциальных ассамблеях, но ликвидировать их были не в силах. Более того, происходил постоянный отток белых американцев из «аристократических» восточных районов в западные, переселенцы чаще всего присваивали незанятые земли незаконно, отказывались платить ренту, налоги и т. д., а у восточных властей не было реальных возможностей подчинить Запад своим законам. В силу этого Северная Америка сохраняла в глазах иммигрантов-европейцев, да и коренных американцев, образ земли обетованной, где каждый, даже последний бедняк, мог утвердить свое достоинство и добиться процветания. То была знаменитая «американская мечта», завораживавшая многие передовые умы в Европе и Америке, грезившие, а подчас и всерьез верившие в возможность

установления в Новом Свете, выражаясь языком просветителей, «царства разума», избавленного от социальных контрастов и политического неравенства. К таким умам принадлежал и Томас Джефферсон.

Но как он стал им? Тут сыграла свою роль и эпоха, в которую жил Джефферсон. Он и его ровесники в образованных американских семьях воспитывались в то время, когда интерес к Локку и Монтескье, Вольтеру и Мабли достиг наивысшей точки. Конечно, культу европейских вольнодумцев в Северной Америке способствовало то обстоятельство, что их идеи отвечали потребностям буржуазного развития провинций. Но даже те из американцев, кто не принимал просветителей, не осмеливались изъять их из своих библиотек и тем более из учебных программ колледжей. Книжные каталоги любого из лидеров Американской революции начинаются с имен европейских просветителей и на девять десятых состоят из них.

Объяснение становления Джефферсона-демократа будет неполным, если не принять во внимание, как сказали бы сегодня, социологическую характеристику плантаторов — рабовладельцев эпохи Американской революции. Эта характеристика поможет понять, почему появление просветителя-вольнодумца было возможно не только в северо-восточных «чистых» буржуазных провинциях, но и на рабовладельческом Юге.

Социально-экономический, политический и психологический облик плантаторского класса эпохи Американской революции противоречив. Хозяйства плантаторов были подчинены законам частнокапиталистического накопления, являлись неотъемлемой частью капиталистической системы, что обусловило приверженность плантаторов буржуазным экономическим категориям, в первую очередь правилу свободного владения и распоряжения собственностью. Кроме того, большинство плантаторов до того, как стать рабовладельцами, являлись по своему мировоззрению типичными буржуазными дельцами, для которых использование рабского труда оказалось единственной возможностью обеспечения своих хозяйств необходимой рабочей силой.

Эксплуатация рабского труда постепенно деформировала буржуазное сознание плантаторов, многие из них обрастали привычками и замашками крепостников. Не случайно американские демократы в период революции единодушно доказывали, что сохранение рабовладения в будущем приведет постепенно к отмене завоеваний войны за независимость и рассматривали его ликвидацию в качестве основной гарантии торжества буржуазно-демократических свобод. В то же время

анализ мировоззрения плантаторов в революционный период позволяет обнаружить, что под воздействием общего мощного подъема свободолюбивых настроений в Северной Америке и острой критики колониального гнета, приведшей к принятию патриотическим лагерем в целом идеи естественного равенства людей, они должны были хотя бы внешне капитулировать перед принципами Просвещения.

Джефферсон, развивая демократические идеалы, шел вместе с тем и на всевозможные компромиссы с плантаторами, что обусловило противоречивость его платформы и политического поведения. Так, мысля развитие неосвоенных западных территорий как республики мелких самостоятельных фермеров, свободной от рабства, он предполагал ее сосуществование с юго-восточными рабовладельческими штатами. Однако и такая компромиссная идея оказалась совершенно неприемлемой для плантаторскою класса.

Уже через год после начала революции фракция крупных плантаторов в виргинской ассамблее нанесла сокрушительный удар по демократическому аграрному проекту Джефферсона, добившись распродажи западного земельного фонда на выгодных для крупных собственников условиях. Под напором буржуазно-плантаторских кругом, твердо выступавших за распродажу западного фонда крупными участками, Джефферсон отказывается от идея бесплатного наделения всех неимущих минимумом земельной собственности. Тщетно искать ее в подготовленных Джефферсоном проектах виргинской конституции 1783 г. земельного ордонанса Континентального конгресса 1784 г. и других его более поздних выступлениях.

Эволюция аграрной программы Джефферсона в годы революции дает аргументы тем, кто склонен выпячивать его прагматизм, готовность идти на компромисс с противниками. Нельзя, однако, упускать из виду другого — драмы просветителя, демократическим идеалам которого не суждено было осуществиться при жизни в силу конкретно-исторического соотношения классовых сил, сложившегося в США.

Эгалитарные идеи, схожие с аграрными проектами Джефферсона, получили широкое распространение среди рядовых патриотов. Но на верхних и средних «этажах» патриотического движения они не пользовались достаточной поддержкой. Только в Пенсильвании партия конституционалистов и поддерживавшие ее Т. Пейн и Б. Франклин выступили с аналогичных Джефферсону позиций. В оценке эволюции аграрной программы Джефферсона необходимо также учитывать, что его уступка в этом вопросе умеренным не

означала отречения от демократических идеалов и что в будущем, в том числе и в годы своего президентства, он приложил немалые усилия для облегчения американскому фермерству доступа к западным землям. Компромисс просветителя с буржуазно-плантаторскими верхами не перечеркивает того факта, что в 1776 г. его мысль проложила на сто лет вперед линию прогрессивного развития американского капитализма в сельском хозяйстве, восторжествовавшую в 60-х годах XIX в. уже в ходе гражданской войны.

Поражением для Джефферсона закончились его столкновения с буржуазно-плантаторскими верхами в вопросе о рабстве.

До 1776 г. в патриотическом движении не раздалось ни одного открытого голоса в защиту рабства, напротив, по мере приближения революции нарастала антирабовладельческая критика. На то имелись самые веские основания.

Проповедь патриотами юридического и политического равенства американцев и англичан, их апелляция к одинаковым естественным правам людей, их критика колониального гнета вступили в резкое противоречие с наличием в самих провинциях более страшной формы угнетения человека — рабства. На это противоречие не преминули указать оппоненты патриотов в Англии: как могут, вопрошали они, рядиться в тогу поборников естественного равенства люди, обращающие в рабское состояние себе подобных? Развитие антиколониального движения в Северной Америке не могло не вызвать к жизни широкую антирабовладельческую критику.

Тон ей задал еще Дж. Отис в памфлете 1764 г., где, отталкиваясь от идеи абсолютного равенства людей в естественном состоянии, он язвительно спрашивал: неужели короткие курчавые волосы, приплюснутый нос, иной цвет кожи могут служить основанием для обращения людей в рабство? Вслед за Отисом с блестящей критикой рабства и расизма, вошедшей в золотой фонд американской демократической мысли, выступили Б. Раш, Т. Пейн и другие патриоты. В патриотическом движении постепенно распространяется мысль, что рабство в провинциях существует и сохраняется исключительно по вине английской короны, а сами американцы давно жаждут его отмены. Ее разделял и Т. Джефферсон, писавший в «Общем обзоре прав Британской Америки»: «Отмена у себя рабства — величайший предмет желаний в колониях»[87].

При составлении Декларации независимости Джефферсон возложил, как он это делал и прежде, всю вину за насаждение в Северной Америке рабства на английского короля. Но при первом же обсуждении вопроса о рабстве в Континентальном конгрессе

выяснилось, что южные плантаторы, да и многие северяне, извлекавшие прибыль из работорговли, сочли излишним рядиться далее в одежды «друзей чернокожих» и выбросили из проекта декларации пункт, осуждавший негритянскую неволю. Одновременно в Виргинии, родном штате Джефферсона, конвент, обсуждавший билль о правах и конституцию штата, решительно возразил против азбучного в антиколониальном движении положения: «Все люди сотворены равными». Несколько позднее виргинские суды объявили, что утверждение Декларации независимости об естественном равенстве людей не распространяется ни на свободных негров, ни на рабов. Для Джефферсона наступил горький час отрезвления от иллюзий.

Как вел себя Джефферсон в столкновениях с плантаторской верхушкой? По-разному. В июне 1776 г. во время обсуждения вопроса о рабстве в Континентальном конгрессе он молча подчинился ее воле, выразив недовольство южными плантаторами и их «северными братьями» только в своем дневнике. Но в это же время он вступил в полемику с виргинской элитой по вопросу о характере избирательного права.

Виргинские плантаторы выступали за высокий имущественный ценз, Джефферсон, подобно Пейну, Франклину, Р. Г. Ли и другим демократам, настаивал на предоставлении права голоса всем взрослым свободным белым мужчинам[88]. Кроме того, он требовал одобрения конституции и любых сколь-либо важных законов на основе прямого народного волеизъявления (виргинская конституция 1776 г. никогда не удовлетворяла его по той причине, что была одобрена обычным законодательным собранием). В этом вопросе он был близок к Руссо, считавшему народный суверенитет единым, неделимым, неотчуждаемым, и занимал более радикальную позицию, нежели другие американские демократы, вполне удовлетворявшиеся представительной формой народного суверенитета. После революции Джефферсон несколько отступил от идеи прямого народовластия. На уровне федерации он полагал возможной только представительную форму правления. Но решение дел в городах и сельских общинах он считал целесообразным вверить собраниям свободных граждан[89].

Политическая практика революции нередко ставила под сомнение демократические идеалы Джефферсона. Так, в Массачусетсе опыт непосредственной ратификации конституции избирателями в 1780 г. принес обескураживающие для демократов результаты: избиратели отклонили демократический проект 1778 г. и предпочли ему умеренно-консервативный документ Дж. Адамса.

Ни массачусетский опыт, ни другие неудачные демократические эксперименты не поколебали веры Джефферсона в народный суверенитет. Он не отрицал, что массы могут ошибаться, поддаваться воле демагогов и реакционеров. Но противоядие от заблуждений народа он видел не в ограничении его политических свобод, а единственно в просвещении масс. Сквозная для его идейного наследия мысль о целительных политических следствиях просвещения народа исчерпывающим образом выражена в письме к одному из американских законодателей в 1786 г.: «Взывайте, дорогой сэр, к крестовому походу против невежества, вводите и совершенствуйте закон об образовании простого люда. Пусть наши сограждане знают, что только народ может сопротивляться сохраняющемуся злу и что налоги на нужды просвещения не составят и тысячной доли расходов на содержание королей, знати и священников, которые возьмут верх среди нас, если народ будет пребывать в невежестве»[90].

Отношение Джефферсона к народу и его воле было диаметрально противоположно отношению умеренно-консервативного руководства революции. Если Гамильтон цинично полагал, что «народ — это огромный зверь», а другой лидер умеренных, Дж. Адамс, призывал передоверить всю полноту власти в стране просвещенной политической элите, то Джефферсон неизменно исходил из того принципа, что, как подчеркивал он в письме Вашингтону в 1785 г., республиканские свободы США могут быть сохранены, лишь «будучи вверенными под стражу самого народа». Просветитель-демократ был готов на жертвоприношение воле народа: подвергнув в 1787 г. критике проект федеральной конституции, Джефферсон вместо с тем отметил, что если ратификационные конвенты штатов, избранные на демократической основе, одобрят его, то он подчинится этому решению[91].

Были случаи, когда политическая практика молодого американского государства и собственный опыт вынуждали Джефферсона к переосмыслению высказанных однажды убеждений. В начале революции Джефферсон, подобно всем демократам, стремился к пересмотру классического принципа «разделения властей» в направлении максимального расширения полномочий законодательного собрания в ущерб исполнительному органу. В конституционных проектах 1776 г. он передоверил законодательной ассамблее многие традиционные прерогативы исполнительной власти, в том числе и назначение всех должностных лиц. Губернатор лишался права законодательного вето и низводился до положения покорного

слуги депутатов законодательных палат.

К концу войны за независимость Джефферсон существенно пересматривает свои взгляды на взаимоотношение исполнительной и законодательной власти. Произошло это не под влиянием умеренных и консерваторов, а в первую очередь под впечатлением собственного, крайне неудачного, опыта пребывания на посту губернатора Виргинии в 1780–1781 гг.

В это время, когда на территорию штата вторглись английские войска, Джефферсон обнаружил, что не может эффективно провести в жизнь ни одного решения; он был скован по рукам и ногам прерогативами законодательного собрания.

В проекте виргинской конституции 1783 г. Джефферсон, стремясь усилить независимость исполнительной власти, предлагал увеличить срок полномочий губернатора с одного года до пяти лет. Губернатор совместно с ревизионным советом наделялся правом ограничительного вето. Он объявлялся главнокомандующим армией и милицией штата, избирался всем законодательным собранием, а не только нижней палатой. Жалованье губернатора оговаривалось особой статьей и не могло быть изменено законодательным органом. Наконец, губернатор в случае чрезвычайного положения мог распустить законодательное собрание или перенести его заседание в другой город[92].

Во время обсуждения федеральной конституции 1787 г. Джефферсон как бы возвращается к прежним взглядам на исполнительную власть. Просветителя решительно не удовлетворяли две черты проекта конституции: отсутствие билля о правах и утверждение чрезмерно сильного, с его точки зрения, основанного на формуле «единой и неделимой исполнительной власти» института президентства. Джефферсон требовал ограничить прерогативы президента коллегиальной волей исполнительного совета и предлагал исключить возможность его переизбрания в этой должности. Одно лицо, доказывал он, получив по конституции возможность безграничного переизбрания в должности президента, превратит государство в выборную монархию[93].

Пожалуй, наиболее существенные изменения претерпела трактовка Джефферсоном и другими американскими просветителями права на революцию и ниспровержение неугодного правительства, провозглашенное в Декларации независимости. По мере утверждения в стране республиканского строя они приходят к выводу, что право на революцию исчерпало себя в США и сохраняет значение только в государствах, где еще не установилось господство представительных форм правления. В

законченном виде эта точка зрения была впервые выражена не Джефферсоном, а Пейном в 1786 г. в «Исследовании о правительстве, банке и бумажных деньгах». Она основана на отождествлении республиканского строя вообще, а в США в особенности с народовластием. Поскольку, рассуждает Пейн, республиканское устройство означает реализацию принципа народного суверенитета, постольку сохранение в нем права на революцию тождественно закреплению за массами права на свержение народовластия[94].

Переосмысление доктрины революционного расторжения устаревшего общественного договора Джефферсоном прослеживается впервые в 1783 г. Отстаиваемый им в письме к Э. Рандольфу тезис о том, что никакой общественный договор не может быть аннулирован полностью, что заменяться после тщательного рассмотрения могут только отдельные его части, воспринимается как охранная грамота конституциям независимых североамериканских штатов[95]. В 1787 г. во время выработки федеральной конституции Джефферсон объявляет США единственной страной в мире, которая имеет возможность пересмотреть, обновить свой общественный договор, не прибегая к силе оружия, с помощью исключительно законных средств[96].

Джефферсон не исключал вообще возможности вооруженного выступления народных масс в США. Более того, после восстания Даниэля Шейса, которое определенным образом стимулировало развитие демократических сторон его мировоззрения, которые начали было ослабевать на исходе революции, Джефферсон обосновывает в конце 1786–1787 г. концепцию целесообразности периодических народных восстаний. Вопреки мнению его наиболее известного биографа Д. Малоне о том, что Джефферсон «никогда не защищал действия бунтовщиков в Массачусетсе»[97], просветитель более чем в десяти письмах высказал сочувствие восставшим и трудному экономическому положению фермерства вообще. На основе анализа опыта восстания Шейса он приходит к следующим важным обобщениям: возможность вооруженной защиты народом США своих прав является показателем демократизма политической системы, а не ее слабости; в конфликте народ — правители всегда прав народ и его восстания помогают выявить и устранить злоупотребления властей; периодические восстания народа «угодны богу и природе» и должны повторяться каждые 20 лет с тем, чтобы очищать тело государства от скверны злоупотреблений[98].

Демократическое звучание этих выводов американского просветителя несомненно. А последний среди них — о целесообразности периодических восстаний народа —

приравнивается в литературе к доктрине о праве на революцию, т. е. отождествляется с знаменитой концепцией Декларации независимости[99]. В действительности же право на революцию — ниспровержение неугодного правительства и замену его новой властью — присутствует только в декларации. Цели же периодических вооруженных выступлений в США после провозглашения независимости Джефферсон ограничивал лишь выявлением и устранением ошибок правительства. Эти «маленькие бунты», по терминологии просветителя, являлись для него скорее формой проявления «прямой демократии» в рамках сложившегося буржуазно-республиканского устройства в США, которая должна была существовать рядом с представительной демократией и корректировать ее отступления от принципов народного суверенитета. Таким образом, абстрактное право на революцию в действительности сводилось Джефферсоном к праву на буржуазно-демократическую революцию. Ни он, ни Пейн не предполагали возможности новой революции в США после установления буржуазной республики.

Джефферсон и Пейн не считали, что принятые в период Американской революции конституции штатов и федерации не будут никогда отменены. Напротив, в подходе к этому вопросу они до конца жизни были верны идее о праве каждого поколения людей перезаключат! общественный договор. В наиболее завершенном виде она выступает у Пейна в «Правах человека». «Ни одно поколение, — доказывал он, — не имеет права собственности на другое». Мертвые не располагают никакими правами, их права и договорное выражение этих прав — конституция должны исчезнуть вместе с ними. Идентичные мысли были высказаны в это же время и Джефферсоном. Порой их суждения совпадают почти дословно: «мир принадлежит живущему поколению», «творец создал землю для живых, а не для мертвых» — фразы Джефферсона; «всегда следует заботиться о живых, а не о мертвых» — слова Пейна. В 1824 г. Джефферсон писал, что конституции штатов должны пересматриваться каждые 19 лет, соответственно частоте смены поколений в то время. Но все же и Джефферсон, и Пейн не допускают мысли о возможности насильственных революционных способов перезаключения общественного договора и смены государств венной власти в США[100].

Изменение отношения американских демократов к доктрине права на революцию в ходе войны за независимость и образования США можно объяснить только одним — идеализацией буржуазно-демократических принципов политической системы, получивших развитие после 1776 г. При

оценке этой идеализации, как и всех других заблуждений и «ошибок» американских демократов, нельзя, однако, абстрагироваться от исторических условий, в которых совершалась революция 1776 г. Буржуазная политическая система в США, как и социально-экономический фундамент капитализма, находилась тогда в стадии становления и прогрессивного развития. Внутренний механизм буржуазной демократии, скрывающий ее лицемерие и пороки, еще не выявился в сколь-либо полной мере. Американские демократы судили о ней по весьма привлекательным формам, о которых только и говорилось в конституциях 13 штатов и федерации. Показательно, что им был глубоко чужд горький скепсис и тем более цинизм в оценке провозглашенных конституциями принципов народного суверенитета, разделения властей, их равновесия и взаимоограничения, свободы слова, печати, собраний и т. д., который характерен для многих их духовных наследников XX в. Напротив, конституции периода революции казались Джефферсону, Пейну и их единомышленникам цельными, заключающими в себе надежную основу для торжества народовластия. Народ, по их мнению, мог добиться своих целей в рамках складывающейся конституционной системы, а не вопреки ей.

Американские просветители, как и их европейские единомышленники, верили в утверждение по мере реализации провозглашенных ими принципов «царства разума». Подобно европейским просветителям, они — и в силу классового характера их мышления, и, что не менее важно, в силу отсутствия практических аналогов их доктрин — не подозревали, что провозглашенное ими «царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии»[101]. По прошествии двух веков вера просветителей в царство разума может показаться кому-то не только иллюзией, но и демагогией. Такая точка зрения антиисторична, так как капитализм за это время прошел мануфактурную, промышленную, монополистическую и государственно-монополистическую стадии развития. Вспомним, что В. И. Ленин подчеркивал: «никакого своекорыстия» в воззрениях просветителей не заключалось, напротив, они «совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренне желали его…»[102]

Путь к власти

Концепция «царства разума» американских просветителей предполагала утверждение в США вслед за победой республиканского строя и демократического избирательного права социальной гармонии. Идея социальной гармонии вступала в противоречие с прогнозами Гамильтона и Мэдисона, предсказывавшими как раз быстрое социальное расслоение в американском обществе, обострение классовой вражды и требовавшими максимального усиления государственной власти в целях защиты социального порядка и собственности. Демократам же дальнейшее развитие нации виделось не на основе острых схваток между богатыми и бедными и неизбежного развития в этом случае мощного бюрократического государства и репрессивного аппарата, а на основе просвещения масс, превращения их в надежную опору революционных завоеваний.

Показательно, что американские демократы весьма болезненно реагировали на обострение в стране социально-политических конфликтов, пытались преуменьшить их масштабы. Все они, лишь за исключением Джефферсона, осудили восстание Шейса, в котором видели аномалию буржуазно-демократической системы, случайный эпизод в становлении «империи разума». Джефферсон, оправдывая восстание Шейса, в то же время, подобно всем демократам, и в отличие от умеренных не считал, что этот, по его определению, «маленький бунт» свидетельствует о расколе американского общества. Демократы отвергали попытки умеренных связать восстание Шейса с неспособностью демократического государства обеспечить социальный порядок. Б. Раш, выражая типичную для демократов точку зрения, доказывал, что республиканский «эксперимент» в США находится в начальной стадии, что его преимущества перед монархическими, олигархическими и аристократическими государственными устройствами проявятся по мере просвещения масс и что небольшие коллизии наподобие выступления Шейса не дают оснований ставить республиканизм на одну доску с анархией[103].

Другой просветитель, Б. Франклин, в эссе, написанном сразу же после окончания революции, не находит в США места не только неимущим, но и сверхбогатому меньшинству, о защите которого так пеклись умеренные авторы федеральной конституции 1787 г. Его радовало, что в США отсутствовали доходные политические должности, способные отвлечь граждан от производительной деятельности: «Гражданских чинов и должностей немного, и нет, в отличие от Европы, излишних

должностей, а в некоторых штатах установлено правило, что никакая служба не должна быть столь выгодна, чтобы ее добиваться ради этого»[104].

В социально однородной Америке Франклина нет почвы для возникновения классовой вражды, которую так красочно описывали Дж. Адамс, Гамильтон, Мэдисон и другие идеологи умеренных, и нет, следовательно, почвы для возникновения антагонистических социально-политических фракций и партий. Правда, Франклин не может отрицать того, что «в некоторых штатах есть партии и разногласия», но рассматривает возникшие в период революции политические группировки и фракции (сам он называет их партиями) как умственные течения, которые расходятся только в средствах достижения единой цели «общественного благоденствия» и отражают борьбу мнений, неизбежную во всех обществах, которые располагают «великим счастьем политической свободы».

Схожие суждения о природе политических размежеваний в США мы находим и у Джефферсона. В годы революции он, подобно Франклину, исходит из того, что противоречия между богатыми и бедными, глубокие имущественные различия характерны для европейских обществ, а не для США. Возникновение политических конфликтов в своей стране Джефферсон объяснял психологическими причинами — различием темпераментов, физическими, нравственными особенностями людей и т. д. Он предпочитал, чтобы разделения на партии вообще не существовало в США: «Если бы мне пришлось вознестись на небеса вместе с партией, я бы предпочел отказаться от этой чести»[105].

Социальное расслоение, классовая и фракционная борьба, резко усилившиеся после революции, постепенно рассеивали иллюзии просветителей, настоятельно требовали от них выражения партийных симпатий. Перед проблемой политического выбора Джефферсон встал в 1789 г., сразу же после возвращения в США из Франции, где он в течение четырех лет представлял интересы североамериканской республики. В США в это время проходят первые президентские выборы, собирается первая сессия Национального конгресса, формируется первое национальное правительство. Не за горами возникновение первых политических партий. Мог ли Джефферсон предположить, что ему придется возглавить одну из них?

В первом правительстве США Джефферсон получил пост государственного секретаря и мог рассчитывать на роль правой руки президента. Однако, как мы уже знаем, эту позицию при Вашингтоне прочно занял А. Гамильтон. Джефферсон не принял

ни одной из разработок новоявленного «серого кардинала»: ни его проанглийской внешнеполитической ориентации, ни экономических программ, рассчитанных на упрочение позиций финансовой и торгово-промышленной буржуазии северо-востока, ни политической доктрины, возвеличивавшей роль элиты в ущерб представительным органам.

И в революционный, и в послереволюционный период будущая Америка виделась Джефферсону как аграрная страна, населенная по преимуществу мелкими независимыми фермерами. Джефферсон был не одинок в своих мечтаниях: их разделяло большинство американских демократов, среди которых наиболее ревностным защитником аграрно-фермерского пути развития США наряду о Джефферсоном выступал Б. Франклин.

Основой концепции просветителей служил их собственный сравнительный анализ социально-экономических особенностей развития США, остававшихся глубоко аграрной страной, и Западной Европы, прежде всего Великобритании и Франции, где мануфактур было гораздо больше, а в Англии вообще полным ходом совершался переход к промышленному капитализму. Сопоставляя относительную неразвитость социальных контрастов и конфликтов в США с гораздо большей поляризацией бедности и богатства в Западной Европе, просветители рассматривали эти отличия как следствие приверженности Нового и Старого Света двум разным путям экономического развития. А социальная окраска и последствия экономических явлений имели для них особенно важное значение. Оценки Джефферсоном и Франклином торгово-промышленного и аграрного путей носят, кроме всего прочего, ярко выраженный морально-этический характер. Они предстают в суждениях просветителей как пути добра и зла.

Аграрный путь развития, утверждал Джефферсон, исключает возможность массовой нищеты и пауперизации, аграрные страны в отличие от промышленных застрахованы от возникновения и развития политической коррупции, которая превратилась в подлинное бедствие в торгово-промышленной Англии, только они могут рассчитывать на предотвращение разложения нравов и упрочение своих моральных устоев. Джефферсон готов был признать гражданские добродетели только класса независимых земледельцев: «Земледельцы являются самыми ценными гражданами. Они в высшей степени трудолюбивы и независимы, в высшей степени добропорядочны, они связаны со своей страной самыми прочными узами и, как никто, преданы ее свободе и интересам»[106]. Франклин также выделял моральные достоинства фермерства, его непритязательность и неприхотливость, безыскусность и простоту нравов. С тревогой отмечая в 1787 г.

рост богатства купцов, торговцев, банкиров, их стремление к праздной жизни и потреблению заграничных товаров, он успокаивал себя и своих единомышленников тем, что этот процесс не будет иметь губительных последствий для молодой республики, ибо «большой процент трудолюбивых, бережливых фермеров, населяющих внутренние районы Американских штатов, является прочным барьером на пути тлетворного разъедающего влияния роскоши приморских городов США»[107].

И Джефферсон, и Франклин видели в аграрном пути не только морально-политическую целесообразность, но и доказывали, что в США он имеет под собой неискоренимую экономическую основу. Огосударствление в 80-х годах западных земель вселило в просветителей веру в то, что это приведет к превращению в земледельцев многих поколений американцев. Джефферсон высказывает в качестве аксиомы ту мысль, что пока в США не образуется аграрного перенаселения, страна сможет счастливо избежать альтернативы пагубного торгово-промышленного развития. Перспективы аграрного пути развития рисовались ему в радужном свете: «Сейчас мы располагаем достаточным количеством земли, чтобы обеспечить на ней работу для любого количества людей»[108].

Франклин в это же время высказывает убеждение в том, что США уготован аграрный путь развития по меньшей мере в течение следующего столетия. Он не видел возможности складывания в стране класса рабочих и мастеровых, поскольку «дешевая земля способствует тому, что люди оставляют свое ремесло и начинают заниматься сельским хозяйством»[109].

Концепция аграрного развития США возводится Франклином в ранг экономического закона, а идея торгово-промышленного пути, напротив, представляется чуть ли не утопией. Явно метя в группу Р. Морриса-Гамильтона, он указывает, что надежды на искусственное поощрение в США промышленности равнозначны попыткам «принудить природу». В подтверждение своих выводов Франклин приводил и конкретные факты, демонстрирующие провал попыток создать в США «большие предприятия по изготовлению льняных и шерстяных товаров». Франклину по душе, что в стране развита кустарная и домашняя промышленность, позволяющая земледельцам самим одевать и обувать себя и исключающая надобность в городских мануфактурах и импортных товарах. Он удовлетворен тем, что 99 % населения США заняты в сельском хозяйстве. Что касается купцов и лавочников, составлявших ничтожную часть нации, то Франклин полагал, что даже их «значительно больше, чем того требует дело»[110].

Джефферсон, как и Франклин, считал бесперспективными и, кроме того, крайне опасными во многих отношениях попытки «обращать американских граждан в мореплавателей, ремесленников и кого бы то ни было еще». Конечно, в США уже и тогда были мореплаватели, торговцы, промышленники, и Джефферсон был далек от мысли приобщать их к земледельческому труду. Напротив, он предлагал государству позаботиться о представителях и этих профессий, требовал, например, отстаивать для США равные морские права с другими странами. Мореплаватели не вызывали в нем такой неприязни, как класс «людей, занятых в промышленности», который представлялся Джефферсону «носителем пороков и орудием, служащим разрушению свободы государства». Но перспектива развития морской торговли также не вызывала у него энтузиазма, ибо была сопряжена с опасностью соперничества и военных конфликтов с сильными европейскими державами. В октябре 1785 г. в письме к Г. Ван Гогендорпу Джефферсон высказывал пожелание, чтобы США вообще не знали мореплавания, не выходили сами на внешние рынки и строили бы свои отношения с Европой на тех же началах, что, скажем, Китай или Япония. Джефферсон писал также, что до тех пор, пока США могут занять свое население сельскохозяйственным трудом, им следует предпочесть импорт промышленных товаров из Европы производству их у себя. США, по образному выражению Джефферсона, следовало «держать своих рабочих в Европе», снабжая их всем необходимым сырьем[111].

Джефферсону и Франклину были чужды идеи Р. Морриса и Гамильтона о необходимости защиты национальной промышленности при помощи протекционистской политики. Джефферсон доказывал, что торговые отношения США с другими странами должны строиться на основе полной свободы. Только Англия в наказание за причиненное Америке зло должна была быть лишена доступа к ее рынкам[112]. Франклин не видел смысла в протекционистской политике, поскольку она преследовала абсурдную цель защитить промышленность, не обладавшую жизнеспособностью в условиях США, и могла только озлобить земледельцев, составлявших единственную надёжную опору республиканского правительства. Кроме того, полагал он, протекционистские тарифы не сделают счастливее и богаче и мастеровых, которые при более высоких в этом случае доходах «будут только больше пить и меньше работать»[113].

Идея аграрного развития США по «фермерскому пути», которую вынашивали просветители, при соотнесении с американской реальностью обнаруживала очевидную уязвимость.

Господствующее положение в сельском хозяйстве США занимали отнюдь не фермеры, а плантаторы-рабовладельцы. В рамках джефферсоновского аграрного пути неизбежно должен был возникнуть противоречивый, обреченный в конечном итоге на распад, альянс плантаторов и фермерства, в котором руководящая роль могла оказаться только в руках плантаторов. Плантаторам была уготована руководящая роль и в созданной под руководством Джефферсона республиканской партии. Осознавал ли сам Джефферсон противоречивость отстаиваемой им доктрины? Источники не содержат прямого ответа на этот вопрос, но, судя по тому, с каким энтузиазмом Джефферсон взялся за создание республиканской партии с момента вступления в должность государственного секретаря, можно предположить, что он верил в торжество своих целей.

Первые шаги республиканской партии начинаются с создания в 1791 г. газеты. Это было очень логично и очень своевременно: ведь Гамильтон приступил к изданию газеты, отстаивавшей интересы его фракции еще в 1789 г.

Уже первые выпуски газеты Джефферсона обнаружили некоторые странности и неожиданности в избранной им форме оппозиции курсу Гамильтона. Начать с того, что название джефферсоновского органа «Нейшенэл газет» («Национальная газета») по сути не противоречило, а, наоборот, подтверждало идею, заложенную в газете Гамильтона «Газетт оф зе Юнайтед Стайте» («Газета Соединенных Штатов»). Обе партии самими названиями своих печатных органов подтверждали верность федеральной организации США, конституции 1787 г., т. е. принципам социально-политического устройства, восторжествовавшим на завершающих этапах революции. Первые выпуски газеты Джефферсона также решительно утверждали верность его партии основополагающим институтам и установлениям Соединенных Штатов. В отношении к ним «Нейшенэл газет» не отличалась от газеты федералистов. Даже созвучие фамилий редакторов газет: гамильтоновской — Фенно, джефферсоновской — Френно, — как бы символизировало их единство в отношении буржуазных основ США. Джефферсон недвусмысленно заявлял о намерении сопротивляться Гамильтону в рамках сложившейся системы. Избранная Джефферсоном и его партией форма политической оппозиции означала закладку краеугольного камня двухпартийной системы США — консенсуса (согласия) — в поддержании и упрочении буржуазных основ нации.

В период складывания республиканской партии раскрылись недюжинные организаторские и тактические способности

Джефферсона. В 1791 г. он и Дж. Мэдисон совершили знаменитое «ботаническое путешествие» по Нью-Йорку, в ходе которого были установлены прочные контакты с лидерами местных антифедералистов Дж. Клинтоном и А. Бэрром. Затем после упрочения связей Джефферсона с противниками Гамильтона в Пенсильвании сложилась «ось» Виргиния — Нью-Йорк — Пенсильвания, ставшая стержнем республиканской партии. Три опорных пункта партии отразили противоречивость ее социального состава и целей.

Пенсильванская фракция республиканцев составляла ее демократическое ядро. Еще в революционный период в Пенсильвании возникла партия конституционалистов, самая радикальная и единственная оформленная левая политическая группировка эпохи войны за независимость и образования США. Ее лидеры Р. Уайтхилл, Дж. Кэннон, Т. Мэтлак, Д. Риттенхауз, Х. Финдлей выступали с эгалитарных позиций. Она удерживала контроль над легислатурой штата на протяжении 12 лет — с 1776 но 1788 г.; в 1776 г. она сумела добиться принятия самой радикальной конституции революционной эпохи и провела много других демократических начинаний.

Пенсильванские конституционалисты естественно влились в партию республиканцев, выступив в качестве ее левого крыла. В 1793 г., когда в США под воздействием Великой французской революции и якобинских преобразований стали возникать республиканские клубы, в Пенсильвании образовался самый крупный и влиятельный среди них — «Демократическое общество Пенсильвании». Пенсильванская организация дала республиканской партии многих видных лидеров, среди них будущего министра финансов А. Галлатина.

Другую фракцию джефферсоновских республиканцев представляла группировка Дж. Клинтона в Нью-Йорке. Дж. Клинтон традиционно рассматривался в американской историографии, как и подобает «стопроцентному» антигамильтонианцу, в качестве «радикала», «уравнителя» и уж, бесспорно, демократа[114]. И только сравнительно недавно в фундаментальном исследовании «нового левого» историка А. Янга об образовании партии республиканцев в Нью-Йорке было доказано, что их лидер Клинтон, как и его окружение, принадлежал к американским нуворишам, к тем представителям средних и низших слоев белых колонистов, которые смогли разбогатеть на трудностях революции и посягнули на позиции господствующих семейных кланов — Скайлеров, Ливингстонов, Пендлтонов и др.

Клинтон и его окружение сумели обогатиться в первую

очередь благодаря удачным махинациям с огосударствленными западными землями. Каждое новое земельное приобретение все более укрепляло в них инстинкт собственников. В отличие от пенсильванских конституционалистов нью-йоркские виги никогда не включали в свою платформу требований об облегчении неимущим доступа к свободным землям. Постоянно высказывая желание потрясти мошну лоялистов, Клинтон в то же время являлся ревностным защитником неприкосновенности частной собственности. «Безопасность собственности, — декларировал нью-йоркский губернатор, — составляет одну из главных основ общества, поэтому никакие меры, направленные на сохранение и упрочение ее, не могут быть признаны излишними». В 1787 г., подобно Скайлерам, Ливингстонам и другим «старым» фамилиям штата, Клинтон и его партия решительно осудили восстание Шейса, заклеймив его как «ужасный и противоестественный бунт». Конечно, фракция Клинтона, составившая в 90-х годах костяк республиканской партии в Нью-Йорке, в отличие от пенсильванских конституционалистов никак не может быть названа «якобинской партией». По своему духу и программе она была близка скорее к партии жирондистского типа.

В Виргинии большинство республиканской партии состояло из консервативного крыла. Его признанным духовным лидером был Дж. Тейлор, плантатор и сенатор, хобби которого составляло написание книг по сельскому хозяйству и политэкономии. В них разоблачалась денежная аристократия Северо-Востока и проповедовалось правление «фермеров, фермерами и для фермеров». Так маскировались амбиции плантаторов, которые особенно резко возросли в 90-х годах в условиях начавшегося хлопкового бума.

Воззрения Джефферсона приобретали порой сугубо прагматический характер, подчинялись целям развенчания, дискредитации и ниспровержения Гамильтона. Партия Джефферсона стремилась изобразить себя не только истинной, но и единственной хранительницей республиканских основ и объявляла политических соперников чуть ли не монархистами, вступившими в сговор с английской короной для ниспровержения демократических прав и свобод в США. Это были явные пропагандистские натяжки и передержки, которые, как доказывала практика политической борьбы в молодой североамериканской республике, оказывались необходимыми средствами в борьбе за власть.

Джефферсоновские республиканцы не ограничивались пропагандистской войной против Гамильтона. Они стремились дискредитировать министра как личность, затеяли расследование

его финансовых дел, не гнушались копаться в «грязном белье» соперника. Впрочем, Гамильтон и его сторонники платили им той же монетой: объявляли республиканцев якобинскими шпионами, разносчиками «французской болезни» худшего образца — безверия и анархии. Как далека была эта политическая практика от «царства разума», грезившегося Джефферсону-просветителю!

Политическая борьба вынудила Джефферсона в 1793 г. подать в отставку — так велики оказались расхождения между ним, руководителем внешней политики США, и внешнеполитической линией, навязанной Вашингтону министром финансов. Свои профранцузские симпатии Джефферсон не скрывал, отстаивал их и устно, и в переписке, и в печати. Джефферсон не только считал, что военно-политический союз с Францией обеспечил североамериканской республике победу, но и полагал, что свержение монархии во Франции в 1793 г. превратило этот союз в уникальный, неизвестный истории альянс передовых республик. Союз 1778 г. был поистине голосом судьбы!

Удалившись в 1793 г. в родовое поместье Монтичелло, Джефферсон оставил республиканскую партию на попечение Мэдисона. Тот обнаружил себя умелым лидером и за три года единоличного руководства партией превратил ее в слаженный организм с широкой социальной базой. Впрочем, укреплению позиций республиканской партии благоприятствовало само развитие событий.

К 1794 г. выяснилось, что федералисты зашли слишком далеко в ограничении буржуазно-демократических начинаний Американской революции. В 1793–1794 гг. они громогласно декларировали право президента на роспуск демократических клубов, возникших под воздействием и в поддержку республиканских новшеств во Франции. Это было открытое покушение на конституцию и билль о правах, закрепивших за американцами всего двумя годами ранее свободу слова, печати, собраний. Подавление в 1794 г. выступлений фермеров и заключение вслед за этим торгового соглашения с Англией сплотило вокруг противников Гамильтона широкую демократическую коалицию.

Возглавить ее мог и должен был только Джефферсон — таково было требование, содержавшееся в бесчисленных письмах, получаемых им в Монтичелло. Вняв ему, Джефферсон осенью 1796 г., не покидая Монтичелло, дает согласие руководству партии выдвинуть его кандидатуру на предстоящих президентских выборах. В декабре он получает сообщение об итогах выборов — кандидат федералистов Джон Адамс завоевал голоса 71 выборщика, Джефферсон — 68. По сложившейся тогда

традиции Джефферсон занимает пост вице-президента: он согласился действовать в «паре» с федералистом Адамсом, зная его как заклятого врага Гамильтона.

Ожидания Джефферсона, связанные с антигамильтоновскими настроениями Дж. Адамса, не оправдались. Адамс повел открытое наступление на завоевания Американской революции. Если Гамильтон вполне удовлетворялся политической системой, введенной умеренной конституцией 1787 г., то Джон Адамс и его окружение («адамсовские федералисты») требовали пересмотра ее с еще более консервативных позиций. В 1798 г. были обнародованы указы об «иностранцах» и «мятеже», положившие начало антидемократическому законодательству в США.

В период президентства Дж. Адамса федералисты выступили с открытым осуждением не только революционных нововведений, но и умеренных реформ. Реформы, провозглашали они, вызывают «конвульсии цивилизованного мира и сотрясают основы общества»[115]. Дж. Адамс и его окружение довели до крайности консервативные тенденции федералистского правления. Это и предрешило их поражение в схватке с джефферсоновскими республиканцами в 1800 г., открывшем новую главу в американской истории.

Опыт президентства

В 1800 г. политическая власть в США впервые перешла из рук одной партии — федералистской в руки другой — республиканской. В глазах современников это событие приравнивалось к политическому перевороту, а победившая партия устами Джефферсона провозгласила свой успех «революцией 1800 г.», не уступающей по важности революции 1776 г. (В 1819 г. Джефферсон даже утверждал, что «революция 1800 г.» означала «столь же осязаемую революцию в принципах управления, как и революция 1776 г. в государственных формах»[116].) Страна жила в ожидании радикальных перемен, обещание которых было заключено как в идеологии республиканцев в целом, так и в конкретных требованиях их предвыборной платформы 1800 г.

Победа джефферсоновской партии на выборах 1800 г. была обусловлена многими обстоятельствами. Сыграли свою роль и острые фракционные распри среди федералистов, и огромный авторитет среди американцев вождей республиканцев Т. Джефферсона и Дж. Мэдисона и, безусловно, то, что республиканцы смогли создать в предшествующее десятилетие гораздо более действенную и сплоченную партийную организацию, нежели их соперники. Однако главная причина триумфа республиканцев заключалась в том, что они смогли сформулировать и предложить нации развернутую альтернативу скомпрометировавшему себя экономическому и политическому курсу федералистов.

Республиканская пропаганда в 1800 г. сумела в предельно краткой и выразительной форме указать на непопулярные в массах итоги пребывания федералистов у власти: британское влияние, содержание постоянной армии, дорогостоящий флот, увеличение прямых налогов, государственный долг, непомерно высокое жалование для членов конгресса, аристократический дух. Джефферсон и его окружение противопоставили иные, более демократические перспективы развития США, на которые пытались наложить запрет федералисты на протяжении 12 лет пребывания у власти.

Прежде всего, республиканцы обещали вдохнуть жизнь в билль о правах, одобренный еще в 1791 г., но фактически положенный федералистами «под сукно». Республиканцы, патетически восклицал в 1800 г. один из видных лидеров партии, Ч. Пинкни, ставят своей целью «навсегда избавиться от таких законов, как указы об иностранцах и измене»[117]. Джефферсон в

инаугурационной речи в марте 1801 г. категорически потребовал восстановить основательно подорванное в 90-х годах доверие к народовластию и республиканской форме правления[118]. Правда, ни в этой речи, ни в других публичных выступлениях президентского периода Джефферсон не рисковал обращаться к теме развития в США принципов прямого народовластия, занимавших важнейшее место как в его собственных воззрениях, так и в идеологии республиканской партии в предшествующий период. Тем не менее политические формулы нового президента и победившей партии резко контрастировали с откровенно элитарными установками федералистов.

Среди экономических требований предвыборной платформы республиканцев, сохранившихся в идейном арсенале партии на всем протяжении деятельности джефферсоновской администрации, особое значение для простых американцев имело предложение о радикальном изменении фискальной системы, предполагавшем перенесение тяжести налогов с плеч трудящихся на плечи богатеев. В первом послании конгрессу Джефферсон выдвинул задачу отмены всех прямых налогов, увеличивавшихся в период правления федералистов подобно снежному кому. Он особенно подчеркивал социальный смысл налоговой реформы: в результате нее, доказывал президент, трудовой люд будет вообще освобожден от налогового бремени, ибо вся тяжесть сохранившихся «внешних налогов», выражающихся в пошлинах на предметы импорта, падет на зажиточных граждан, которые и являются потребителями заграничных товаров.

В арсенале победившей партии имелись и другие радикальные предложения. Ее лидеры предполагали распустить армию, прекратить строительство флота, ликвидировать государственный долг и закрыть Национальный банк, провести судебную реформу, упростить чиновничий аппарат. Они вызвали настоящую панику среди федералистов, многие лидеры которых, подобно Ф. Эймсу, пророчили скорое погружение США в состояние «первозданности»[119]. Немногие федералисты сохранили в создавшейся ситуации присутствие духа. Одним из них оказался, как ни странно, А. Гамильтон, подлинный творец «федералистской системы».

В отличие от других федералистов Гамильтон обнаружил гораздо большую наблюдательность и прозорливость в оценке политического поведения Джефферсона. В предвыборной кампании республиканцев взгляду внимательного наблюдателя открывались два момента, которые определенно противоречили друг другу. Наличие этих противоречивых элементов в стратегии джефферсоновцев раскрывалось все полнее и полнее в период их

пребывания у власти, когда они обратились к практической реализации своих идеологических установок. Одна тенденция, напугавшая федералистов и привлекшая симпатии масс, заключалась в требованиях смелых демократических преобразований во всех сферах общественной жизни. Другая, менее заметная, состояла в обещании сохранить преемственные связи с политикой предыдущих администраций.

В период президентских выборов республиканская партия подчеркивала, что является сторонницей конституции 1787 г. и идеи прочного союза штатов в не меньшей степени, чем федералисты. В ряде штатов джефферсоновцы даже предпочитали называть себя «республиканскими федералистами», всячески отводили обвинения и связях с антифедералистским движением 1787–1789 гг. и возмущались попытками соперничающей партии утвердиться в качестве единственной хранительницы федеральной конституционной системы. Джефферсон уже в инаугурационной речи счел необходимым подчеркнуть единую позицию двух партий в отношении основ государственного союза и протянул поверженным соперникам «оливковую ветвь»: «Все мы республиканцы, все мы федералисты».

В годы президентства Джефферсона, а затем и его «наследника» по «виргинской династии» (четыре из пяти первых президентов североамериканской республики были выходцами из плантаторских верхов Виргинии) Дж. Мэдисона преемственность в политике двух партий распространялась на все новые сферы государственной деятельности. В некоторых случаях джефферсоновцам приходилось идти на уступки федералистским доктринам под давлением объективных, независящих от их мировоззрения требований развития американского капитализма. Так, уже в начале президентства Джефферсон должен был отречься от одной из основополагающих официальных доктрин республиканской партии — развития нации по «чистому» аграрному пути. В первом ежегодном послании конгрессу США он объявил «сельское хозяйство, мануфактуры, торговлю, мореплавание четырьмя столпами нашего процветания». Постепенно он вынужден был поступиться и принципом государственного невмешательства в частнокапиталистическое развитие, который также всегда занимал ведущее место в идейном арсенале республиканцев. С 1805-1806 гг. Джефферсон стал доказывать, что средства государственной казны должны активно использоваться для развития судоходства, каналов, дорожного строительства и даже для поощрения мануфактур. Он предал забвению и фритредерскую идею, признав, что государство обязано защищать национальную промышленность от

иностранной конкуренции при помощи протекционистской политики. Джефферсон никогда не отказывался от планов преобразований, но с течением времени они стали все более половинчатыми и противоречивыми.

Склонность Джефферсона к компромиссам подтачивала цельность и единство республиканской партии, что выразилось в появлении в ней широкого спектра политических мнений, грозившего расколом республиканцев. Наиболее многочисленную группировку составляли так называемые старые республиканцы, твердо настаивавшие на осуществлении принципов, которым партия присягнула в 90-е годы. Под именем «старых республиканцев» выступали, однако, разнородные элементы. На правом фланге республиканцев-ортодоксов стояли консервативные политические деятели Дж. Тейлор, Дж. Рандольф, Э. Пендлтон, решительно требовавшие от правительства ни на шаг не отступать перед торгово-промышленными кругами (развитие торговли и мануфактур вело, согласно их риторике, к фатальной угрозе моральной и социальной деградации нации) и добиваться превращения США в чисто аграрную страну. Их доктрина носила откровенно реакционный характер, так как закрепляла господствующую роль в государстве за южными плантаторами. «Старые республиканцы» из плантаторских штатов восприняли как кощунство попытку Джефферсона включить в свою политическую стратегию идею межпартийного консенсуса и очень скоро оказались в оппозиции к администрации.

Иную группу «старых республиканцев» представляли политики, для которых приход к власти Джефферсона означал начало решительной борьбы за демократизацию всех сторон общественной жизни. Их опорным пунктом стала Филадельфия, а самой колоритной фигурой среди «радикальных республиканцев» был, безусловно, Дж. Логан, острый памфлетист, сохранивший до конца жизни верность эгалитарному социальному идеалу. Дж. Логан, подобно ряду других пенсильванских республиканцев, отверг попытки Джефферсона осуществлять нововведения при сохранении известной преемственности с политикой федералистов.

Изолировавшись от «старых республиканцев», Джефферсон стремился опереться на умеренное крыло партии, способное к осуществлению прагматического курса. Один из ключевых постов в правительстве — государственного секретаря — был доверен им Дж. Мэдисону, который еще в годы войны за независимость обнаружил удивительную способность выводить из тупика разногласия между северо-восточными и южными делегатами

Континентального конгресса и заслужил славу «великого примирителя». Джефферсона и Мэдисона связывала давняя дружба, хотя их политический союз был странен во многих отношениях. Между двумя виргинцами всегда сохранялись серьезные мировоззренческие расхождения. Главное из них сводилось, по удачному определению американского историка, к тому, что «для Джефферсона опасность тирании заключалась в централизации власти, а Мэдисон, напротив, видел такую опасность в бесконтрольном и самодовлеющем волеизъявлении большинства»[120]. Преодолению этого и других разногласий между Джефферсоном и Мэдисоном способствовала их (пусть и разная по мотивам) оппозиция гамнльтоновскому плану развития США и свойственный обоим политикам политический прагматизм.

Второй ключевой пост в правительстве — министра финансов — занял пенсильванец А. Галлатин, символизировавший связь северо-восточного и южного крыла республиканцев. Предоставление поста, который в 90-х годах занимал сам Гамильтон, пенсильванцу не было, однако, вынужденной уступкой северо-восточным республиканцам со стороны виргинских вождей партии. Галлатин зарекомендовал себя в конце XVIII в. самым компетентным критиком финансовой политики федералистов, в частности, он сумел, что называется «с цифрами в руках», показать наличие злоупотреблений в деятельности Гамильтона и его окружения.

Именно А. Галлатину предстояло осуществить на практике главное требование идейной платформы джефферсоновских республиканцев — ликвидацию финансовых начинаний Гамильтона, составлявших краеугольный камень всей «федералистской системы» 90-х годов. Наибольших успехов ему удалось добиться в двух пунктах — погашении государственного долга и уничтожении всех прямых налогов.

Государственный долг США, в котором Гамильтон видел надежную основу цементирования союза штатов и тесной унии правительства и финансовой буржуазии, в глазах джефферсоновских республиканцев являлся лишь источником обогащения северо-восточных денежных воротил и средством ограбления массы налогоплательщиков. К 1801 г. этот долг составил 83 млн. долл. Галлатин надеялся, выплачивая каждый год по 7 млн. долл., погасить его в течение десяти с небольшим лет. В силу разных обстоятельств (покупки Луизианы, увеличившей государственный долг на 15 млн. долл., непредвиденного роста военных расходов, вызванного обострением американо-английских противоречий и др.) план

этот так и не был осуществлен. Тем не менее сокращение государственного долга джефферсоновскими республиканцами оказалось весьма существенным: к 1809 г. сумма его снизилась до 57 млн. долл., а в 1812 г., перед началом войны с Англией, составляла только 45 млн. долл, (с началом войны кривая государственного долга, естественно, резко поднялась).

Одной из самых убедительных социальных мер правительства Джефферсона являлась отмена всех прямых налогов, составлявших всегда предмет острейших разногласий между партиями-соперницами (в 1798 г., когда федералисты обложили налогом дома, землю и рабов, один из идеологов республиканцев, Дж. Тейлор, даже потребовал отделения южных штатов). Среди отмененных налогов — были и акцизные сборы, которые в середине 90-х годов явились причиной известного «восстания из-за виски». После отмены последнего прямого налога (на соль) Джефферсон имел все основания задать Конгрессу США риторический вопрос, в котором звучало нескрываемое удовлетворение: «Кто отныне среди американских фермеров, механиков и рабочих должен иметь дело с сборщиками налогов?»[121]

Противоречивый характер носила политика джефферсоновских республиканцев в отношении Национального банка, являвшегося одной из основ финансовой системы Гамильтона. Национальный банк и его социальная опора — финансовая буржуазия Северо-Востока — традиционно рассматривались в идеологии республиканской партии главным источником распространения «аристократической опасности» в США. В борьбе с банком джефферсоновцы смогли заручиться поддержкой не только аграриев, но и многих представителей торгово-мануфактурной буржуазии, возмущавшихся монопольной позицией этого финансового гиганта в сфере кредита (переориентация партийных симпатий этих представителей торгово-промышленной буржуазии в 90-х годах сыграла важную роль в победе Джефферсона на выборах 1800 г.). Оказавшись у власти, республиканская партия стала всячески поощрять развитие банков в штатах — число их в годы президентства Джефферсона возросло в четыре раза. Однако, когда дело дошло до лобовой атаки на Национальный банк, в рядах партии произошел глубокий раскол.

Срок действия хартии Национального банка истек в 1811 г., когда президентское кресло занимал преемник Джефферсона Дж. Мэдисон. Но экономическая политика республиканской администрации продолжала оставаться в руках А. Галлатина, сохранившего за собой пост министра финансов. Галлатин как

раз и воспротивился ликвидации Национального банка, заявив, что только сохранение этого института способно обеспечить кредитование растущих расходов правительства на оборонные нужды. Решительную оппозицию в отношении банка заняли «старые республиканцы». В результате острой фракционной борьбы среди республиканцев в сенате при решении вопроса о банке сложилось равенство сил: 17 законодателей высказались за его ликвидацию и 17 же выступили за продление хартии банка. Будущее банка оказалось в руках вице-президента Дж. Клинтона, отдавшего свой голос «старым республиканцам». Однако по иронии судьбы через некоторое время сами республиканцы выступили в роли инициаторов создания нового Национального банка: острейшие финансовые затруднения федерального правительства в годы англо-американской войны принудили их добиваться воссоздания некогда проклинаемого «аристократического» института. Хартия второму банку США была выдана в 1816 г.

В качестве антитезы «федералистской системы» Джефферсон и его единомышленники неизменно рассматривали аграрное общество, опору которого составляли мелкие независимые фермеры. В «резерве» позитивной программы экономических преобразований Джефферсона имелась идея о бесплатном наделении всех неимущих и малоимущих граждан земельными участками по 50 акров, выдвинутая им еще в первый год Американской революции. Он не посмел отстаивать ее в годы пребывания на президентском посту. Однако им были предприняты усилия для облегчения простым американцам доступа к государственному фонду «свободных» земель. 26 марта 1804 г. конгресс США издал указ, снижавший по сравнению с актом 1800 г. минимальную цену за акр продаваемой земли с 2 до 1,64 долл., а минимальный размер поступающего в продажу участка с 320 до 160 акров. Так был сделан еще один шаг к утверждению фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйство США.

Самым острым вопросом внутренней политики республиканской партии являлась проблема рабства. Подход к ней администрации республиканцев наиболее полно раскрывает противоречивость и ограниченность джефферсоновской демократии, включавшей в себя требования распространения буржуазно-демократических прав и свобод на широкие слои белого населения, но не выдвинувшей никаких действенных мер по уничтожению рабства.

В годы президентства, впрочем, как и в 90-е годы, в отличие от революционного периода, Джефферсон воздерживался от

публичной критики рабства, высказывая ее только в сугубо частной переписке[122]. Он надеялся исключительно на постепенные способы борьбы с ним. Откровенно консервативный характер носила его идея о репатриации свободных негров из США, с которой он выступил еще в годы войны за независимость и которой продолжал придерживаться в 800-е годы[123]. Когда в 1800 г. в Виргинии был раскрыт заговор рабов, Джефферсон предложил губернатору Дж. Монро вместо наказания выслать их в Сьерра-Леоне, что должно было проложить негритянскому населению страны путь на его прежнюю родину, в Африку. Однако руководители Сьерра-Леоне, свободной негритянской колонии, основанной при помощи английского филантропического общества, отказались принять американских негров. После этого взоры Джефферсона обратились к Сан-Доминго, соседней с США республике, образовавшейся в 1795 г. в результате успешного антифранцузского восстания негров-рабов во главе с легендарным Туссэном Лувертюром. Этот замысел президента не получил поддержки среди его окружения, явно тяготившегося соседством негритянской республики. В 1804 г. правительство США пошло на разрыв отношений с первым в мире свободным негритянским государством.

Консервативная позиция южных республиканцев в вопросе о рабстве не помешала, однако, быстрому и единодушному принятию в 1807 г. конгрессом США законопроекта, запрещающего ввоз в страну черных невольников с 1 января 1808 г. (эта дата была обусловлена еще авторами американской конституции 1787 г.). Данный факт имеет очень простое экономическое объяснение: южные плантаторы полностью удовлетворяли свои потребности в рабской силе за счет ее естественного воспроизводства (некоторые штаты специализировались на выгодном «разведении» рабов). Но хотя закон, запрещающий ввоз негров в США, и не подрывал основ рабовладения в штатах, его необходимо занести в актив Джефферсона-президента, который потребовал от конгресса обратиться к этому вопросу еще в 1806 г., т. е. за два года до истечения срока ввоза черных невольников в страну, как он был определен создателями федеральной конституции.

Среди политических мер джефферсоновских республиканцев наибольшую известность наряду с отменой ненавистных законов об «иностранцах» и «измене» приобрела реформа судебной системы. В последние месяцы пребывания у власти администрации Дж. Адамса конгресс США существенно преобразовал федеральную судебную систему, в результате чего ее аппарат резко возрос. Очень скоро выяснилось, что акт

конгресса носил откровенно партийный характер: федералисты заполнили новые должности своими ставленниками, а президент Дж. Адамс утвердил эти назначения в последний день пребывания у власти (они вошли в историю под названием «полуночных назначений»). В результате федералисты удачно подсластили горькую пилюлю поражения на президентских выборах 1800 г. и одновременно выставили на пути преобразовательных планов республиканской партии мощный бастион консервативных федеральных судей.

Разгневанный Джефферсон потребовал отменить судебный закон 1801 г. уже в первом послании конгрессу. Республиканцы без промедления подготовили соответствующий билль и провели его через обе палаты. Джефферсоновцы радовались успеху не только потому, что отстранили политических противников от важных государственных должностей, но и потому, что, ослабив федеральную судебную систему, в определенной степени укрепили имевшуюся в идейном арсенале их партии доктрину «прав штатов»[124].

При проведении судебной реформы в жизнь джефферсоновские республиканцы натолкнулись на отчаянное сопротивление Верховного суда, который, оправдывая функцию, возложенную на него федеральной конституцией, твердо встал на путь нововведений. Особым консерватизмом отличалась позиция председателя Верховного суда Дж. Маршалла, ставшего в начале XIX в. фактически главой федералистской партии. В 1803 г. Маршалл, рассмотрев решение правительства о лишении полномочий одного из «полуночных назначенцев», У. Марбури, объявил судебную реформу республиканцев противоречащей конституции. Подобный вердикт оказался первым во всей истории Верховного суда США.

Джефферсон принял вызов высшего судебного органа страны. По инициативе президента лидеры республиканцев попытались отстранить от должностей наиболее одиозных федералистских судей, прибегнув к процедуре импичмента[125]. Добившись в 1804 г. смещения окружного судьи Дж. Пикеринга, они «посягнули» затем на члена Верховного суда С. Чейза.

Чейз был известей всей стране, в первую очередь благодаря жестоким судебным расправам над американскими демократами. В 1803 г. он в резкой форме публично осудил мэрилэндских законодателей, добившихся отмены в штате имущественного избирательного ценза, и заклеймил преобразовательные усилия республиканской администрации, как подрывающие «безопасность собственности и личную свободу»[126]. Чейз был привлечен к импичменту по обвинению в действиях,

несовместимых с его должностными полномочиями. Последовавшие затем длительные дебаты в сенате привели, однако, к результату, обескуражившему администрацию: часть конгрессменов-республиканцев выступила в защиту Чейза и федеральный судья-реакционер был оправдан. Решение сената положило конец кампании против судей-федералистов, носившей ярко выраженный политический и, безусловно, демократический характер.

Демократическая окраска отличала военную доктрину республиканской партии и администрации. В годы президентства Джефферсон, как и прежде, неизменно отстаивал тот, распространенный в идеологии Просвещения принцип, что создание и содержание регулярной армии и флота в мирное время несовместимо с основами демократического правления. Как в частной переписке и доверительных беседах, так и в публичных выступлениях, ежегодных посланиях конгрессу Джефферсон неизменно доказывал, что в мирное время штаты должны полагаться исключительно на добровольные милицейские формирования. В подобные подразделения он предлагал включать молодых американцев в возрасте от 18 до 26 лет, которые должны были овладевать воинским искусством в свободные от основных занятий часы. Что касается регулярной армии, то Джефферсон добивался ее постепенного сокращения, пока она не будет ликвидирована совсем. Уже в начальный период деятельности республиканской администрации армия США была сокращена более чем в полтора раза: с 5438 до 3312 человек. Большая ее часть была рассредоточена мелкими подразделениями на западной границе.

Резкому сокращению подвергся и военно-морской флот. Уже в конце первого года деятельности республиканской администрации ее отчеты зафиксировали продажу 15 фрегатов. Конгресс принял решение оставить 13 фрегатов, причем семь из них должны были находиться в постоянном резерве. Военно-морская доктрина республиканцев предполагала развитие американского флота исключительно за счет легких судов, которые должны были нести береговую охрану.

Демократическая военная доктрина джефферсоновцев дала трещину в момент обострения в 1807 г. англо-американских противоречий. Республиканцы вынуждены были отказаться от нее в условиях чрезвычайных обстоятельств и санкционировать расширение военных расходов.

Итоги пребывания Джефферсона у власти противоречивы, как противоречив и весь его жизненный путь. Эта противоречивость обнаруживается особенно выпукло при соотнесении практических

поступков и мероприятий Джефферсона с его идеалами. Она и дала основание многим авторам обвинять Джефферсона в неискренности, лицемерии и зачислять его в ряды типичных представителей буржуазно-плантаторской верхушки. Цинично, но в рамках данного подхода судит о Джефферсоне Аарон Бэрр, герой одноименного романа американского писателя Гора Видала, преданный Джефферсоном-президентом суду: «Он прослыл великим уравнителем, а ведь уравнял он только меня». Большинство критиков Джефферсона поступаются, однако, законами историзма: рассматривают противоречия Джефферсона вне связи с противоречиями самой эпохи и эволюцией его жизненных и мировоззренческих позиций.

Вынести однозначную оценку деятельности Джефферсона невозможно. Подобно многим крупным историческим личностям, прошедшим долгий путь в условиях революционных потрясений и крутых поворотов истории, он претерпел сложную эволюцию, требующую взвешенных, соотнесенных с меняющимися историческими обстоятельствами подходов и оценок. Сложная, зигзагообразная эволюция характерна для многих современников Джефферсона из числа буржуазных революционеров: вспомним хотя бы жизненный путь Наполеона Бонапарта, начавшего его республиканцем якобинского толка и увенчанного впоследствии императорской короной.

Жизнь Джефферсона разделяется на ряд этапов, каждый из которых имеет самостоятельное значение как для его собственной эволюции, так и для американской истории. В предреволюционный и революционный период Джефферсон выступил как лидер демократического крыла патриотов, выдвинул множество смелых идей и концепций, которые вошли в золотой фонд американской демократической мысли и до сих пор служат источником вдохновения для прогрессивных сил США.

В последующие периоды Джефферсон занимает более умеренную позицию. Это объяснялось логикой политической борьбы, требовавшей от Джефферсона идти на уступки консервативным союзникам по республиканской партии. Умеренный характер политической линии Джефферсона наиболее полно раскрылся в годы его президентства. Но даже очевидные минусы деятельности Джефферсона-президента не должны заслонять положительных итогов его пребывания у власти. В эти годы под влиянием сознательных усилий Т. Джефферсона и его окружения происходит укрепление буржуазно-демократических тенденций в развитии американского общества, которые были «законсервированы» в период правления федералистов.

Глава V. Джеймс Мэдисон: иллюзии «великого примирителя»

В 1962 г. библиотека Белого дома пригласила историка И. Бранта оставить автограф на только что вышедшем последнем шестом томе принадлежавшей его перу биографии Джеймса Мэдисона[127]. Выкроивший время для того, чтобы присутствовать на этой церемонии, тогдашний хозяин Белого дома Джон Кеннеди заметил: «Мы недооценивали Мэдисона больше, чем кого-либо из других американских президентов»[128]. Тем самым давалось понять, что Брант, затративший на свой труд четверть века, способствовал устранению отмеченной несправедливости в отношении четвертого президента США.

Работа Бранта очень быстро завоевала признание среди буржуазных историков США, они приняли и стали использовать в собственных исследованиях содержащиеся в ней оценки. Попыток оспорить эти оценки не было, более того, после того как стали выходить один за другим тома Бранта, у других исследователей явно исчезло желание обращаться к жизни и деятельности Мэдисона. Одно основание для этого имелось: Брант собрал в архивах, кажется, все, что можно было извлечь оттуда касательно жизни четвертого президента (чем, кстати, в немалой степени способствовал успешной подготовке к изданию, начиная с 1962 г., многотомного собрания бумаг Мэдисона[129]). Однако если взглянуть на его работу под другим углом зрения, то можно убедиться, что мы имеем дело с откровенно апологетическим сочинением.

Составленное И. Брантом пространное «похвальное слово» четвертому президенту США заслонило прежние, по крайней мере в одном отношении, критические биографии Мэдисона[130]. Их авторы в отличие от Бранта полагали, что Мэдисон был глубок как мыслитель (за ним закрепилась слава «философа американской конституции»), что ему прекрасно удавались роли идейного лидера Континентального конгресса в эпоху войны за независимость и вождя республиканской оппозиции в 90-е годы, но что этот блестящий «отец-основатель» страны, увы, не состоялся в качестве государственного секретаря и президента США в начале XIX в.

Однако в этих биографиях, как и в труде Бранта, не нашли полного и верного объяснения многие сложные коллизии и перипетии, присущие политическому пути четвертого президента США. Главная особенность полувековой политической карьеры

Мэдисона заключается в том, что она состоит из странных, парадоксальных на первый взгляд зигзагов, крутых поворотов, переходов из одного политического лагеря в другой. Начав свой путь как твердый защитник интересов плантаторской Виргинии, выразитель «прав штатов», он в начале 80-х годов XVIII в. круто меняет позицию, становится ярым сторонником сильного национального правительства. По иронии судьбы именно ему, южному рабовладельцу, принадлежала важнейшая роль в разработке федеральной конституции 1787 г., подведшей итоги буржуазной революции (Мэдисон недаром заслужил имя «философа американской конституции»). Но уже в 90-х годах Мэдисон, бывший вместе с Гамильтоном лидером федералистов, идет на решительный разрыв с прежними политическими партнерами, смыкается с Джефферсоном, возглавив вместе с ним республиканскую партию. Дальнейший его путь в политике свидетельствовал, однако, что его меньше всего можно было считать джефферсонианцем.

«Моя страна — Виргиния»

Первый Мэдисон — Джон сошел на американский берег в 1652 г. В принявшей его Виргинии он незамедлительно оформил владельческие права на участок земли в 600 акров, превратившись в результате этого в плантатора средней руки. Жизнь последующих поколений Мэдисонов была предрешена: она оказалась подчиненной удовлетворению главной страсти плантаторских семей колоний — расширению земельных владений.

Джеймсу Мэдисону-старшему, отцу четвертого президента США, перешли в собственность обширные земельные владения и три десятка негров-рабов. К моменту появления на свет Джеймса-младшего (родился 16 марта 1751 г.) Мэдисоны были одним из двух самых богатых и влиятельных семейств графства Орэндж (другим было семейство Тейлоров, давшее стране 11-го президента — Захария Тейлора).

Укрепившись во владении собственностью, Мэдисоны стали обрастать привычками, манерами, наклонностями, свойственными английским джентльменам. Мэдисон-старший обнаружил желание уделить самое серьезное внимание образованию своих наследников. Джеймса-младшего в 11 лет отдали в частную школу, где его приучили к чтению греческих и римских писателей. С авторитетными философами, юристами и историками античности и современности он познакомился в годы учебы в принстонском колледже, расположенном в небольшой приатлантической колонии Нью-Джерси.

Государство и право стали любимыми предметами Мэдисона в колледже. Занимался он весьма усердно и в будущем даже не мог припомнить, приходилось ли ему в студенческие годы спать более трех часов в сутки[131]. Настоящим испытанием для юноши оказались, однако, не многочасовые бдения над мудреными текстами, а неожиданно открывшаяся, неприятная и тяжелая болезнь. Мэдисон никогда не давал названия своей болезни, не смогли точно определить ее и медики того времени. Уже много лет спустя его шурин Д. П. Эйн писал, что во время войны за независимость Мэдисон был освобожден от военной службы по причине «неожиданных эпилептических по природе припадков». Доверимся в этом вопросе И. Бранту, который полагает, что «зрелый возраст Мэдисона во время начала припадков и их полное исчезновение в будущем дают основание определить его болезнь как истерию, проявившуюся в эпилептической форме»[132].

В 1772 г. Мэдисон, пребывавший постоянно в состоянии меланхолии, покинул Принстон и следующие четыре года провел безвыездно в родовом имении Монпелье. Недуги не оставляли его, а слова лучшего друга У. Брэндфорда о том, что слабые здоровьем, уделяя ему повышенное внимание, часто живут дольше самых сильных от природы, вряд ли служили утешением (они, однако, оказались пророческими для Мэдисона — он дожил до 85 лет). Его все чаще тянуло к размышлениям о боге и религии. Мэдисон рано обнаружил себя сторонником свободы вероисповедания и уже в 1774 г. в одном из писем высказывал то соображение, что если бы власть английской церкви по виргинскому образцу утвердилась во всех североамериканских провинциях, то неизбежной участью колонистов стало бы «рабство и подчинение»[133].

По редким газетам и письмам докатывались до Мэдисона сообщения о набиравшем в те годы силу антианглийском движении в колониях. Патриотическое движение в провинциях вступало тогда уже в радикальную фазу, его лидеры в десятках и десятках памфлетов определили цели борьбы и способы их достижения. Памфлетов этих затворник из Монпелье не знал, а политика интересовала его в гораздо меньшей степени, чем религиозные вопросы. Но к патриотическому движению в целом и даже к самым решительным его акциям он относился с симпатией. В начале 1774 г. он высказал горячую поддержку «сынам свободы», устроившим «бостонское чаепитие», а осенью того же года восторженно откликнулся на решение только что отзаседавшего в Филадельфии I Континентального конгресса об объединенной кампании провинций по бойкоту товаров метрополии.

Перспектива вооруженной борьбы между Северной Америкой и Англией, однако, тревожила Мэдисона. Он особенно опасался, что в этом случае негры-рабы примут сторону «красных сюртуков в надежде обрести свободу». Когда вставал вопрос об отношении к неграм-рабам, инстинкт и интересы виргинского плантатора брали в Мэдисоне верх над обретенным религиозным убеждением о спасительных свойствах всеобщей людской терпимости. Он был твердо уверен, что если обнаружатся попытки негров-рабов воспользоваться в своих целях неурядицами между их хозяевами и англичанами, то «такие попытки должны изобличаться и подавляться»[134].

После начала военных действий между королевскими солдатами и патриотами в апреле 1775 г. в Виргинии был создай комитет безопасности, приступивший к спешному формированию милицейских соединений. В октябре 1775 г. 24-летнему Дж.

Мэдисону присвоили звание полковника милиции графства Орэндж. Самое большее, что удалось сделать Мэдисону в этом чине, — это научиться целиться по мишени. Произвести выстрел по живой цели ему не довелось. Виргинии вскоре понадобились от Мэдисона услуги совсем иного рода.

В апреле 1775 г. губернатор Виргинии лорд Данмор бежал в район Норфолка — Хэмптона с тем, чтобы присоединиться там к лоялистским группам. Колониальное правление в одной из старейших американских провинций распалось, и местные патриоты испросили у Континентального конгресса совета, как им поступить в возникшей ситуации. Ответ из Филадельфии: «Создавайте новое правительство» — совпал с желаниями виргинцев. Были назначены выборы в учредительный конвент. На два депутатских места от графства Орэндж претендовали два человека — Джеймс Мэдисон от своей семьи и представитель семейства Тейлоров. Оба они и заняли свои места в учредительном конвенте, открывшемся в Вильямсбурге в мае 1776 г.

Первым делом конвент занялся обсуждением не местных нужд, а судеб всей Северной Америки. Подобные претензии его депутатов не удивили и не вызвали недовольства у жителей других провинций: за Виргинией давно признавалась ведущая роль в патриотическом движении, что было предопределено тем, что число жителей Виргинии равнялось четверти населения 13 провинций и что руководство патриотическим движением колонии принадлежало крепко стоявшим на ногах и уважаемым за богатство плантаторам. К весне 1776 г. конвент пришел к твердому мнению, что Континентальный конгресс слишком затягивает с провозглашением независимости, и поручил своим представителям в Филадельфии проявить необходимую инициативу в этом вопросе. 7 июня виргинский делегат в конгрессе Р. Г. Ли предложил на его рассмотрение «резолюцию независимости», а 4 июля была принята Декларация независимости, подготовленная другим виргинцем, Т. Джефферсоном.

Сам же конвент приступил без промедления к составлению собственной конституции. Вопросам организации государственной власти в отдельных штатах уделялось в Северной Америке в начале революции первостепенное значение, ибо большинство патриотов, не желая заменять свергнутую деспотическую централизованную власть метрополии своей собственной, полагали, что в стране утвердится полный суверенитет и независимость штатов друг от друга. Виргинский конвент образовал комиссию по подготовке конституции и

декларации прав из 30 человек. Включение в нее Мэдисона было большой честью для делегата из Орэнджа. Но определяющего влияния на работу комиссии он не оказал.

Объяснялось это отнюдь не меньшей ученостью Мэдисона в сравнении с другими делегатами и не его молодостью. В правовых и иных познаниях, пополняемых ежедневно на протяжении нескольких лет учебы в Принстоне и затворничества в Монпелье, Мэдисон превосходил большинство членов комиссии, а что касается возраста, то на ведущих местах в конвенте оказались лица и помоложе его — секретарю конвента Г. Тейзвелу было 23 года, а первому генеральному прокурору штата Э. Рандольфу — 22. Но ни они, ни более зрелые делегаты не могли состязаться в популярности с одним из 30 членов комиссии, признанным властителем умов патриотического движения Джорджем Мэйсоном, который в отсутствие среди участников конвента Р. Г. Ли и Т. Джефферсона почитался чуть ли не как оракул всевозможных истин. Ему и поручили составить как декларацию прав, так и конституцию.

Трудно сказать, как отнесся Мэдисон в 1776 г. к виргинской конституции, составленной по проекту Мэйсона. Девять лет спустя он резко осудил ее с умеренных позиций. Его не устраивала трактовка Мэйсоном принципа «разделения властей», направленная на возвеличивание роли законодательного собрания, передачу ему традиционных прерогатив исполнительной власти и умаление значения последней. Ему не нравилось ограничение власти губернатора исполнительным советом, сведение к минимуму различий между сенатом и палатой представителей, слишком многочисленный состав легислатуры и чересчур частое переизбрание всех органов власти. Не отвечающие политическим вкусам Мэдисона черты виргинской конституции в первые годы войны за независимость воплотились в той или иной мере в государственном устройстве большинства штатов. Страна переживала мощный демократический подъем, что отразилось даже в политической жизни плантаторской Виргинии.

Начало политической деятельности Мэдисона казалось многообещающим. Он был избран членом первого исполнительного совета штата, переизбран туда затем во второй раз. Но эта достаточно высокая, но все же не высшая политическая должность в штате могла стать на долгие годы потолком в карьере Мэдисона. После того как в Вильямсбург вернулись по истечении депутатских полномочий в Континентальном конгрессе Р. Г. Ли и Т. Джефферсон, они вместе с П. Генри и Дж. Мэйсоном стали поочередно сменять друг друга

на губернаторском посту и в роли лидеров законодательного собрания. Пробиться в этот мощный политический квартет у Мэдисона не было никаких шансов, и он должен был расценить как благословение судьбы избрание его в 1779 г. представителем Виргинии в Континентальном конгрессе.

Мэдисон прибыл в Филадельфию, где заседал Континентальный конгресс, с твердым намерением защищать интересы родного штата. На протяжении первых лет пребывания его в конгрессе представления Мэдисона о географических границах родины определялись часто повторяемой молодым депутатом формулой: «Моя страна — Виргиния».

Члены конгресса, составившие представление о виргинских плантаторах по внешности аристократически величавых Вашингтона и Джефферсона, немало подивились при виде нового делегата южан. Невысокого роста, худой, припадающий на одну ногу, без единой кровинки в лице, изможденном недугом, — таким явился перед ними Мэдисон. Для тех, кто пытался поддерживать с ним связь вне стен конгресса, виргинец оказался «самым необщительным существом в мире». В самом конгрессе его могли наблюдать с большими перерывами (он часто и надолго уезжал домой из-за болезни). Не сразу, а шаг за шагом, словно по тонко размеченному плану, раскрывался Мэдисон как незаурядный политик.

Когда Мэдисон прибыл в Континентальный конгресс, между штатами велась изнурительная тяжба из-за условий вступления их в общеамериканский союз. В 1777 г. в проекте «Статей конфедерации», предложенном на рассмотрение штатам, был тщательно оговорен суверенитет их правительств во всех важных сферах социально-экономической и политической деятельности. Такая схема союза удовлетворяла патриотов, и только одно, но очень важное положение проекта о закреплении за властями штатов права распоряжаться своими землями, как они были определены колониальными актами, вызвало серьезнейшие споры между ними.

Свое мнение по этому вопросу выразили так называемые безземельные штаты, границы которых, согласно колониальным статусам, были четко определены и которые благодаря указанному положению «Статей конфедерации» лишались доступа к огромному массиву «свободных» земель запада. Особую строптивость проявили законодатели Мэрилэнда, отказавшиеся ратифицировать «Статьи конфедерации» до тех пор, пока право собственности на незанятые земли запада не будет передано Континентальному конгрессу. Мэрилэнду и другим «безземельным» штатам противостояли «земельные» штаты во

главе с Виргинией и Нью-Йорком, территории которых в колониальную пору не были зафиксированы и которые притязали теперь на западные земли вплоть до Тихоокеанского побережья.

Требования «безземельных» штатов, воплотившись в законе, создали бы очень важное условие укрепления американского национального государства. Но законодатели этих штатов сами отнюдь не руководствовались высокими «национальными» соображениями. Использовав все возможности для получения нужной информации, Мэдисон убедительно показал членам конгресса, что за спинами мэрилэндскнх политических мужей стояли лоббисты трех частных земельных компаний, которые приобрели за бесценок громадные территории у индейцев и которые в случае передачи Континентальному конгрессу западного земельного фонда тут же предъявили бы ему свои купчие.

Земельные спекулянты и усердно бравшие из их рук взятки мэрилэндские законодатели сделали все возможное, чтобы, напротив, очернить виргинцев. Они призвали на помощь «глас народа»: в Континентальный конгресс градом посыпались инструкции от жителей западных графств Мэрилэнда, призывающие разрушить монопольные притязания Виргинии и других «земельных» штатов. Они привлекли для защиты своего дела Б. Франклина (он к тому же сам был участником одной из земельных компаний) и сумели нанять несравненное перо прозябавшего в нищете глашатая американской революции Т. Пейна[135]. В результате развернутого земельными компаниями пропагандистского наступления корыстные мотивы Виргинии были изобличены в полной мере. Было показано, что в то время как патриоты всех штатов сообща проливали кровь на полях сражений, алчные виргинские плантаторы грубо попирали «общее благо» и стремились лишь извлечь для себя выгоду из провозглашенной независимости. В разоблачениях земельными компаниями мотивов виргинцев заключалось не меньше истины, чем в разоблачении виргинцами «безземельных» штатов.

Мэдисон призывал своих сограждан не уступать мэрилэндцам. Ему пришлась по душе идея образовать конфедерацию из 12 штатов, т. е. без строптивого Мэрилэнда. Позиции Виргинии, однако, пошатнулись, когда нью-йоркцы в 1779 г. отказались от претензий на западные территории. Южане пошли на маневр: они согласились передать Континентальному конгрессу право распоряжаться своими западными территориями при условии, что купчие на эти земли, принадлежавшие их согражданам-плантаторам будут сохранены, а купчие, находившиеся в руках земельных спекулянтов других штатов, —

аннулированы. Конгресс и Мэрилэнд ответили согласием, и союз между штатами обрел правовую форму на пятом году независимости.

Но как только «Статьи конфедерации» вступили в силу, «безземельные» штаты во главе с Мэрилэндом заявили о непризнании незаконных и абсурдных, с их точки зрения, условий отказа Виргинии от западных земель. Мэдисон, блеснув ученостью, тут же объявил вероломную акцию мэрилэндцев самым вопиющим нарушением «аграрной справедливости со времен братьев Гракхов», В посланиях законодателям своего штата он требовал ни под каким видом не отказываться от оговоренных условий виргинского «дара» и, указывая, что «нынешний союз вряд ли надолго переживет окончание войны», прозрачно намекал на необходимость позаботиться поэтому в первую очередь о собственной выгоде[136].

Местнические мотивы Мэдисона проявились и в его отношении к финансовой политике конгресса. В 1781 г. конгресс назначил главой созданного финансового ведомства пенсильванского банкира Роберта Морриса, полагая, что он, сумев больше всех обогатиться в годы войны, сможет лучше других поправить и экономические дела конгресса. Р. Моррис потребовал для себя диктаторских полномочий в экономической политике и выдвинул широкую преобразовательную программу.

Первым делом он предложил наделить конгресс правом сбора 5 % ввозной пошлины: пополнить государственную казну в соответствии со «Статьями конфедерации», на основе добровольных взносов штатов оказалось невозможно, она была пуста, а предстояло оплатить многомиллионные займы иностранных держав и рассчитаться на чуть меньшую сумму с собственной армией. Эту меру Мэдисон поддержал, ибо она была единственным способом спасти правительство от финансового банкротства. Но когда Моррис предложил создать под эгидой центрального правительства Национальный банк с целью упорядочения валютно-кредитных операций в стране, Мэдисон и другие южане решительно заявили о незаконности этой меры. Национальный банк под опекой Континентального конгресса они воспринимали прежде всего как средство создания финансовой монополии для обогащения северо-восточных банкиров и купцов.

Мэдисон не отрицал необходимости банка вообще, но посоветовал Моррису создать его при легислатуре Пенсильвании. Предложение это было радостно поддержано южанами. Проглотив молча виргинскую пилюлю, Моррис перешел от грубого нажима к маневру и завел южан в тупик. Выждав момент, он внес в конгресс предложение о создании банка на следующий

день после окончания сессии пенсильванской легислатуры. Отослать Морриса с его проектом южанам было теперь некуда, и они, по словам Мэдисона, пошли на вынужденное согласие с его идеей.

Философ американской конституции

Переход Мэдисона к защите власти центрального правительства был очень крутым, он произошел в течение буквально года: более того, источники дают возможность обозначить даже день, когда это случилось; 16 августа 1782 г. в конгрессе он впервые признал, что аргументы «безземельных» штатов о верховных правах центрального правительства на западные территории имеют под собой основание[137]. Но, конечно, столь решительная трансформация в мировоззрении южного политика не была делом одного дня и не могла произойти в результате смены настроения. В основе ее лежали глубокие мотивы.

К 1782 г. сторонников усиления центрального правительства среди известных политиков США можно было пересчитать по пальцам. Это были почти исключительно представители финансово-промышленных кругов, Гамильтон и Роберт Моррис были их лидерами. В заинтересованности финансово-промышленных кругов в усилении центральной власти можно увидеть непосредственные экономические мотивы: они были кредиторами Континентального конгресса, принимали от него всевозможные промышленные заказы и т. д. Но что привело под федералистские знамена Мэдисона, выразителя плантаторских и аграрных интересов страны?

Внешнеполитические соображения были, безусловно, главными среди мотивов, давших толчок переходу Мэдисона на федералистские позиции. Он был прекрасно осведомлен о внешнеполитических затруднениях североамериканской республики. Руководство иностранными делами осуществлялось конгрессом коллективно, и Мэдисон особенно часто участвовал в обсуждении вопросов об отношениях с западноевропейскими союзниками США. Подлинные глубоко корыстные мотивы заключения французским и испанским дворами союза с ужасной, на их взгляд, заокеанской простолюдинкой в республиканских одеждах не были для него тайной. Его возмущали намерения Франции и Испании провести западную границу США по Аллеганским горам, оттягать для себя за «участие» в борьбе с Англией «свободные» западные земли, ограничить районы рыбных промыслов и навигационные права штатов.

Членов конгресса выводили из себя сообщения об оскорблениях, которые приходилось терпеть посланникам США в Западной Европе. В Испании, жаловался направленный туда с дипломатической миссией Дж. Джей, с ним обращались как с

«частным лицом» из «колоний и плантаций». И даже признав США, западноевропейские державы отказывались видеть в республике равное им суверенное государство. Истина, извлекаемая из этих фактов Мэдисоном, заключалась в том, что США могут заставить уважать себя и постоять за свои интересы на международной арене, только оперевшись на единое, с широкими правами и полномочиями государство. Когда в 1782 г. после решающих побед над Англией Людовик XVI резко отверг притязания штатов на зааллеганские территории, поскольку-де до революции они были собственностью британского монарха, а не каких-то не имевших ни четких границ, ни юридических прав провинций, Мэдисон ответил французскому венценосцу, что «Соединенные Штаты должны во многих отношениях рассматриваться как единое и неделимое суверенное государство, принявшее на себя те права английского короля, которые не могли принадлежать какой-либо из отдельных провинций».

Проникаясь все больше общегосударственными заботами США, Мэдисон неизбежно должен был вступить в конфликт с виргинскими политиками, продолжавшими жить провинциальными интересами и предрассудками. Он бросил вызов виргинской легислатуре, когда осенью 1782 г. предложил передать конгрессу право на распоряжение западными землями без всяких условий[138]. И вбил клин в отношения как с законодателями штата, так и с представителями Виргинии в Континентальном конгрессе, когда выступил против них по вопросам финансовой политики.

К 1782 г. финансовое положение конгресса было критическим: за весь прошедший год члены конфедерации за исключением Пенсильвании не внесли в его казну ни пенса. Р. Моррис в ответ на требования армии о выплате жалованья заявлял, что «он умывает руки и возлагает все обязательства на штаты». В это же время рухнули надежды добиться от штатов ратификации проекта о наделении конгресса правом сбора 5 % ввозной пошлины. В ноябре 1781 г. крошечный Род-Айленд, воспользовавшись предоставленным «Статьями конфедерации» каждому штату правом вето, объявил, что он никогда не согласится на подобный проект (род-айлендцы ввозили товаров, относительно больше, чем другие штаты, и опасались, как бы их жертвы в пользу федеральной казны не оказались чрезмерными). Вслед за ним другие штаты, ранее согласившиеся на федеральную ввозную пошлину, стали отменять свои решения. Одной из первых сделала это Виргиния. Мэдисон объявил поведение род-айлендцев и виргинцев в равной степени безответственным.

В 1782–1783 гг. Мэдисон выдвинул вопреки воле виргинских

законодателей план широкой реформы всей системы налогообложения. Она предполагала не только сбор центральным правительством ввозной пошлины, но и изменение способа внутреннего налогообложения. Согласно «Статьям конфедерации», денежные средства, перечисляемые штатами в федеральную казну, определялись соответственно стоимости их земли. Такой способ налогообложения ущемлял интересы штатов Новой Англии, где земля была дороже, чем на Юге, а кроме того, он был совершенно неэффективен, так как штаты никак не могли договориться о стоимости своих земель, пытаясь каждый максимально занизить ее. Мэдисон счел возможным серьезно обсудить предложение северо-восточных штатов о раскладке налогов между членами конфедерации пропорционально или размеру их территории, или числу их жителей[139]. Многие виргинские законодатели готовы были объявить его после этого Каином, так как Виргиния была самым крупным и по территории, и по числу жителей штатом. Северяне же превозносили Мэдисона как мудрого «великого примирителя».

Все чаще и чаще делегаты конгресса наблюдали откровенные стычки между Мэдисоном и другими виргинскими представителями в Филадельфии. Особенно остро проходили его словесные баталии с А. Ли, который был известен тем, что, находясь с одной дипломатической миссией во Франции вместе с Франклином, плел против просветителя самые низкие интриги (обвинял его в краже общественных денег!). Став по возвращении из Парижа представителем Виргинии в Континентальном конгрессе, А. Ли в своих выступлениях так и сыпал цитатами из Монтескье и Вольтера. Наделение правом налогообложения конгресса, имевшего под своим началом армию, поучал он делегатов, означало совмещение в одних руках «меча и кошелька», что противоречило учению великих французов.

Мэдисон, не бывавший нигде, кроме четырех — пяти американских городов, показывал конгрессменам, как грубо искажал А. Ли французского философа. Монтескье, говорил он, был против совмещения «меча и кошелька» в руках одной ветви власти — исполнительной, а поскольку конгресс являлся и исполнительной, и законодательной властью, наделение его правами налогообложения и управления армией возможно[140]. (Мэдисон иначе, чем А. Ли, но тоже искажал Монтескье, ибо французский просветитель не предполагал возможности совмещения двух видов власти в одном органе, как это имело место в Континентальном конгрессе.)

С 1783 г. Мэдисон, бывший до того ревностным сторонником «буквы» «Статей конфедерации» стал выступать за их «широкое

толкование», что заключалось в изыскании в них «подразумеваемых» прав конгресса. Поскольку «Статьи конфедерации», говорил он, предоставляли конгрессу право производить займы, содержать армию и «определять количество денег, необходимых для покрытия общих расходов», постольку в них «подразумевалось» его право изыскивать способы оплаты долгов и пополнения своей казны. И если для этого не годились одни средства, можно было изобрести любые другие. Попытка Мэдисона «широко толковать» конституцию не произвела, однако, никакого впечатления на делегатов. А занявший в 1783 г. в конгрессе место депутата от Нью-Йорка А. Гамильтон не видел проку в «широком толковании» «Статей» и предлагал просто переписать их с федералистских позиций.

Годы пребывания Мэдисона в Филадельфии, давшие ему возможность взглянуть на американские проблемы из «окон центрального правительства», конечно, в немалой степени способствовали преодолению им привязанности к узким местническим интересам. Однако его все укреплявшееся желание спасти конфедерацию, пожертвовав интересами родного штата, как раз и не устраивало виргинскую легислатуру, делегировавшую Мэдисона в конгресс. Это обстоятельство не в последнюю очередь объясняет, почему 1783 г. стал последним годом его пребывания в Филадельфии…

Мэдисон возвращался домой осенью 1783 г. в самом дурном настроении. К неудачам на политическом поприще добавилась личная драма. Еще весной 1782 г. у него завязался роман с дочерью одного из род-айлендских делегатов, прехорошенькой 15-летней Китти Флойд. Намерения у Мэдисона были самые серьезные. Весной 1783 г. он проводил семейство Флойдов в Род-Айленд, надеясь вскоре и сам прибыть туда для помолвки. Первое сообщение от Флойдов было получено им в августе. Из письма явствовало, что Китти только что обручилась с 19-летним студентом-медиком. Мэдисон, роман которого протекал на глазах всего конгресса, нелегко справился с таким ударом, хотя и сохранил надежду на «более милостивый взгляд судьбы».

Впрочем, Мэдисон ненадолго задержался в родовом имении. Вне политики он уже не мыслил своего существования и на ближайших же выборах в виргинскую ассамблею весной 1784 г. предпринял удачную попытку баллотироваться в число се депутатов. Историческое развитие США после заключения в 1783 г. мира с Англией вступало в новую фазу. Федералистское движение, с которым Мэдисон, как казалось ему, прочно связал судьбу, продолжало набирать силу. Как и прежде, оно развивалось под воздействием сложного комплекса

внешнеполитических, экономических и социальных проблем. Но в послевоенные годы на его эволюцию все большее влияние оказывали резко обострившиеся в стране социальные противоречия.

В 1784–1786 гг. Мэдисон в отличие от многих других виргинских политиков проявлял острый интерес не только к проблемам плантаторского класса, но и к послевоенным трудностям северо-восточной буржуазии. Его тревожили сообщения о том, что после заключения мира английские суда вновь заполонили американские порты, а всемогущие торговые дома бывшей метрополии проявляли намерение монополизировать вывоз и ввоз всех товаров. Путь к этому расчищала несогласованность действий, взаимная зависть и вражда штатов. Так, в то время как Массачусетс, Нью-Йорк, Пенсильвания попытались ограничить английскую конкуренцию высокими протекционистскими пошлинами, Коннектикут, Нью-Джерси, Делавэр свели их усилия на нет, объявив свои порты открытыми для всех судов. До Мэдисона докатывались слухи, что бостонцы, отчаявшись преодолеть английскую конкуренцию при помощи экономических санкций, расстреляли и потопили вошедшие в их порт три британских торговых судна.

Мэдисон искренне сочувствовал «северным братьям» и одновременно возмущался действиями виргинских плантаторов, перевозивших свой табак и хлопок не на американских, а на английских судах, потому что так выходило дешевле. Он призывал плантаторов руководствоваться в этом вопросе не голым экономическим расчетом, а патриотическими соображениями и перечислять деньги за перевозку табака и хлопка «нашим братьям, а не тем, кто еще не заслужил права называться друзьями». В послевоенные годы Мэдисон решительно присягает на верность принципам меркантилизма, сомкнувшись и в этом вопросе с северо-восточными федералистами. Фритредерство, писал он в 1785 г. Джефферсону, является лучшей системой в теории, но для США в сложившихся условиях оно было бы равносильно экономическому порабощению со стороны Англии[141].

У виргинцев были и свои мотивы для того, чтобы добиваться проведения централизованной жесткой экономической политики в отношении Англии. Одно из условий договора о мире поставило перед ними проблему выплаты довоенных долгов английским банкирам. Плантаторы, однако, не только не смогли рассчитаться с ними, но все больше увязали в долговой кабале от Англии. Виргинцы хотели опереться на сильное центральное правительство и в споре за право судоходства в низовьях

Миссисипи с Испанией; Мэдисон сделал все возможное, чтобы использовать эти интересы Виргинии для достижения целей федералистов. В ноябре 1785 г. ему и его сторонникам в местной ассамблее удалось преодолеть сопротивление П. Генри и Р. Г. Ли и провести резолюцию, призывавшую «наделить конгресс правом регулирования торговли». Для вынесения коллективного мнения штатов по этому вопросу было договорено собрать съезд их представителей в Аннаполисе в сентябре 1786 г.

В Аннаполис к величайшему огорчению федералистов явились представители только пяти штатов. Они пришли к соглашению о подготовке конвента всех штатов для внесения необходимых поправок в «Статьи конфедерации». Сам конвент решили созвать в мае 1787 г. в Филадельфии.

Конвент в Филадельфии завершился настоящим триумфом для федералистов. Трудно сказать, как обернулись бы дела, не случись осенью 1786 — зимой 1787 г. восстание под руководством Даниэля Шейса в Массачусетсе. Федералисты извлекли из него важные аргументы в борьбе за умы тех лидеров буржуазно-плантаторских кругов, которые еще колебались и сомневались в вопросе о необходимости резкого расширения прерогатив центрального правительства. Мэдисон при этом сделал больше всех других федералистов для того, чтобы заручиться поддержкой со стороны Дж. Вашингтона, который еще осенью 1780 г. не мог решить, стоит ли поездка в Филадельфию времени и средств.

Весной 1787 г. Мэдисон, находившийся тогда в Нью-Йорке и бывший в тесном контакте с местными федералистами во главе с Гамильтоном, слал письмо за письмом Вашингтону, Дж. Монро и Э. Рандольфу (последний не видел необходимости в радикальном пересмотре «Статей конфедерации», но от его мнения, по словам Мэдисона, зависела позиция всей Виргинии). В этих письмах были резко преувеличены масштабы восстания Шейса, дана более радикальная окраска его целей (в намерения восставших Мэдисон включал «уничтожение общественных и частных долгов и перераспределение собственности»), раздута опасность для республики монархических настроений, получивших распространение в штатах Новой Англии. Мэдисон заклинал Вашингтона возглавить конвент в Филадельфии, чтобы спасти государство от натиска демократии и монархической опасности[142]. Безусловно, северо-восточные федералисты должны были быть премного благодарны Мэдисону за то, что он сомкнул их с Югом, и за то, что влиятельнейшие виргинские политики явились в мае в Филадельфию. Сам же Мэдисон весной 1787 г. разработал и подробнейший план пересмотра «Статей

конфедерации».

Конвент в Филадельфии, заседавший с мая по сентябрь 1787 г., был собранием единомышленников. В новой конституции они не только хотели закрепить за федеральным правительством высшую исполнительную, законодательную и судебную власть в стране, но и намеревались преодолеть пороки, свойственные всему государственно-правовому законодательству революции и заключавшиеся, по их мнению, в чрезмерной демократичности большинства местных конституций. Немногие делегаты конвента противились этому. Самым решительным среди них был Дж. Мэйсон, но выступления его чаще всего оказывались гласом вопиющего в пустыне. Зато как внимали участники конвента мнениям его земляка Мэдисона! Мэйсон мог сетовать на судьбу — человек, которого он без труда отодвинул на вторые роли, когда участвовал с ним в 1776 г. в комиссии по составлению виргинской декларации прав и конституции, теперь поучал его, как нужно понимать демократию, республиканизм, «разделение» и «взаимоограничение и равновесие властей».

Мэдисон явно брался дирижировать ходом конвента. Определенные основания у него на это имелись. Дело было не только в его авторитете (у Вашингтона он был больше), но прежде всего в том, что в теоретическом отношении он осознавал цели конвента гораздо полнее и четче, нежели большинство его участников. В отличие от многих делегатов, приводивших свои мысли в порядок по пути на трибуну, он задолго до конвента четко обосновал и свел воедино свои концепции.

На конвенте Мэдисон первым со всей решительностью заявил, что при разработке конституции необходимо исходить из наличия глубоких социальных различии и противоречии в американском обществе. Суждения Мэдисона о социальной организации общества, получившие уже тогда широкое распространение и известные среди историков как доктрина о фракциях и фракционной борьбе (сам Мэдисон употреблял название «классы»[143]), оформились именно в 1787 г. В его теоретических набросках, относящихся к марту — апрелю того года, говорится о множестве фракций. Здесь налицо полное смешение социальных, политических и религиозных различии в обществе (под обществом понималось только белое население). Но в выступлениях на конвенте и в статьях «Федералиста» он уже выделял только две фракции — «меньшинство» и «большинство» общества, а «неуничтожимой основой» такого разделения объявлял «неравное распределение собственности»[144]. Противоречия между фракциями приводили, по Мэдисону, к созданию государства. Главной ошибкой авторов многих

конституций штатов было, на его взгляд, то, что они исходили из ложных предположений о социальной однородности американского общества, не смогли выделить фракцию наиболее зажиточного «меньшинства» и не сумели представить должным образом ее интересы в системе государственной власти.

Суждения Мэдисона, а также других федералистов (Гамильтона, Дж. Адамса) о фракциях и фракционной борьбе не отличались оригинальностью. В XVII–XVIII вв. материалистические представления о причинах социальных различий в обществе и социальных истоках образования государственной власти пробивались время от времени сквозь толщу господствовавших тогда рационалистических социологических схем. Особенно яркими вспышки материалистического сознания были в периоды революций. Федералистская концепция о фракциях и фракционной борьбе была отражением обострения экономических различий и социальных противоречий в штатах в ходе Американской революции. Материалистический ее характер не следует преувеличивать, ибо Мэдисон и другие сторонники концепции социальных фракций опирались не на какой-то глубокий научный метод, а основывались на простых наблюдениях и интуиции.

Первым средством защиты интересов имущих, согласно Мэдисону, являлось наделение фракции меньшинства правом отдельного представительства своих интересов в законодательном собрании. Функция представительства интересов собственности закреплялась им за сенатом, верхней палатой законодательной власти. Сенат, подчеркивал Мэдисон, должен обладать совершенно отличной природой от палаты представителей. Государственная власть в целом, повторял он широко распространенную в буржуазной идеологии со времен Локка идею, создавалась для защиты «естественных прав» человека на жизнь, свободу, частную собственность. Но сенату предназначалось заботиться специально о защите права на частную собственность, представлять «богатство нации».

Большинство верхних палат законодательных собраний штатов, в том числе и виргинского, с точки зрения Мэдисона, не могли служить образцом для национального сената, так как почти не отличались от нижних палат, имели с ними общие функции, были слишком многочисленны и переизбирались чересчур часто[145]. Определение конвентом в Филадельфии сроков полномочий и количества сенаторов отвечало взглядам Мэдисона: национальный сенат должен был состоять из 26 человек (2 делегата от каждого из 13 штатов) и избираться сроком на 6 лет. Так, срок полномочий национального сената

стал в два-три раза продолжительнее сроков полномочий большинства верхних палат легислатур штатов, а числом депутатов он оказался меньше некоторых сенатов штатов. Сенату были приданы более широкие функции, нежели палате представителей, только он, например, мог давать «совет и согласие» президенту по вопросам формирования невыборного государственного аппарата и заключения мирных договоров.

Забота об интересах буржуазно-плантаторской верхушки вполне сочеталась у Мэдисона с признанием народного суверенитета и «народного соглашения» в качестве основы государственной власти. Отношение к народному суверенитету в эту эпоху в США являлось главным показателем отношения к политической демократии. В связи с этим напрашивается вопрос: можно ли считать Мэдисона демократом (конечно, по меркам и понятиям его времени)?

Большинство участников конвента в Филадельфии судило о демократии резко отрицательно. Под демократией при этом понималось в первую очередь наделение избирательным правом малоимущих слоев белых американцев, которых Мэдисон и зачислил в фракцию «большинства» общества. Другими чертами демократии объявлялись исключительно государственно-правовые принципы: «разделение» властей, их «взаимоограничение и равновесие» и т. д. Большинство делегатов утверждали, что революция и конституции штатов дали слишком большой простор демократии, что выразилось и в чрезмерном росте числа голосующих американцев, опасном расширении рамок «народного соглашения».

Мэдисон же доказывал, что демократическое представительство, как оно сложилось в США, должно быть сохранено. Он решительно возразил против настойчивых попыток ряда делегатов осудить расширение в большинстве штатов избирательного права и восстановить в федеральной конституции имущественный ценз, существовавший до революции. Размышляя об избирательном праве, он выступал в роли опытного архитектора, рассчитывающего, сколько демократии — не больше и не меньше — нужно подвести в качестве фундамента под буржуазно-плантаторскую государственную власть, чтобы обеспечить ей поддержку белого населения США. Этот расчет приводил его к принятию того избирательного права, которое складывалось в США на протяжении уже 11 лет. Мэдисон предпочитал подчинять демократию интересам буржуазно-плантаторского меньшинства не за счет ограничения избирательного права или отмены, скажем, «разделения властей», а иными способами.

Одним из этих способов было, как мы уже говорили, изменение распространенной в штатах организации законодательной власти с целью усиления роли сената и расширения консервативных черт в его устройстве. Другой способ Мэдисон видел в пересмотре закрепленной конституциями штатов формулы «разделения властей», приведшей к возрастанию роли легислатуры, в направлении максимального усиления исполнительной власти. Как и другие федералисты, Мэдисон подверг резкой критике лишение большинством конституций штатов исполнительной власти ее традиционных прерогатив и передачу их законодательной власти, которая почиталась как более близкая к избирателям (во всех штатах губернаторы были лишены права вето, лишены или делили с легислатурой право формирования невыборного аппарата государства и т. д.). В федеральной конституции этот, с точки зрения Мэдисона и других ее авторов, порок государственных устройств штатов был устранен.

Возвышая исполнительную власть над законодательной, Мэдисон и другие федералисты одновременно стремились превратить ее в такой же орган стабильного и твердого политического курса, что и сенат. Мэдисон критиковал создание многими конституциями штатов исполнительных советов, что вело к замене единоличной исполнительной власти колониальных времен отправлением ее на коллегиальных началах, отрицал практику частых перевыборов губернатора (в девяти штатах они переизбирались ежегодно), решительно протестовал против избрания губернаторов многих штатов законодательными ассамблеями. Такой организации исполнительной власти он и другие авторы федеральной конституции противопоставили формулу «единой и неделимой» исполнительной власти, что означало наделение ею во всей полноте одного лица — президента. Мэдисон был, однако, против пожизненного избрания президента, за которое ратовали А. Гамильтон, Дж. Дикинсон, Г. Моррис и др. Он предлагал установить семилетний срок президентских полномочий (конвент в конце концов определил его в четыре года)[146]. Республика объявлялась им единственной формой государственного устройства, приемлемой в США.

Мэдисон не был единственным автором американской конституции, как не был им никто из участников конвента. Но его роль в ее теоретическом обосновании и разработке многих конкретных положений была огромной. Представляется, что он по праву назван в своей стране «философом американской конституции». Признанным лидером федералистов возвращался

Мэдисон с Конституционного конвента в Виргинию осенью 1787 г. Кто мог тогда предположить, что судьба его уже через несколько лет столь круто переменится и он будет открещиваться от федерализма как от сатанинской силы!

Разрыв с Гамильтоном и союз с Джефферсоном

После конвента в Филадельфии все усилия Мэдисона были направлены на то, чтобы добиться ратификации конституции в родном штате. Виргинским федералистам сопутствовал успех, хотя для его достижения пришлось преодолеть сопротивление мощной оппозиционной группировки во главе с популярными политическими деятелями П. Генри и Р. Г. Ли. Противники Мэдисона отомстили ему тем, что прокатили глашатая федералистов на первых выборах в американский сенат. Ему пришлось удовлетвориться нижней палатой конгресса США.

Мэдисон явился на первую сессию американского конгресса в Нью-Йорк весной 1789 г. 23 апреля туда прибыл и первый президент США Джордж Вашингтон. Через неделю он был приведен к присяге и обратился к конгрессу с посланием. Палата представителей и сенат, подражая английским традициям, в свою очередь подготовили адрес на «обращение с трона». Это потребовало ответа Вашингтона. Все три документа были составлены одним человеком — Мэдисоном. Политические симпатии Мэдисона еще всецело принадлежали федерализму. По злой иронии судьбы федералистским начинаниям Мэдисона в палате представителей противостояли в сенате — органе, с которым он связывал столько надежд, — лидеры виргинских антифедералистов Р. Г. Ли и У. Грэйсон.

В начале своей деятельности в конгрессе Мэдисон выступил с одним очень важным демократическим начинанием: 8 июня 1789 г. он внес на рассмотрение американских законодателей проект дополнения федеральной конституции биллем о правах. Проект Мэдисона основывался на биллях о правах, имевшихся в конституциях штатов и включавших в себя перечень ряда буржуазно-демократических свобод — слова, печати, собраний, вероисповедания и некоторых других.

Провозглашение билля о правах не входило в планы участников конвента в Филадельфии. Но в ходе ратификации конституции почти половина штатов согласилась одобрить ее лишь при том условии, что она в ближайшее время будет дополнена биллем о правах. Интуиция и расчет топкого политического стратега подсказали Мэдисону, что билль о правах должен стать еще одной уступкой демократии, без которой невозможно обеспечить должную прочность детищу филадельфийского конвента. Он же рассчитал, что в

федеральном билле о правах можно отразить только те положения, которые уже имелись в конституциях штатов, и не включать в него новые предложения, высказанные на многих ратификационных конвентах. Их и не было в его проекте, зачитанном в конгрессе 8 июня 1789 г.[147]

С 1790 г. меняется политическая позиция Мэдисона. В центре внимания конгресса с первых дней оказались планы Гамильтона. Гамильтон предполагал, что антифедералисты и южане выступят против. Но он не поверил своим глазам, когда увидел во главе оппозиции Мэдисона.

Гамильтон так никогда и не смог разобраться в причинах «предательства» человека, с которым он готовил конвент в Филадельфии, писал статьи «Федералиста», защищавшие новую конституцию. В 1792 г. он писал Э. Каррингтону, что, заступая в должность министра, был «абсолютно уверен» в «полной поддержке Мэдисоном» основных направлений его политики, что в противном случае, «сознавая силу влияния Мэдисона», не согласился бы взвалить на себя это бремя[148]. Мэдисон же не вдавался в анализ причин расхождения между ними.

Полного единства взглядов между Мэдисоном и Гамильтоном не было, собственно, и на конвенте в Филадельфии. Лидеру южных федералистов было чуждо столь нетерпимое отношение к политической демократии, которое характеризовало нью-йоркского федералиста. Но подлинная причина разрыва между ними заключалась во внутренней противоречивости буржуазно-плантаторского блока, разные группировки которого представляли Гамильтон и Мэдисон.

Буржуазно-плантаторский блок, оформившийся на почве антиколониальной борьбы, достиг наибольшей прочности в год принятия федеральной конституции, означавшей закрепление в стране политической власти двух господствующих классов США. Но единство двух классов, обладавших разными интересами, не имело исторической перспективы. Оно стало давать трещину, как только к началу 90-х годов была достигнута некоторая стабилизация внутриполитического и международного положения США. Федерализм образца 1787 г. начал рушиться, а приход к кормилу экономической власти в стране неспособного на компромиссы Гамильтона благоприятствовал стремительному обуржуазивайте федералистских целей. Подобная их трансформация и оказалась неприемлемой для Мэдисона.

Мэдисон восстал уже против первого из серии экономических мероприятий, предложенных министром финансов, — оплаты федеральным правительством по нарицательной стоимости всех государственных долгов США. В 1783 г. он согласился с

аналогичным предложением, исходившим тогда от Р. Морриса. Семь лет спустя он изменил свое мнение по этому вопросу по двум причинам. За эти годы огромная часть долговых обязательств Континентального конгресса — солдатских сертификатов — попала из рук первоначальных владельцев к скупившим их за бесценок финансистам. В те же годы правительство Виргинии сумело почти наполовину расплатиться со своими внутренними долгами, в то время как в ряде других штатов решение этого вопроса едва сдвинулось с мертвой точки. Гамильтон требовал, чтобы федеральное правительство приняло на себя долговые обязательства и Континентального конгресса, и властей штатов. Одобрение плана Гамильтона означало в случае с Виргинией, что налогоплательщики-плантаторы должны будут способствовать прямому обогащению финансовой буржуазии, во-первых, и раскошелиться ради неплатежеспособных штатов, во-вторых. Такая жертва со стороны плантаторов оказалась чрезмерной даже для благожелательно настроенного в отношении «северных братьев» Мэдисона.

Не принял Мэдисон и проекта Гамильтона о создании Национального банка, сулившего выгоду только северо-восточным финансистам. Круг противоречий между министром финансов и влиятельным виргинским политиком все более расширялся. В борьбе с нововведениями Гамильтона Мэдисон обращается к «узкому» толкованию конституции 1787 г., пытаясь показать, что федеральное правительство, потворствуя планам министра финансов, присваивает себе полномочия, не предусмотренные его создателями. Мэдисон пытается найти и находит поддержку у других государственных деятелей. С 1790 г. его стали все чаще видеть в компании его земляка и соседа (их поместья находились в 30 милях друг от друга), признанного лидера антигамильтоновской группировки Т, Джефферсона.

С выходом Джефферсона в отставку с поста государственного секретаря в последний день 1793 г. Мэдисон стал единоличным лидером антигамильтоновской оппозиции. Используемые им методы борьбы с министром финансов сделались еще более изощренными. Предложив конгрессу в 1794 г. билль об увеличении пошлин на крупнотоннажные суда стран, с которыми США не имели торговых договоров (удар был направлен против Англии), Мэдисон использовал аргументы, предназначенные для внесения раскола в ряды северо-восточной буржуазии. Пора покончить с господством английских кораблей и купцов во внешней торговле США, говорил он. Отстранение от участия во внешней торговле США крупнотоннажных английских судов, тут же сокрушался Мэдисон, на время сократит экспорт хлопка

южными штатами. Но они, патетически заканчивал свое обращение виргинский политик, готовы пойти на эти жертвы ради «северных братьев».

Гамильтон не устранялся от словесной дуэли с Мэдисоном, но надеялся больше на закулисные методы борьбы. В 1794 г. обработанный им эмиссар американского правительства в Англии верховный судья Джей привез оттуда торговый договор с бывшей метрополией. Этот удар истощил силы Мэдисона и вслед за Джефферсоном он капитулировал перед министром финансов.

На этот раз Мэдисон возвращался в Монпелье не один, как бывало прежде. В 1794 г. он женился на Долли Пейн, вдове пенсильванского адвоката. Долли была на 17 лет моложе своего второго супруга, но как выяснилось позже, смогла быть ему блестящей советчицей во всех, в том числе и политических, вопросах. Брак был удачен, и Мэдисон, умиротворенный долгожданным семейным счастьем, надолго обосновался в родовом имении. (Джефферсон в эти годы высказал опасение, как бы семейная идиллия вовсе не отлучила его партнера от политики.)

Однако спокойная жизнь Мэдисона в имении кончилась по получении им в 1798 г. сообщения о том, что федералисты провели в конгрессе сразу несколько законов, направленных против сторонников союза с Францией. Мэдисон, которого еще в бытность его членом палаты представителей противники клеймили как «подкупленного агента Франции с 1778 г.», отреагировал без промедления. Он и Джефферсон подготовили — первый для виргинской ассамблеи, а второй для кентуккской — резолюции, в которых федералистские акты объявлялись вне закона, как попирающие билль о правах. Так Мэдисон вновь активно включился в политическую жизнь. А через два года, когда республиканцы добились первой победы на президентских выборах, Мэдисон по заранее достигнутой договоренности с новым главой правительства США Джефферсоном, занял кресло руководителя государственного департамента.

Противоречия по вопросу внешнеполитической ориентации между федералистами и сменившими их у власти в 1801 г. республиканцами уже на протяжении многих лет возводились во главу угла в пропагандистских выступлениях лидеров двух партий. В конце концов в обиходе федералистов и республиканцев стали различать как английскую и французскую партии. Предшественнику Т. Джефферсона на президентском посту федералисту Дж. Адамсу, казалось, доставляло особое удовлетворение разжигать в стране антифранцузскую истерию. В 1797 г. федералисты разнесли по всей стране историю о том, как

надсмеялся над высокопоставленными американцами французский министр иностранных дел. (Князь Талейран через своих чиновников грубо намекнул, что американцы будут бесплодно обивать пороги его учреждения до тех пор, пока он не получит взятку для себя лично, а для Франции необходимую сумму займа.) В следующем году федералистское правительство объявило о прекращении торговли с Францией, отказалось от договора 1778 г.

Пропагандистские обоймы пришедшей к власти республиканской партии были набиты фразами о моральных обязательствах перед Францией, необходимости крепить самую тесную и сердечную дружбу с заокеанской «сестрой», не искать в отношениях с ней никакой корысти. Казалось, эти принципы и должны были определить резко расширившиеся после победы республиканцев контакты США с Францией. Судьбе, однако, было угодно устроить им самое серьезное испытание на прочность. Противоречия между двумя европейскими «сверхдержавами», Англией и Францией, достигли в начале XIX в. такой остроты, что перед молодым североамериканским государством возник искус извлечь из них для себя пользу. Джефферсон и Мэдисон попытались затеять через свой внешнеполитический аппарат такой торг с нуждавшейся в финансовых средствах Францией, который сделал республиканцев вполне достойными партнерами Талейрана.

Едва Джефферсон и Мэдисон успели занять высшие государственные посты, как в США узнали о том, что Испания по тайному договору передала Франции свою североамериканскую колонию Луизиану. Франции отошел и Новый Орлеан, ключевой порт в верховьях Миссисипи, реки, значение которой, как отмечал Мэдисон, заключалось в том, что в нее вливались «Гудзон, Потомак, Делавэр и все другие судоходные реки приатлантических штатов». Формула Джефферсона о том, что владелец Нового Орлеана является «естественным и неизменным врагом США», оборачивалась теперь против Франции. В докладе Мэдисона конгрессу говорилось, что Луизиана, Новый Орлеан и Флорида «должны посредством купли или завоевания стать частью США». А в инструкциях государственного секретаря американскому представителю во Франции Р. Ливингстону и посланному ему на помощь в 1803 г. талантливому дипломату Дж. Монро предписывалось добиваться для США как минимум свободного судоходства на Миссисипи. В случае же неудачи посланники США должны были пересечь Ла-Манш и вести переговоры уже с английским правительством[149].

Американцам на переговорах в Париже сопутствовал успех,

превзошедший все ожидания Джефферсона и Мэдисона. Наполеон Бонапарт за 80 млн. фр. продал им всю Луизиану, в результате чего территория США увеличилась почти вдвое. Причиной успеха, впрочем, были не дипломатические способности Ливингстона и Монро, в крайне обострившиеся в тот момент внешнеполитические и финансовые затруднения наполеоновской Франции.

После того как в 1802 г. французская армия во главе с Леклерком потерпела поражение в Сан-Доминго, а посланный ей на помощь глубокой осенью корпус генерала Виктора не смог выйти из скованных льдом европейских портов, рухнули колониальные замыслы Франции в Америке. А возвратиться к ним весной 1803 г. не было возможности, ибо как раз в это время возобновились военные действия с Англией. Советники Бонапарта, щедро одаренные американцами, нашептывали своему господину, что Франция нуждается не в луизианских пустынях, а в деньгах на ведение войны в Европе. Первый консул внял им. Талейрану же, не получившему от американцев взяток и умолявшему Бонапарта не разрушать создаваемую с таким трудом империю, было внушено, что Франция не станет слабее от продажи испанской колонии. Раздосадованный князь в ответ на запрос американцев о точных границах купленной ими территории не нашел ничего лучшего, как съязвить: «Вы добились для себя великолепных условий, и, я полагаю, сумеете извлечь из них наибольшую выгоду».

Республиканские лидеры решили вопрос о точных размерах территориального приобретения в мгновение ока. Они объявили, что Испания, передав Франции права на Луизиану, не могла одновременно не потерять прав и на всю Флориду и что, следовательно, американцы должны по праву стать хозяевами обеих областей.

Во второй половине 800-х годов выяснилось, что у США было все же явно недостаточно сил для того, чтобы играть роль «смеющегося третьего» в взаимоотношениях с Францией и Англией. В 1806–1807 гг. были объявлены декреты Наполеона, в которых судам всех стран, в том числе и нейтральных, запрещалось под угрозой захвата и конфискации их Францией заходить в английские порты. В указах Англии, принятых после провозглашения Наполеоном континентальной блокады, судам нейтральных стран, ведущих торговлю с Францией и ее союзниками, предписывалось заходить в английские порты и вносить пошлину. Французские декреты и английские указы в равной степени отрицали суверенные права США как нейтральной державы. Но репрессивные меры Англии были для

США особенно чувствительны и оскорбительны. Великобритания, упрочившая свое военно-морское господство после разгрома в 1805 г. французского флота под Трафальгаром, могла захватывать американские суда в любой точке океанских путей, в то время как французы были в состоянии контролировать только европейские порты. Как настоящее надругательство над национальным флагом США воспринимались обыски англичанами американских судов с целью поимки и наказания так называемых «дезертиров» — американских моряков английского происхождения.

Мэдисон в свою бытность государственным секретарем уделил немало времени теоретическим штудиям, намереваясь обличить нарушения национального суверенитета США и морских прав нейтральных государств англичанами. Он пытался доказать, что арест любого пассажира или члена экипажа судов нейтральных стран за исключением военного персонала воюющих стран является нарушением норм международного права. Интерес государственного секретаря к этому вопросу еще более усилился после того, как в специальной докладной записке министра финансов Галлатина было сообщено, что экипажи торговых судов США насчитывают 9 тыс. бывших граждан Англии — почти половину их наиболее опытного и подготовленного состава.

Ни долгие беседы Мэдисона с английским посланником, ни его памфлеты о правах нейтральных стран, ни усилия американских дипломатов в Лондоне не возымели никакого действия на Вестминстер. Чашу терпения американцев переполнил обыск англичанами в 1807 г. американского торгового судна «Чесапик». Англичане сняли с корабля, который принадлежал правительству США, четырех матросов. Антианглийские настроения среди американцев достигли после этого своего пика. Действия королевского военного флота сравнивали с провокацией солдат «его величества» при Лексингтоне в 1775 г., а дух мщения среди американцев был так же силен, как и у их соотечественников в тот первый год войны за независимость. Правительство США, однако, не разделяло столь крайних настроений. Как сообщил Талейрану французский посланник в Вашингтоне, «президент не хочет войны», а «господин Мэдисон боится ее как никогда». По получении в декабре 1807 г. известия о новом указе Англии об ограничении торговых прав нейтральных стран республиканская администрация решилась на попытку заставить воюющие государства уважать свой суверенитет посредством «мирного принуждения». Джефферсон набросал, Мэдисон доработал, а конгресс одобрил билль об эмбарго на всю американскую

внешнюю торговлю. Предполагалось, что ни Англия, ни Франция не смогут обойтись без нее и скоро откажутся от репрессивной политики по крайней мере в отношении одной нейтральной страны — США. Последовавшие вслед за этим события приняли, однако, совсем иной, крайне драматический оборот. Главные из них развернулись уже в годы президентства Мэдисона.

Крушение иллюзий

В 1808 г. Мэдисон был избран президентом страны (в 1812 г. переизбран в этой должности). Среди проблем, доставшихся в наследство его администрации, самыми сложными считались внешнеполитические, с которыми Мэдисон был знаком как раз лучше всего.

Все видели в Мэдисоне преемника внешнеполитической линии Джефферсона, но, когда в 1812 г. была объявлена война Англии — между двумя политическими деятелями стали проводить различие. Постепенно складывалась легенда о президенте Джефферсоне, умевшем сохранить для США мир, и президенте Мэдисоне, втянувшем страну в войну. Англо-американскую войну 1812–1815 гг. с самого начала стали называть «войной господина Мэдисона». А раскрывшаяся в ходе войны неподготовленность к ней США, крупные стратегические и тактические просчеты американского военного командования еще больше усугубили «вину» Мэдисона в сознании многих его соотечественников разных поколений. Такое восприятие роли Мэдисона в развитии событий тех лет основывалось на отрицательном отношении его критиков к самой войне против Англии.

Негативно настроенные в отношении войны 1812 г. американские современники Мэдисона выражали мнение тех торгово-промышленных кругов северо-восточных штатов, которые дорожили выгодами своих экономических связей с Англией и готовы были ради них смириться с грубыми нарушениями Лондоном суверенных прав США.

Когда Мэдисон вступил в президентскую должность, было уже совершенно ясно, что США, отказываясь от торговых связей с Европой, причиняют не столько ущерб Англии и Франции, сколько затягивают петлю на собственной шее. Американские судовладельцы и купцы стали открыто протестовать против всеобщего эмбарго сразу, как только оно было провозглашено в конце 1807 г., и Джефферсон отменил непопулярную в Соединенных Штатах и обременительную для них самих меру за три дня до передачи власти Мэдисону. Мэдисон обратился, как ему казалось, к более тонким средствам борьбы за морские права США. Закон 1810 г. объявлял торговлю США открытой со всеми странами, но закреплял за президентом право накладывать эмбарго на связи с одной из воюющих держав, если она не прекратит нарушение морских прав США после того, как их станет уважать противоположная сторона.

Правительство Франции очень быстро сообразило, как можно извлечь для себя пользу из этого закона. Мэдисону сообщили, что Наполеон согласен отменить все ограничительные акты в отношении американской торговли, и президент США, не дожидаясь подтверждения этого сообщения по дипломатическим каналам, объявил о прекращении экономических связей с Англией с начала 1811 г.[150] После этого отношения Англии и США на море еще более обострились. А официального подтверждения указа Наполеона о признании морских прав США все не поступало. Как выяснилось вскоре, его вообще не существовало. Выдержав необходимую паузу, чтобы получше усыпить бдительность американцев, французы стали с еще большим рвением, чем раньше, захватывать суда государства, сыгравшего на руку наполеоновской политике континентальной блокады.

Вероломство Наполеона нельзя, конечно, сбрасывать со счетов при рассмотрении конкретных причин обострения к 1812 г. англо-американских противоречий. Одну из таких причин надо видеть в антианглийской позиции самого Мэдисона. Характерно, что еще в 1808 г. в частном письме он утверждал, что, если Англия не будет соблюдать морские права США после отмены эмбарго, «война с ней станет неизбежной»[151]. Аналогичных суждений по поводу перспектив отношений с Францией он не высказывал. Президент США любил показывать, что Англия нарушает права американцев гораздо чаще, чем Франция, что действия Лондона в гораздо большей степени оскорбляли национальное достоинство Соединенных Штатов и что именно на Великобритании лежал «первородный грех» ущемления суверенитета США. Но причины войны 1812 г., конечно, не сводятся к антианглийским настроениям Мэдисона. Они кроются в коренных противоречиях между Англией и США как на море, так и на суше, противоречиях, достигших максимальной остроты именно в 1810–1812 гг.

Одна из этих причин заключалась, как мы уже говорили, в беспрестанных и грубейших нарушениях Англией суверенных прав Соединенных Штатов, стремлении подавить их экономическую и политическую самостоятельность. Британская империя никак не могла смириться с потерей своих североамериканских владений, и США суждено было в споре с бывшей метрополией еще раз доказать свое право на независимое существование. Июньское послание Мэдисона конгрессу в 1812 г. с предложением об объявлении войны Англии как раз и представляло собою перечень покушений Лондона на торговые и морские права США. Ни в послании, ни в иных официальных

документах не получила огласки еще одна причина войны 1812 г. Она заключалась в экспансионистских притязаниях Америки на территории к югу и к северо-западу от ее границ.

В начале XIX в. многие в США были заражены экспансионистскими идеями. Для их произрастания в этой стране существовала благоприятная почва: для колонизации был открыт весь североамериканский континент, а его коренное население не могло оказать серьезного сопротивления[152]. На протяжении своей истории США периодически «созревали» для поглощения очередной новой территории. У экспансионистов 1812 г. на уме и на языке были две такие территории: Флорида и Канада. С 1810 г. в конгрессе США сложилась фракция «военных республиканцев», или «военных ястребов», которую возглавляли Г. Клей из Кентукки и Д. Кэлхун из Южной Каролины. Их единодушие олицетворяло сделку между западными и южными штатами, которые нацелились: первые — на захват Канады, а вторые — Флориды.

Флорида принадлежала Испании, но фактически экспансионистским планам американцев на Юге противостояло не это предельно ослабленное наполеоновским вторжением государство, а его могущественная союзница Англия. В США опасались, что Испания может вообще со дня на день передать Флориду Англии. Не только на юге, но и на западе путь к экспансии лежал через войну с Англией. Для продвижения на запад американцам нужно было истреблять и «отбрасывать» индейские племена. Вождь индейцев «разящая звезда» Текумсе сумел, однако, к концу 800-х годов благодаря поддержке английской Канады, а также своему умению объединить разрозненные племена успешно противостоять натиску американских поселенцев. Американцы сделали для себя тот вывод, что для успешного захвата индейских территорий в будущем нужно предварительно выбить англичан из Канады. В 1811–1812 гг. лидеры экспансионистов в конгрессе в один голос требовали от Мэдисона объявить войну Англии.

В XIX в. в американской историографии был распространен образ Мэдисона-пацифиста, противника экспансионистских планов и войны с Англией. Широкую огласку имела версия федералистов о том, что «военные ястребы» во главе с Клеем и Кэлхуном вырвали у Мэдисона обещание объявить войну Англии, угрожая в противном случае выдвинуть другого кандидата от республиканской партии на президентских выборах 1812 г. (версия эта на самом деле оказалась фикцией). Патриарх американской историографии Д. Банкрофт из беседы с Мэдисоном в 1836 г. вынес убеждение, что тот был «сторонником

мира», но Англия не оставила ему другого выбора, кроме как объявления войны. Миф о «голубе» Мэдисоне не выдержал, однако, испытания временем.

Мы уже говорили, о том, как непримиримо относился Мэдисон к нарушению Англией морских и торговых прав США. Возмущался он и попытками Англии оградить экспансионистские устремления населения Юга и Запада. В 1810 г., как только предоставился подходящий случай, Мэдисон проявил инициативу и убедил кабинет в необходимости аннексии Западной Флориды. В секретном послании конгрессу он указывал, что США не могут ждать, пока Испания передаст Флориду Англии, что нужно действовать без промедления и что конгресс поступит мудро, если наделит исполнительную власть правом аннексии «части или нескольких частей названной территории».

Мэдисон поддерживал экспансию, поскольку она отвечала интересам плантаторского класса, соответствовала устремлениям широких слоев американского населения и, кроме того, была средством ослабления опасных противоречий между фракциями. Такое отношение президента к экспансии и его антианглийский настрой в целом объясняют, почему к 1812 г. Мэдисон имел «почти идентичные взгляды по вопросам внешней политики» с лидером «военных ястребов» Клеем[153]. Характерно, что министр финансов А. Галлатин высказался в преддверии президентских выборов 1812 г. в том духе, что поражение на них Мэдисона приведет к «позорному миру» с Англией и полному подчинению ей США. Конечно, война 1812 г. возникла не по воле Мэдисона, ее происхождение было обусловлено действием многих объективных факторов, но объявивший ее президент США отнюдь не поступился своими принципами и действовал не вопреки своим желаниям.

Неудачные действия США в войне 1812 г. были многократно описаны американскими историками, неудовлетворенными ее итогами. Сполна воздали за промахи и Мэдисону. Его решение объявить войну, имея под рукой не более 10 тыс. войска и не имея в казне минимальных средств для увеличения армии и ее вооружения, приравнивалось к авантюре. Один из самых опытных биографов Мэдисона, Г. Хант, обнаружил, что в его кабинете во время войны было много «посторонних людей», «неопытных и даже нелояльных политиков». Это обстоятельство, давшее не раз спать о себе в ходе войны, отягчалось еще и тем, что президент, обладавший по характеристике Кэлхуна «изысканными манерами и многими талантами», увы, «не располагал даром властвовать над людьми, столь необходимым, чтобы держать в подчинении свое окружение»[154].

Результатом этих недостатков президента была «министерская чехарда» в кабинете Мэдисона. В кресле министра финансов побывали четыре человека, беспрестанно менялись военные и морские министры, военный министр вдруг назначался министром финансов, а государственный секретарь перемещался на пост военного министра. Легко смещая с должностей многих министров, Мэдисон в то же время долго не решался уволить с поста совершавшего ошибку за ошибкой военного министра Армстронга (он оставался на своем посту даже после того, как не сумел обеспечить элементарной обороны г. Вашингтона, с ходу взятого и дотла сожженного неприятелем). Все эти факты говорят о том, что Мэдисон не соответствовал идеальному типу руководителя страны и организатора ее вооруженных сил в условиях войны. Но это вовсе не означало, что он, как утверждал Хант, вообще подходил для президентской должности меньше, чем большинство его предшественников и преемников на этом посту, ибо далеко не всем выпало столь тяжкое бремя власти.

Военные действия США в 1812 г. начались с провала вторжения в Канаду, опрокинувшего оптимистический прогноз Т. Джефферсона о том, что эта провинция падет, как только американцы войдут в нее. Дела американцев несколько поправились в 1813 — начале 1814 г., когда они осуществили ряд удачных операций на канадском фронте и на юго-западе, где было подавлено сопротивление индейских племен. Но уже с лета 1814 г. армия США перешла к обороне. После поражения Наполеона в Европе Англия высвободила огромные силы для ведения войны на Американском континенте. В последние месяцы 1814 г. Англия высадила три мощных десанта — в центре, на севере и на юге США (столицу сжег центральный десант 24–25 августа). В условиях, когда англичане контролировали и морские пути, по которым к ним прибывали новые подкрепления, положение заокеанской республики становилось все более критическим. Теперь американцам приходилось лишь надеяться на успех мирных переговоров, начавшихся в Генте 8 августа 1814 г. Мирный договор, заключенный 24 декабря 1814 г., вернул США к тому состоянию, в котором они находились перед началом войны. Ни одна из поставленных ими военных целей не была достигнута, но США должны были быть рады и тому, что им удалось сохранить прежние границы.

Годы войны с Англией ознаменовались острыми, подчас крайне драматичными коллизиями внутри страны. Мэдисон оказался первым американским президентом, столкнувшимся с реальной угрозой разрыва между Севером и Югом. Правда, во времена его правления инициатором расчленения государства

выступили не плантаторы-рабовладельцы, как это имело место позднее, в 60-х годах XIX в., а торгово-финансовая буржуазия Севера.

Буржуазные круги северо-восточных штатов, руководствуясь собственной экономической выгодой, с самого начала не приняли войны против Англии, их главного торгового партнера. Федералисты, возглавлявшие, как и во времена Гамильтона, буржуазию, развернули яростную кампанию против «французского агента» Мэдисона и республиканцев. Один из лидеров федералистов в конгрессе, Д. Уэбстер, обвинял президента в том, что он действовал по указке Наполеона. В посланиях конгрессу и в письмах к политическим единомышленникам Мэдисон постоянно жаловался на губернаторов Массачусетса и Коннектикута, отказывавшихся выделять милицейские соединения в распоряжение главнокомандующего армией США, на северо-восточных финансистов, решительно отвергавших просьбы правительства о займах, на купцов Новой Англии, продолжавших, несмотря на все запреты, вести прибыльную торговлю с противником и даже снабжавших провиантом его войска. В конце концов президент был готов отнести все неудачи США в войне на счет антипатриотических действий северян. Хотя такое объяснение было явным преувеличением, имевшим целью оправдать многие собственные ошибки и просчеты Мэдисона, но в нем заключена и определенная доля истины.

В 1814 г. федералисты все настойчивее доказывали жителям северо-восточных штатов, что единственный способ освобождения от диктатуры монстров-рабовладельцев заключался в отделении от Юга и создании собственной конфедерации. Орудием осуществления своего замысла они надеялись сделать конвент штатов Новой Англии, созванный в декабре 1814 г. в Хартфорде (Коннектикут). До Мэдисона дошли слухи, что северо-восточные «братья» намерены создать собственную армию и заключить сепаратный мир с Англией. Президент, который в случае успеха федералистов вошел бы в историю, конечно, уже не как один из основателей нации, а как ее разрушитель, пребывал в те дни в подавленном состоянии духа. «Будем надеяться на лучшее, — писал он о перспективе борьбы с федералистами, — но надо иметь в виду и возможность самого худшего исхода»[155].

Сепаратистам не удалось добиться успеха на конвенте в Хартфорде. Его участники предъявили серьезные требования к правительству, но надеялись осуществить их в рамках союза. Угроза распада союза была ликвидирована, и республиканцы облегченно перевели дух. А внушительная победа американской

армии у Нового Орлеана в конце войны и заключение Гентского мирного договора способствовали росту доверия к правительству и республиканцам со стороны широких масс американских избирателей. Республиканская пропаганда, умело обыграв тот факт, что последнее сражение войны было выиграно американцами, раструбила о ее «победоносном» исходе для США. Воспользовавшись благоприятным поворотом событий, Мэдисон и республиканцы припомнили федералистам в деталях все их проанглийские и антиправительственные акции. Престиж федералистов среди избирателей начал падать, их социальная база стала размываться, и партия Гамильтона вскоре вообще сошла с исторической сцены.

Хотя Мэдисону и республиканцам удалось предать федералистов анафеме, это отнюдь не означало отказа от капиталистического пути развития США, за который ратовали Гамильтон и его партия. Более того, став президентом, Мэдисон под давлением напряженной международной обстановки вынужден был обратиться ко многим из тех начинаний Гамильтона, которые он так усердно пытался похоронить в 90-е годы.

Когда в 1811 г. истек срок действия Национального банка, созданного за 20 лет до этого по настоянию Гамильтона, Мэдисон одним из первых стал выступать за воссоздание этого института. Острые финансовые затруднения правительства во время войны заставили президента еще настойчивей добиваться от конгресса принятия решения об учреждении второго Национального банка, который и был создан в 1816 г. В посланиях конгрессу в 1815 г. Мэдисон настаивал на необходимости поощрения мануфактур и указывал, что при рассмотрении вопроса о тарифах следует принимать во внимание потребности развития национальной промышленности. Страна, писал президент, крайне заинтересована в строительстве «дорог и каналов, что может быть лучше всего осуществлено под началом национальной власти». Администрация Мэдисона, комментировал эти усилия президента язвительный Дж. Рандольф, «переплюнула Александра Гамильтона». Федералисты заявляли, что президент «обокрал» платформу их партии. В последнем послании конгрессу Мэдисон, словно испугавшись того, что зашел слишком далеко в уступках преследовавшему его «духу» Гамильтона, отрекся от идеи государственных субсидий на строительство дорог и каналов.

Истечение в 1817 г. срока президентских полномочий Мэдисона стало и окончанием его активной политической деятельности. Оставшиеся 19 лет жизни он почти безвыездно провел в родовом имении в Орандже. В эти годы трещина в

фундаменте американского государственного союза становилась все глубже. Буржуазии и плантаторам становилось тесно в одном здании. С грустью наблюдая за этой картиной, Мэдисон обращался к единственному «спасительному» средству, к которому можно было прибегнуть в его положении — давал советы насчет достижения возможных компромиссов. История доказала их полную иллюзорность. Непримиримые противоречия между буржуазией и плантаторами, объединившимися в период войны за независимость, дали знать о себе сразу после завершения образования США. Они углублялись на протяжении следующих десятилетий и через четверть века после смерти Мэдисона привели к жестокой схватке двух господствующих классов США за власть. Политический путь четвертого президента США как раз и отразил, причем много полнее в сравнении с политическими судьбами других «отцов-основателей», всю сложность и противоречивость взаимоотношений между двумя группировками правящего класса США.

Основатели США: 200 лет спустя

Идеи и дела «отцов-основателей» на протяжении вот уже двух столетий неизменно привлекают к себе внимание различных слоев американцев, служат предметом острых идейно-политических дискуссий. Каково истинное место основателей США в американской политической традиции? Однозначный ответ на этот вопрос невозможен: он включает в себя множество самых разнообразных аспектов. Что особенно важно: ответ на этот вопрос требует весьма деликатного синтеза «прошлого» и «настоящего», в котором должны быть отражены по крайней мере три оценки: значение деятельности и принципов «отцов-основателей» для своего времени, изменение общественного звучания их заветов в последующие эпохи, отношение к наследию основателей США современной Америки.

Итоги политической деятельности американских «отцов-основателей», несмотря на всю их классовую ограниченность, имели для своего времени прогрессивное значение. То была эпоха революционной ломки феодально-абсолютистского строя; борьба за буржуазные права и свободы, выразителями которых выступали основатели США, отвечала велению времени и требованиям общественного прогресса. Усилия лидеров молодого североамериканского государства, направленные на ликвидацию колониального гнета, утверждение республиканских принципов, вдохновляли передовые умы Европы, «подталкивали» революционный всемирно-исторический процесс сокрушения феодального миропорядка.

Признавая прогрессивное значение преобразовательных усилий лидеров Американской республики, необходимо вместе с тем со всей решительностью возразить против попыток современных буржуазных историков США представить созданные ими политические институты и документы образцами, которым должны подражать все страны и народы, становящиеся на путь независимого развития. В книге патриарха буржуазно-либеральной исторической мысли США Г. С. Коммаджера, посвященной 200-летию антиколониальной войны в США, Америка изображается как единственная страна мира, где удалось воплотить в полном объеме мечты гигантов Просвещения о «золотом веке» человечества[156]. Используя свои незаурядные литературные способности, Коммаджер создает впечатляющую картину, как гуманистические идеалы просветителей, изгнанные из Старого Света, нашли свою истинную родину в США. Эта версия подкрепляется излюбленной идеей буржуазной

американской историографии об «избранности» США, которым-де самой судьбой предопределено осваивать и распространять по миру принципы прогресса и демократии.

В ходе изложения Коммаджер перестает замечать, что, чем дальше, тем больше он обедняет исторический вклад европейских стран в общественный прогресс, а США приписывает такие заслуги, о которых было бы странно услышать даже из уст студента колледжа. Без тени смущения раздает он, например, титулы солонов и ликургов по меньшей мере дюжине американских «отцов-основателей», объявляет их всех философами-просветителями, блестяще исполнившими роль политических деятелей.

Попытка Коммаджера изобразить деяния «отцов-основателей» как триумф идей Просвещения не выдерживает критики. Пытаясь доказать, что они воплотили в жизнь принцип «общественного договора» как основы государственной власти, Коммаджер «забывает» упомянуть, что «отцы-основатели» лишили права избирать и быть избранными на государственные должности всех неимущих американцев, женщин, негров, индейцев. Странным образом Коммаджер «упускает из виду» и то обстоятельство, что «отцы-основатели», осудив в своей идеологии рабство, на практике сохранили его, пошли в решении этого вопроса на компромисс, кощунственный в отношении заветов Просвещения. Заключение Коммаджера, как и всех американских биографов «отцов-основателей», о том, что в результате их деяний в США восторжествовало «царство разума», идеальная общественная модель для всех времен и народов, должно быть отнесено за счет их классовой и национальной ограниченности.

На протяжении всей американской истории духовное наследие «отцов-основателей» использовалось для защиты тех или иных, подчас взаимоисключающих, принципов и программ. В результате искажалось не только его историческое значение, но и его конкретное содержание. Пожалуй, в наибольшей степени пострадали от подобных искажений два «отца-основателя» США — Гамильтон и Джефферсон. «Расплачиваются» они за то, что внесли наибольший вклад в формирование идейно-политических традиций США. И сегодня многим американским авторам свойственно рассматривать всю 200-летнюю историю США сквозь призму борьбы гамильтоновских и джефферсоповских принципов. В XX в. буржуазные идеологи и политики США отдают предпочтение Джефферсону или Гамильтону в зависимости от того, какая из двух тенденций экономического развития эпохи империализма — свободное развитие конкуренции между монополиями или ее государственное регулирование — берет

верх в данный исторический период. В условиях утверждения государственно-монополистического капитализма буржуазные лидеры чаще признают превосходство Гамильтона, глашатая сильной федеральной власти с широкими социально-экономическими полномочиями, нежели Джефферсона, приверженца формулы «лучшее правительство то, которое правит меньше».

Один из распространенных в современной американской литературе подходов к Гамильтону и Джефферсону состоит в противопоставлении их как реалиста и идеалиста.

Такое противопоставление основано на чрезмерном увлечении ретроспективной оценкой прошлого. В этой оценке в первую очередь в расчет принимается то, что развитие США пошло по пути промышленного капитализма, за который ратовал Гамильтон, а мечты Джефферсона об аграрной, фермерской Америке потерпели крах. Нельзя, однако, упускать из виду, что выяснилось это через несколько десятилетий после образования США. В эпоху же, когда жили сами Гамильтон и Джефферсон, как раз более реалистичным казалось развитие нации на путях не промышленного, а аграрного капитализма. США тогда оставались глубоко сельскохозяйственной страной, а наличие огромного количества неосвоенных земель являлось, с точки зрения многих просвещенных умов, залогом того, что в стране и в дальнейшем будут развиваться не мануфактуры и города, а фермы и сельские округа. Джефферсон не витал в облаках и тогда, когда противопоставлял проанглийской внешнеполитической ориентации Гамильтона профранцузскую. Другое дело, что в ряде случаев Гамильтон оказался более прозорливым, но это еще не дает оснований для того, чтобы изображать его оппонента как утописта и идеалиста.

Критикуя модернизаторские трактовки образов «отцов-основателей», необходимо учитывать, что их заветы меняли окраску и звучание в ходе исторической эволюции капитализма, прошедшего мануфактурную, промышленную, монополистическую и государственно-монополистическую стадии. Так, доктрина экономического либерализма, свободы конкуренции, отвечала в условиях антифеодальных революций требованиям общественного прогресса, была, как отмечал Ф. Энгельс, неотъемлемой частью Просвещения: «…освобождение, как его понимает буржуазия, — т. е. конкуренция, — являлось для XVIII века единственным возможным способом открыть перед индивидами новое поприще более свободного развития. Теоретическое провозглашение сознания, соответствующего этой буржуазной практике, — сознания взаимной эксплуатации —

всеобщим взаимоотношением между всеми индивидами, было также смелым и открытым шагом вперед, было просвещением, раскрывающим земной смысл политического, патриархального, религиозного и идиллического облачения эксплуатации при феодализме…»[157]. Однако с переходом капитализма в монополистическую стадию доктрина свободной конкуренции приобретает реакционное звучание, берется на вооружение наиболее консервативными буржуазными идеологами и политиками, стремящимися воспрепятствовать даже умеренным социально-экономическим реформам. Поэтому, раскрывая преемственную связь между принципами «отцов-основателей» и установками современной американской буржуазии, мы не вправе закрывать глаза на ту глубокую метаморфозу, которую претерпели заветы Гамильтона и Джефферсона, Мэдисона и Вашингтона под воздействием как партийнополитической борьбы в США, так и эволюции самого капитализма.

Говоря об отношении современной буржуазии США к наследию «отцов-основателей», необходимо также подчеркнуть, что передовые идеалы Американской республики XVIII в. оказались не по плечу капиталистическим лидерам XX в., более того, явно тяготят их. Первый президент США Джордж Вашингтон в своем политическом завещании отстаивал право каждого народа на выбор собственного развития и национальное самоопределение:: «Я желаю благополучия всем нациям и всем людям. Мои политические принципы просты и справедливы. Я верю, что каждый народ имеет право установить ту форму правления, которая, по его убеждению, обеспечивает ему наибольшее счастье и не создает угрозы правам других, что ни одно правительство не имеет права вмешиваться во внутренние дела другого, если в них не заключена угроза для него самого»[158]. Об этом важно напомнить сегодня, когда из столицы США, нареченной именем Вашингтона, раздаются совсем иные призывы.

Двухвековой путь североамериканского государства со всей очевидностью свидетельствует, что, как пишет советский исследователь, «от идей народного суверенитета, закрепленных в Декларации независимости, США перешли к навязыванию завоеванным пародам колониального управления, от провозглашенных просветителями принципов равенства — к апологии неравенства народов и рас, от демократического изоляционизма — к империалистическому интервенционизму»[159]. Эта закономерность исторического развития США особенно ярко обнаруживается в современную эпоху, когда американские верхи открыто проводят

гегемонистскую политику, сколачивают военные блоки, силой навязывают свои так называемые жизненные интересы во всех уголках земного шара. Откровенным кощунством в отношении идеалов Американской революции является приравнивание нынешней администрацией США национально-освободительного движения к «международному терроризму», а его лидеров к «террористам». Борьба с национально-освободительным движением объявлена, таким образом, сегодняшним Вашингтоном одним из приоритетов мировой политики США. Это свидетельствует о глубокой пропасти между идеалами революционной Америки XVIII в. и политическими принципами правящих кругов современных США.

От автора

Особое значение для нас имели труды советских историков. Жизненный путь, те или иные аспекты деятельности и мировоззрения «отцов-основателей» США исследовали А. В. Аникин, М. П. Баскин, И. А. Белявская, Н. Н. Болховитинов, Б. А. Быховский, А. И. Володин, В. В. Воронов, Н. М. Гольдберг, Л. Н, Гончаров, Б. С. Громаков, А. М. Деборин, И. И. Дементьев, М. Н. Захарова, Р. Ф. Иванов, В. Д. Казакович, В. Г. Каленский, А. М. Каримский, А. А. Кислова, В. Н. Плешков, М. И. Радовский, Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин, А. А. Фурсенко, Н. Н. Яковлев и др.

Указатель имен

Абернетти Т. 89, 170 Адамс Дж. 10, 18, 20, 24, 28, 32, 39–41, 44–46, 48, 51, 86, 87, 90, 91, 98, 99, 105, ИЗ, 114, 123, 143, 151.

Адамс С. 4, 10, 20–25, 27–32, 35–37, 39–42, 44–48 Адамс С., отец 21–23 Адамсы, семья 22, 29 Александр Македонский 20 Андрэ 64, 65 Аникин А. В. 168 Армстронг 159 Арнольд Б. 15, 64.

Банкрофт Д. 158 Баскин М. II. 168 Бауэрс К. 49, 89, 170 Беквит 50.

Белявская И. А. 168 Бирд Ч. 89, 170 Бланд Р. 28 Бойд Дж. 50, 170 Боливар С. 20 Болховитинов Н. Н. 168 Бракстон К. 13.

Брант И. 126, 127, 129, 172, 173 Брэндфорд У. 129 Быховский Б. Э. 168, 171 Бэрр А. 86–88, 110, 125.

Ван Гогендорп Г. 108 Ван Кортленды, семья 58 Ван Ранселлеры, семья 58, 59 Вашингтон Дж. 3, 4, 7-20, 41, 44, 50, 51, 55–58, 60, 64, 65, 68, 75, 77, 83,99,106, 113,132, 142, 143, 147, 166, 167 Видал Г. 89, 125, 170 Виктор 152.

Вильгельм I Завоеватель 43 Вильсон В. 49 Володин А. И. 168 Вольтер 94, 138 Воронов В. В. 168.

Галлатин А. 111, 119, 121, 154, 158.

Гамильтон А. 3–7, 16–19, 44, 45, 49–88, 99,104–106, 108, 110, 112–114, 116, 119, 120, 128, 136, 139, 142, 143, 146, 150, 160–162, 165, 166, 170 Гамильтон Дж. 52 Гамильтон Ф. 87 Гамильтон Э. 58, 59, 86 Гейтс 57.

Генри П. 25, 35, 45, 132, 141,147 Георг I 9.

Георг III 20, 25, 28, 29, 38, 39, 43.

Гольдберг Н. М. 168 Гончаров Л. Н. 168 Гракхи, братья 135 Гренвилл 24 Грин 56.

Громаков Б. С. 168 Гроций Г. 26 Грэйсон У. 147 Гэллоуэй Дж. 28, 37.

Данмор, лорд 130 Дартмут, лорд 36 Деборин А. М. 168 Дементьев И. П. 168, 173 Джей Дж. 16, 17, 50, 57, 60, 75, 87, 137, 150.

Джефферсон Т. 3, 5–7, 10, 17, 20, 32, 37, 39, 40, 42, 44, 49, 50, 53, 73, 77, 79, 81, 85-126, 128, 131, 132, 141, 147, 149–152, 154, 159, 165, 166 Дикинсон Дж. 10, 28, 35, 68, 69, 146.

Дуэн Дж. 38, 57, 64.

Захарова М. Н. 168.

Иванов Р. Ф. 168 Икер Д. 87.

Казакович В. Д. 168 Каленскии В. Г. 168.

Каримский А. М. 168, 171 Карл I 24, 25 Каррингтон Э. 148 Кастис М. 8 Кеннеди Дж. 127 Кислова А. А. 168 Клей Г. 157, 158.

Клинтон Дж. 66, 68, 75, 76, 110–112, 121.

Коммаджер Г. С. 163, 164, 173.
Корнвалис Ч. 60.
Коун Э. 22.
Коч А. 89, 170–172.
Кромвель О. 44.
Крюгер Н. 53.
Кушинг Т, 35.
Кэлхун Д. 157, 159.
Кэннон Дж. 111.
Кэнфильд К. 20, 168.
Лавьен Р. 51, 52 Лайкен Дж. 49, 169, 170 Лафайет М. Ж. 65 Левин Дж. М. 52 Левин П. 52 Леклерк 152 Ленин В. И. 103, 171 Ли А. 138, 139.
Ли Р. Г. 10, 44, 90, 98, 131, 132, 141, 147 Ли Ч. 15.
Ливингстон Р. 57, 70, 152.
Ливингстоны, семья 58, 111, 112.
Логэн Дж. 118.
Лодж Г. К. 56, 169, 170.
Локк Дж. 22, 90, 94, 144.
Лоуренс Дж. 58.
Лувертюр Т. 122.
Льюис Дж. 40, 169.
Льюис П. 20, 168.
Людовик XVI 84, 137.
Мабли Г. Б., де 26, 94 Малоне Д. 89, 101, 169, 171 Марбури У. 124 Маркс К. 171, 173 Маршалл Дж. 123 Макиавелли Н. 44 Мелье Ж. 26.
Миллер Дж. 20, 50, 60, 168–170, 172.
Митчелл Б. 49, 169, 170 Монро Дж. 122, 142, 152 Монтескье Ш. Л. 94, 138, 139 Морелли 26.
Моррис Г. И, 57, 59, 60, 146 Моррис Р. 57, 66, 108, 109, 135–137, 149.
Моррис Р. Б. 49, 89, 169, 170 Мэдисон Джеймс 5, 6, 16, 17, 44, 75, 104, 105, 110, 113, 115, 117–119, 121, 126–162, 166 Мэдисон Джеймс, отец 128 Мэдисон Джон 128 Мэдисоны, семья 128 Мэйсон Дж. 10, 72, 131, 132, 142 Мэтлак Т. 111.
Наполеон Бонапарт 20, 84, 126, 152, 153, 155, 156, 159, 160 Никол Л. 16 Нокс Г. 50, 82.
Отис Дж. 25–27, 90, 97, 169 Отис Х. Г. 84 Отисы, семья 22, 29.
Падовер С. 49, 89, 170 Паррингтон В. Л. 20, 50, 89, 169, 170.
Пейн Д. 150.
Пейн Т. 13, 40–43, 96–98, 100–103, 134, 169, 170 Пендлтон Э. 118 Пендлтоны, семья 111 Пикеринг Дж. 124 Пинкни Ч. 115 Плешков В. Н. 168 Пуфендорф С. 26.

Радовский М. И. 168 Рандольф Дж. 39, 118, 162 Рандольф Э. 41, 71, 72, 101,131, 142.
Раш Б. 35, 97, 104 Рейнольдс Дж. 86 Рейнольдс М. 86 Риттенхауз Д. 111 Робеспьер М. 84 Руссо Ж. Ж. 98.
Салливэн 64.
Севостьянов Г. Н. 168.
Сибэри С. 53, 54.
Скайлер Ф. 57–59, 66.
Скайлеры, семья 58, 59, 111, 112.
Спотсвуд 9.
Стюарты 21, 25.
Талейран Ш. М. 151, 152, 154 Тейзвел Г. 131.
Тейлор Дж. 112, 118, 120 Тейлор З. 128 Тейлоры, семья 128, 130 Текумсе 157.
Уайтхилл Р. 111 Уткин Л. И. 168 Уэбстер Д. 160 Уэлш У. 20, 168, 169 Уэнтворты, семья 22.
Фенно 110.
Финдлей Х. 111.
Флойд К. 139, 140.
Франклин Б. 10, 12, 20, 24, 32.
35, 39, 40, 72, 88, 91, 96, 98, 104–109, 134, 138, 169, 171.
Френно 110 Фурсенко Л. Л. 168.
Хант Г. 158, 159, 173 Харпер Р. Г. 84.
Хатчинсон Т. 23, 28, 29, 31, 32, 36, 39.
Хофстедтер Р. 89, 170.
Чейз С. 124 Чидси Д. 20, 168.
Шейс Д. 47, 71, 76, 101, 104, 112, 141, 142.
Ширлей 22, 23, 29 Шэкнер Н. 50.
Эймс Ф. 83, 116 Эйн Д. П. 129 Энгельс Ф. 166, 171, 173.
Яковлев Н. Н. 168, 170 Янг А. 111, 171.
Adams H. 172.
Becker C. L. 170.
Davis B. 168 Ellis R. E. 172.
Emery N. 168.
Fay B. 168.
Horsman R. 172.
Jensen M. 172.
Maier P. 169.
Matteson D. 168.
Rives W. C. 172.
Rossiter C. 169.
Schachner N. 170.
Stourzh G. 170.

notes

Примечания

1

Термин «отцы-основатели», или основатели США, сложился исторически, он широко используется как в буржуазной, так и в марксистской литературе. Но если буржуазные авторы понимают этот термин буквально, то марксисты, признающие ведущую роль народных масс в истории, осознают и подчеркивают его условность.

От автора

Особое значение для нас имели труды советских историков. Жизненный путь, те или иные аспекты деятельности и мировоззрения «отцов-основателей» США исследовали А. В. Аникин, М. П. Баскин, И. А. Белявская, Н. Н. Болховитинов, Б. А. Быховский, А. И. Володин, В. В. Воронов, Н. М. Гольдберг, Л. Н, Гончаров, Б. С. Громаков, А. М. Деборин, И. И. Дементьев, М. Н. Захарова, Р. Ф. Иванов, В. Д. Казакович, В. Г. Каленский, А. М. Каримский, А. А. Кислова, В. Н. Плешков, М. И. Радовский, Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин, А. А. Фурсенко, Н. Н. Яковлев и др.

3

Fay B. George Washington: Republican Aristocrat. Boston; New York, 1931, p. 44, 147, 149, 228.

4

The Works of John Adams / Ed by Ch. F. Adams: Vol. 1-10. Boston, 1850–1856, vol. 10, p. 282–283.

Davis B. George Washington and the American Revolution. N. Y., 1975, p. 11.

Т. е. за Аллеганские горы.

The Writings of George Washington / Ed. by J. Fitzpatrik: Vol. 1-39. Wash., 1931–1944; vol. 1, p. 428, 491–492, 528; vol. 2, p. 368, 405–406, 437–438, 440, 441, 459, 461, 491, 512.

8

Цит. по: Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л., 1978, с. 234.

Emery N. Washington: A Biography. N. Y., 1976, p. 193.

10

The Complete Writings of Thomas Paine / Ed. by P. Foner. N. Y.,1945, vol. 1, p. 2.

11

The Writings of George Washington, vol. 6, p. 5.

12

Так называли американцев, сохранивших верность Англии и сотрудничавших с англичанами во время войны за независимость.

13

Ibid., vol. 3, p. 455.

Легислатура — законодательное собранно штата.

15

The Washington Papers / Ed. by S. Padover. N. Y., 1955, p. 194–195.

16

Matteson D. Washington and the Constitution. Wash.. 1931, p. 1, 11, 15–16.

Последних в исторической литературе называют также партией джефферсоновских республиканцев, или просто республиканцами. Они сошли с исторической арены в 20-х годах XIX в. В 50-х годах в США возникла на платформе антирабовладельческой борьбы новая республиканская партия, которую следует отличать от джефферсоновских республиканцев.

18

The Washington Papers, p. 322.

Ibid., p. 317–318.

Canfield C. Samuel Adams' Revolution 1765–1776 with the Assistance of George Washington, Thomas Jefferson, Benjamin Franklin, John Adams, George III and the People of Boston. N. Y. etc.. 1976; Chidsey D. B. The World of Samuel Adams. N. Y., 1974; Lewis P. The Grand Incendiary: A Biography of Samuel Adams. N. Y., 1973.

21

Wells W. V. The Life and Public Services of Samuel Adams. 2 ed. N. Y., 1969. Vol. 1–3; Miller J. C. Sam Adams: Pioneer in Propaganda. Boston, 1936; Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962–1963, т. 1, с. 304–320.

Wells W. V. Op. cit.. vol. 1, p. 30.

23

The Adams Papers. Vol. 1–4. Cambridge (Mass.), 1961; vol. 1, p. 263.

24

The Writings of Samuel Adams / Ed. by H. A. Cushing: Vol. 1–4. N. Y.; L., 1904–1905; vol. 1, p. 109.

25

The Papers of Benjamin Franklin / Ed. by L. W. Labaree, W. B. Willcox: Vol. 1-20. New Haven, 1959–1976; vol. 12, p. 363; vol. 13, p. 139, 153.

Wells W. V. Op. cit., vol. 1, p. 48, 49.

Otis 7. The Rights of British Colonies Asserted and Proved. — In: Pamphlets of the American Revolution. Cambridge (Mass.), 1965. vol. 1, p. 437–439.

The Writings of Samuel Adams, vol. 1, p. 67.

29

The Adams Papers, vol. 2, p. 117.

American Colonial Documents to 1776 / Ed. by M. Jensen. N.Y.; L., 1955, p. 801.

31

Wells W. V. Op. cit, Vol. 2, p. 100.

32

The Writings of Samuel Adams, vol. 3, p. 126.

Miller 7. C. Op. cit.. p. 165.

См. подробнее: Согрин В. В. Идейные течения в американской революции XVIII века. М., 1980, с. 86–90.

35

Текст хартии приводится в комментариях к бумагам Б. Франклина. См.: The Papers of Benjamin Franklin, vol. 11, p. 349.

Wells W. V. Op. cit., vol. 2, p. 93–94.

37

Letters of Members of Continental Congress / Ed. by E. C. Burnett: Vol. 1–8. Gloucester (Mass.), 1963, vol. 1, p. 25.

The Writings of Samuel Adams, vol. 3, p. 234.

39

The Works of John Adams, vol. 9, p. 356–357; The Writings of Benjamin Franklin / Ed. by A. Smyth: Vol. 1-10. N. Y.; L., 1905–1907; vol. 6, p. 408.

Malone D. Jefferson and His Time: Vol. 1–5. Boston, 1948–1974; vol. 1. p. 212.

Lewis 7. Thomas Paine, the Author of Declaration of Independence. N. Y., 1974, p. 85.

Maier P. The Beginnings of American Republicanism. 1765–1766. — In: The Development of Revolutionary Mentality. Wash., 1972, p. 103–106.

Пейн Т. Избр. соч. М., 1959, с. 23–26, 34–37.

The Popular Sources of Political Authority / Ed. by O. and M. Handlin. Cambridge (Mass.), 1966, p. 342.

The Writings of Samuel Adams, vol. 4, p. 252, 348.

Ibid., vol. 1, p. 137.

Ibid., vol. 4, p. 296.

Lodge II. C. Alexander Hamilton. Boston, 1882; Mitchell B. Alexander Hamilton. N. Y., 1957–1962. Vol. 1–2; Rossiter C. Alexander Hamilton and the Constitution. N. Y., 1964; Morris R. B. Alexander Hamilton after Two Centuries. — In: Alexander Hamilton and the Founding of a Nation / Ed. by R. B. Morris. N. Y., 1969; Lycan G. Alexander Hamilton and American Foreign Policy. Oklahoma, 1970.

Mitchell B. Alexander Hamilton: The Revolutionary Years. N. Y., 1970, p. 307; Lycan G. Op. cit.. p. 10–12; Morris R. B. Op. cit.,p. XIII–XVII.

Padover S. The Mind of Alexander Hamilton. N. Y., 1958; Bowers C. Jefferson and Hamilton: The Struggle for Democracy in America. Boston; New York, 1925.

Schachner N. Alexander Hamilton. N. Y., 1946; Miller L Alexander Hamilton; Portrait in Paradox. N. Y., 1959; Паррингтон В. Л. Указ, соч., т. 1, с. 367–382.

Boyd J. Number 7. Alexander Hamilton's Secret Attempts to Control American Foreign Policy. Princeton, 1964.

53

Mitchell B. Op. cit., vol. 1, p. 1; Miller J. Op. cit., p. 3. В более ранних биографиях Гамильтона датой его рождения считался 1757 г.

The Papers of Alexander Hamilton / Ed. by H. C. Syrelt: Vol. 1-26. N. Y.; L.. 1963–1979; vol. 1, p. 122.

Lodge H. C. Op. cit., p. 18.

Ibid.

The Papers of Alexander Hamilton, vol. 1, p. 255.

Ibid., vol. 2, p. 18.

Miller J. Op. cit., p. 41.

The Papers of Alexander Hamilton, vol. 2, p. 18.

Ibid., vol. 3, p. 114.

Ibid., p. 254, 256.

Ibid., p. 422.

Ibid., p. 451.

Ibid., p. 451–454.

Ibid., p. 609.

Ibid., vol. 4, p. 199, 207–210, 254–274.

Ibid., p. 218, 219.

Яковлев Н. Н. Вашингтон. М., 1973, с. 324.

Повторяем, партию джефферсоновских республиканцев, необходимо отличать от республиканской партии, оформившейся в 50-х годах XIX в, под влиянием антирабовладельческой борьбы.

71

The Papers of Alexander Hamilton, vol. 7, p. 309, 313, 314.

Ibid., p. 37–57.

Ibid., p. 49–51.

Annals of Congress. 5 Congr., 1 Sess., p. 106–107; 5 Congr., 2 Sess.. p. 1354–1355.

The Papers of Alexander Hamilton, vol. 14, p. 369–371.

Ibid., vol. 15, p. 34–56, 60–61, 90–95, 130–135.

Stourzh G. Alexander Hamilton and the Idea of Republican Government. Stanford (Cal.), 1970, p. 32.

Bowers C. G. Jefferson and Hamilton: the Struggle for Democracy in America. Boston; New York, 1925; Koch A. The Philosophy of Thomas Jefferson. N. Y.. 1943; Паррингтон В. Л. Указ. соч.

Паррингтон В. Л. Указ. соч., т. 1, с. 31.

Beard Ch. A. Economic Origins of Jeffersonian Democracy. N. Y., 1915; Abernethy Th. Western Lands and the American Revolution. N. Y., 1937; Hojstadter R. American Political Tradition and Men Who Made It. N. Y., 1948.

Видал Г. Бэрр. — Иностр. лит., 1977, N 6–9.

Morris R. B. Seven Who Shaped Our Destiny: The Founding Fathers as Revolutionaries. N. Y., 1973, p. 116.

Becker C. L. The Declaration of Independence. N. Y., 1922, p. 25; Jefferson Himself / Ed. by B. Mayo. Cambridge (Mass.), 1942, p. 70.

Война за независимость и образование США. М., 1976, с. 141.

85

Майорат — форма наследования недвижимости (в том числе земли) старшим сыном.

The Papers of Thomas Jefferson / Ed. by J. P. Boyd. Vol. 1-19. Princeton, 1950–1974; vol. 1, p. 362, 491; vol. 8, p. 682.

87

Американские просветители: Избр. произведения. В 2-х т. М., 1968–1969, т. 2, с. 31.

88

The Papers of Thomas Jefferson, vol. 9, p. 151; vol. 10, p. 244; vol. 12, p. 442.

Американские просветители, т. 2, с. 115, 119, 143.

The Papers of Thomas Jefferson, vol. 10, p. 244.

Ibid., vol. 9, p. 151; vol. 10, p. 244; vol. 12, p. 442.

Ibid., vol. 6, p. 281, 295–297, 298–303.

93

Ibid., vol. 12, p. 350–351, 356–357, 425, 439–440, 441, 446, 563.

The Complete Writings of Thomas Paine / Ed. by Ph. S. Foner. Vol. 1–2. N. Y., 1970; vol. 2, p. 369.

The Papers of Thomas Jefferson, vol. 6, p. 248.

Ibid., vol. 12, p. 113.

Malone D. Jefferson and His Time. Vol. 1–5. Boston. 1948–1974; vol. 2, p. XVII. 157, 166.

98

The Papers of Thomas Jefferson, vol. 10, p. 621, 629, 631, 633; vol. 11, p. 49, 92, 93, 174, 526, 527; vol. 12, p. 356.

99

См., напр.: Быховский Б. Э. Философия американского просвещения. — В кн.: Американские просветители, т. 1, с. 57; Каримский А. М. Революция 1776 года и становление американской философии. М., 1976, с. 236.

100

Пейн Т. Указ, соч., с. 179–180; Американские просветители, т. 2, с. 121–122, 144.

101

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 17.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

103

Letters of Benjamin Rush / Ed. by L. H. Butterfied. Vol. 1–2. Princeton, 1951; vol. 1, p. 258, 330, 350, 386–389, 401–402, 413, 514, 516–517, 522; The Papers of Thomas Jefferson, vol. 10, p. 244.

Франклин Б. Избр. произведения. М., 1956, с. 581–592.

105

Koch A. The Philosophy of Thomas Jefferson. N. Y., 1943, p. 122, 123.

106

The Papers of Thomas Jefferson, vol. 8, p. 426; vol. 10, p. 262; vol. 12, p. 442.

Франклин Б. Указ, соч., с. 582.

108

The Papers of Thomas Jefferson, vol. 8, p. 426.

Франклин Б. Указ, соч., с. 588–590.

Там же, 580–582, 586–590.

111

The Papers of Thomas Jefferson, vol. 8, p. 426, 633.

Ibid., vol. 9, p. 42.

Франклин Б. Указ. соч., с. 589.

Young A. F. The Democratic Republicans of New York: The Origins. 1763–1793. Chapel Hill, 1967.

115

Circular Letters of Congressmen to Their Constituents 1789–1829 / Ed. by N. E. Cunningham-jr. Vol. 1–3. Chapel Hill, 1978; vol. 1, p. 247.

116

The Works of Thomas Jefferson. / Ed. by P. L. Ford: Vol. 1-12. N. Y., 1904–1905; vol. 12, p. 136.

117

Cunningham-jr. N. E. The Jeffersonfan Republicans: The Formation of Party Organisation 1781–1801. Chapel Hill, 1957, p. 41.

118

Compilation of the Messages and Papers of the Presidents / Ed. by J. D. Richardson. Wash., 1897, vol. 1, p. 322.

119

The Works of Fisher Ames / Ed. by S. Ames: Vol. 1–2. N. Y., 1969; vol. 2, p. 130.

Koch A. Jefferson and Madison: The Great Collaboration. N. Y.. 1964, p. 44.

121

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 1, p. 379.

122

Miller J. C. The Wolf by the Ears. Thomas Jefferson and Slavery. N. Y.. 1977, p. 123.

123

Американские просветители, т. 2, с. 59, 61.

124

Adams H. A History of the United States During the Administrations of Jefferson and Madison: Vol. 1–9. N. Y., 1930; vol. 1, p. 275.

125

Привлечение к суду и отстранение от должности американских высших государственных лиц, являющееся прерогативой конгресса США.

Ellis R. E. The Jeffersonian Crisis. Courts and Politics in the Young Republic. N. Y., 1971, p. 77–81.

Brant I. James Madison: Vol. 1–6. Indianapolis, 1941–1961.

Brant I. The Fourth President: A Life of James Madison. L., 1970, Preface.

129

The Papers of James Madison / Ed. by W. T. Hutchinson et al: Vol. 1-12. Chicago; London, 1961–1979.

Rives W. C. History of the Life and Times of James Madison: Vol. 1–2. N. Y.. 1859–1868; Gay S. H. James Madison. Boston; New York, 1884; Hunt G. The Life of James Madison. N. Y., 1902.

Hunt G. The Life of James Madison. 2nd ed. N. Y., 1968, p. 16.

Brant I. The Fourth President, p. 15, 16.

133

The Papers of James Madison, vol. 1, p. 105.

Ibid., p. 131.

Jensen M. The Articles of Confederation. Madison, 1963, p. 233.

136

The Papers of James Madison, vol. 5, p. 119; vol. 3, p. 297, 305, 306.

Ibid., vol. 5, p. 56.

Ibid., p. 70, 115, 116, 200, 290.

Ibid., vol. 6, p. 285, 326, 402, 429, 440; vol. 7, p. 57.

Ibid., vol. 6, p. 270–272.

Ibid., vol. 8, p. 307, 333–334, 344.

The Writings of James Madison / Ed. by G. Hunt: Vol. 1-10, N. Y., 1900–1910; vol. 2, p. 277, 283, 301, 305, 316–320, 322.

143

The Records of the Federal Convention of 1787 / Ed. by M. Farrand: Vol. 1–4. New Haven; London, 1964; vol. 1, p. 422.

The Writings of James Madison, vol. 2, p. 366; The Records of the Federal Convention, vol. 1, p. 135, 136, 421, 422; The Federalist, L., 1934, p. 43, 44.

145

The Papers of James Madison, vol. 19, p. 351.

146

The Records of the Federal Convention, vol. 1, p. 65–74, 80, 86–90, 98, 101–102, 176; vol. 2, p. 29–35, 52, 57, 65–67, 100–102, 112, 551.

147

The Writings of James Madison, vol. 5, p. 375–380.

148

The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 11, p. 427.

149

Brant I. James Madison: Secretary of State, 1800–1809. N. Y.,1953, p. 106–108, 129.

150

Horsman R. Origins of the War of 1812. Vol. 1–2. Philadelfia. 1967; vol. 1, p. 164.

Brant L The Fourth President, p. 409.

Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии М. 1973 с. 48.

Brant I. The Fourth President, p. 473.

Hunt G. Op. cit., p. 339.

155

The Writings of James Madison, vol. 8, p. 224, 234, 235, 241, 275.

Commager H. S. The Empire of Reason: How Europe Imagined and America Realized the Enlightenment. N. Y., 1977.

157

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 411.

The Washintgon Papers /Ed. by S. Padover. N. Y., 1955, p. 104.

Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). М., 1973, с. 342.